
Наталья Филимонова
ПРИКОЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ
Каникулы
Теши Закроватного
Теша в поисках
клада
Иллюстрации
Светланы
Кондесюк
ГРИША
+
МАША
+
МИША =

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф53

Серия «Прикольный детектив»
Дизайн обложки: *Катя Оковитая*
Иллюстрации: *Светлана Кондесюк*

Филимонова, Наталья Сергеевна.
Ф53 Каникулы Теши Закроватного. Теша в поисках клада / Н. С. Филимонова. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 192 с.: ил. (Прикольный детектив).

ISBN: 978-5-17-106681-9.

Говорят, в глубине леса, что раскинулся прямо за забором летнего лагеря «Солнышко», спрятан самый настоящий клад, а охраняет его жуткое чудовище! Правда, ребят из шестого отряда уже не напугаешь чудовищами и не удивишь знакомством с лешими и русалками — ведь они дружат с Тешей Закроватным — самым настоящим квартирным! А старый леший, похоже, в самом деле прячет от людей сокровище…

Подписано в печать 28.01.2019.
Формат 60 × 84 $^{1}/_{16}$. Усл.печ. л. 11,16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура OfficinaSansC.
Тираж 3000 экз. Заказ № 42749.
Изготовлено в марте 2019 г.

Произведено в Российской Федерации
Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — книги, брошюры печатные
ТР ТС 007/2011

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленных издательством электронных носителей
в АО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru

Наталья Филимонова

Каникулы Теши Закроватного

Теша в поисках клада

Москва
Издательство АСТ
2019

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАРАФОНЕЦ

День традиционно начался со стука в дверь и протяжного крика: «Поооодъёооооом!! Вы там оглохли все?!» Вожатый Константин Алексеевич, он же Котенька, был безжалостен, как всегда.

Шестой отряд недовольно ворочался на кроватях. Вставать не хотелось никому.

— Ещё чуть-чуть! — душераздирающе зевнул Арам Домбаян.

Денис Квасников, а попросту — Дёма, натянул на голову одеяло. Серёжа Сёмочкин забурчал во сне и перевернулся на другой бок.

Миша лежал на своей кровати и смотрел в потолок. Подъём всё равно неизбежен, а сопротивляться неизбежному глупо, считал он. Единственное, что его действительно удручало, — это предстоящая после линейки пробежка вокруг территории лагеря, обещанная физруком ещё вчера. Бегун из Миши был так себе. Весьма и весьма так себе.

Не то чтобы в шестом отряде «Искателей» все были сонями и лентяями, вовсе нет. Просто так уж сложилось, что в эту смену в лагере «Солнышко» именно на долю шестого отряда выпало так много странных происшествий и приключений, что поспать было совершенно некогда. Вот и сегодня ребята всю ночь бродили по лагерю, а потом неожиданно познакомились с его старым хранителем — бывшим

банником[1] Семёном, который звал себя теперь лагерным. Лагерный — совсем как домовой, только живёт в детском лагере и «присматривает» разом за десятком жилых корпусов, а ещё за столовой и пляжем.

— Живо вставайте! — разъярился наконец вожатый. — Я... я сейчас Ксюшу позову... Нет! Клавдию Аркадьевну!

Угроза была страшной. Старший воспитатель, худрук лагеря и вожатая младшего, седьмого, отряда Клавдия Аркадьевна Трамболюк по прозвищу Тромбон не гнушалась называть «цыплятками» и кормить с ложечки взрослых девятилетних людей. Видеть её в собственной палате ранним утром было бы уж слишком.

Миша решительно откинул одеяло и сел. Начиналась его вторая неделя в лагере.

* * *

— С сегодняшнего дня мы начинаем подготовку к одному из главных событий смены — родительскому дню! — Директриса Зоя Валерьевна Ногаева, или Нагайна, как называли её почти все (разумеется, исключительно за глаза!), была на построении, как обычно, подтянута, свежа и сурова. — Вы должны показать родителям, как выросли и загорели, чему научились. Ввиду того что некоторые пока не научились ничему, в Красном уголке снова стоят наказанными господа Грохотовы из шестого отряда. Имейте в виду, эта ваза была мне доро-

---

[1] Банник в славянской мифологии сродни домовому, только живёт, как нетрудно догадаться, в бане. Иногда может озорничать.

га. Правда, простоят они там недолго, поскольку в отряде «Искателей» кандидатур на это почётное место много. Сегодня необходимо наказать также господ Славина и Домбаяна и юных леди Гасанову и Величко. Возможно, после того как шестой отряд образумится, он сможет также начать подготовку к родительскому дню. Клавдия Аркадьевна уже приготовила для вас программу...

— А тебя-то за что? — шепнул Миша стоящему рядом Араму.

Сам он, как и все остальные наказанные, убегал в тихий час из корпуса и был пойман директрисой с поличным. Неразлучные приятели Дима Доброхотов и Митя Гроссман, которых Зоя Валерьевна прозвала «Грохотовы», ещё и разбили старинную вазу в кабинете директрисы. Как они туда попали и что рассчитывали найти, Миша предпочёл не спрашивать.

— За свободомыслие, — с невинным видом ответил Арам, — и смелость в экспериментах.

Как Миша узнал по дороге в столовую, у будущего великого учёного Арама закончились взятые с собой из дома книги. А когда юному гению нечего почитать, это настоящая катастрофа. Некоторое время Арам слонялся из комнаты в комнату, ища себе занятие, а затем решил провести научный эксперимент. Из кандидатов в подопытные в корпусе были только ребята из отряда, вожатые и его собственная черепаха по кличке Че. Поскольку ставить опыты на животных Арам считал негуманным, в качестве подопытных он выбрал девочек.

В чём именно заключался эксперимент, Арам так и не признался, туманно сообщив, что он пытался измерить «скорость мыслительных реакций и формирования

условных рефлексов в условиях стрессовой ситуации». Впрочем, завершить опыт и сделать из него какие-либо выводы ему всё равно помешали, поскольку Эля совершенно антинаучно позвала на помощь вожатых.

* * *

С пробежкой не задалось с самого начала. Физрук Михаил Евгеньевич бодро бежал первым, время от времени отходя в сторону, чтобы не упустить из виду отстающих. Рядом с ним бежала не ведающая ни страха, ни усталости Антонина Гаврина — Тоха из младшего отряда. Её кое-как обрезанные рыжие волосы постоянно падали на лоб, и Тоха недовольно их отбрасывала. Изредка её удавалось обогнать одному из Грохотовых.

Следом длинной цепочкой растянулись шестой и седьмой отряды — с первого по третий классы. Где-то в середине трусил Мишин извечный враг — Дёма

Квасников. Он иногда оглядывался назад, чтобы скорчить Мише презрительную рожицу или бросить в него мелкий камушек. Камушки, впрочем, до Миши всё равно не долетали: между ним и Дёмой оказался весь младший седьмой отряд.

Миша бежал одним из последних, часто останавливаясь, чтобы отдышаться, и периодически переходя на шаг. В школе физкультура никогда не была Мишиным любимым предметом. Рядом с ним бежали только худенький и мелкорослый Арам Домбаян, рыхлый и полный Серёжа Сёмочкин да ещё самый маленький мальчик из седьмого отряда, впрочем, периодически обгонявший всех троих старших ребят.

«Если меня обгонит Сёмочкин, это будет уж слишком», — думал Миша.

— Не отставай, тёзка! — Физрук материализовался откуда-то прямо рядом с Мишей. — Лучшему бегуну сегодня полагается награда!

— Я стараюсь! — пропыхтел Миша, мрачно решив про себя, что физрук над ним просто издевается. Тот, впрочем, уже снова убежал далеко вперёд.

Возле стены корпуса шестого отряда Арам внезапно замер — да так неожиданно, что бежавшие сразу за ним Миша и Серёжа буквально врезались в него.

— Ай! Ты чего? — Серёжа, едва не упав, зацепился за ветку росшего рядом куста.

— С ума сошёл? — поддержал его Миша. — Финиш скоро, и так последние, а ты ещё тормозишь!

— Тихо! — Арам поднял руку в успокаивающем жесте. — Есть идея!

— Да некогда твои идеи обсуждать! — возмутился Миша.

— Ну, как хочешь... раз так, оставайся последним. А я считаю, что физподготовка всегда проигрывает интеллекту, — с этими словами Арам резко свернул с беговой дорожки и направился к своему корпусу.

— Стой... ты чего задумал? — Миша, собиравшийся уже махнуть на Арама рукой, начал о чём-то

догадываться. Они с Серёжей переглянулись и, не сговариваясь, кинулись догонять Арама. Остальные ребята, успевшие убежать довольно далёко вперёд, не обращали на них внимания. Впрочем, был среди них один — тот, кто редко упускал случай насолить Мише и очень радовался тому, что тот отстаёт...

— Вы понимаете, — рассуждал Арам, неторопливо бредя к корпусу, — финиш у нас где? За главным корпусом. То есть на противоположном конце лагеря. Если верить Евклиду[1], кратчайший путь между двумя точками — прямая. А беговая дорожка идёт по дуге, в обход лагеря. Значит, чтобы не оказаться последними, нам нужно всего лишь срезать путь. Правда, тут есть небольшая проблема: если мы просто в открытую побежим через лагерь, нас обязательно заметят все. Но! Если появиться перед самым финишем — из главного корпуса... из стены главного корпуса! Если нас кто-то и увидит, то глазам своим всё равно не поверит... Понимаете?

Миша уже всё понял. Как и Серёжа, разумеется. Им всего-навсего был нужен тот, кто умеет ходить сквозь стены.

* * *

В самых обыкновенных квартирах самых обыкновенных современных многоэтажных домов обитают необыкновенные существа — *квартирные*. Они

---

[1] Арам очень любит читать учебники для старших классов. Школьную программу по всем предметам он освоил ещё в прошлом году. Кстати, Евклид — это древнегреческий учёный, который заложил основы математики.

присматривают за тем, чтобы был в доме уют, а в семье — мир и лад. Могут иногда и безобразничать, конечно, — если хозяева-люди им не очень-то нравятся. А видеть домовых, квартирных и прочих необычных существ — например русалок или того же банника-лагерного — могут только те, кто способен в них поверить. Чаще всего это дети. Лишь иногда — редко-редко — встречаются и среди взрослых настоящие романтики, готовые поверить в сказку.

Есть у квартирных ещё одна особенность — все они запросто могут ходить сквозь любые стены. А если взять квартирного за руку, то можно пройти сквозь стену вместе с ним.

Так сложилось, что Миша Славин, уезжая в летний лагерь, нечаянно взял с собой своего квартирного — юного Терентия Закроватного. Теша Закроватный был существом застенчивым и очень упитанным. Ещё его отличали мягкий пушистый мех светло-сиреневого цвета, длинный хвост и большие уши. Словом, самый обыкновенный квартирный.

Тот факт, что под кроватью у Миши обитает странное мохнатое светло-сиреневое существо, не мог долго оставаться тайной для других ребят из отряда. Ведь здесь, в отличие от родной квартиры, полным-полно тех, кто умеет видеть чудеса, — детей! Так что теперь о существовании квартирных было известно всему шестому отряду.

* * *

— Ну, я не знаю, — возмущённо бубнил Теша, недовольно подёргивая хвостом, — это опять из дому выходить мне, чего удумали. Никакого покою с вами!

Теша Закроватный был большим домоседом и терпеть не мог открытых пространств. Собственно, до этой поездки в лагерь он вообще ни разу не покидал родную квартиру.

— Я тебе последнюю шоколадку отдам! — сулил Серёжа Сёмочкин, чей рюкзак всегда был набит сладостями.

— Нету у тебя уже шоколадок, — просветил Теша. — Я точно знаю, сам последнюю того... ну, не важно...

Возмутиться Тешиным поведением Серёжа не успел, поскольку в этот момент дверь комнаты снова открылась.

— Ну и чё вы тут собрались, лузеры?

Денис Квасников единственный из всех заметил, как трое ребят свернули с дорожки. Приходить к финишу последним — с «лузерами» — ему совсем не хотелось. Но ведь они точно что-то задумали! После недолгих раздумий Дёма незаметно отстал от остальных и проскользнул в корпус своего отряда.

Арам оглянулся на Дёму и недовольно нахмурился.

— Ладно. Времени нет спорить. Бегом! Теша! — С этими словами он схватил упирающегося Тешу за пухлую лапку и побежал прямо в стену. Миша едва успел ухватиться за другую руку Арама, в него самого вцепился Серёжа Сёмочкин, а спустя секунду они все вместе вывалились на траву по другую сторону стены. Миша оглянулся: Дёма, вращая глазами, крепко держал в руках кончик Тешиного хвоста. «Ох, и достанется ему потом от Теши», — злорадно подумал Миша, отлично знавший, как трепетно относятся квартирные к своим хвостам, и как они способны испортить жизнь человеку, вызвавшему чем-то их недовольство. Впрочем, сейчас Теше, кажется, было не до хвоста: от неожиданности он и в самом деле кинулся бежать, да с такой скоростью, что ребята едва поспевали за ним.

— Я вам на всю ночь кошмаров нашлю! Всем! И комаров! И этих... клопов постельных! — обещал Теша на бегу. Миша надеялся, что квартирный к вечеру успеет забыть свои угрозы.

— В общем, главное — сразу замешаться в середину. Если будем в первых рядах — нас заметят, а нам этого не надо, — на бегу наставлял друзей Арам. Миша молчал, пытаясь сберечь дыхание. Серёжа только пыхтел — кажется, он уже не мог говорить. Что до Дёмы, тот как-то очень довольно ухмылялся.

Путь до главного корпуса прошёл без приключений: никто не обратил внимания на компанию, перебегающую от одного здания к другому.

Не останавливаясь, ребята вбежали в главный корпус сквозь стену, намереваясь промчаться сквозь здание и выйти с другой стороны. Правда, в коридоре им всё-таки пришлось остановиться: Арам буквально налетел на техничку, которая мыла полы.

— Ой, батюшки! — Глаза у технички сделались невероятно круглыми. Тешу она, конечно, видеть не могла. Зато прямо на её глазах четверо мальчиков выскочили из стены! — Батюшки-светы!

Техничка, держась за швабру, медленно осела на мокрый пол, продолжая подслеповато моргать.

— Извините! — попытался исправить положение Миша.

— Да чё там! — вклинился Дёма.

— Не обращайте внимания! — посоветовал Арам. — Понимаете, это всё от жары. Повышенное давление! Но нам пора! Извините!

С этими словами он потащил остальных дальше.

— Батюшки-светы, — снова пролепетала дрожащими губами техничка, когда четверо мальчишек исчезли в противоположной стене. Потом она подняла руку, чтобы перекреститься, передумала и вытерла лоб краем халата.

— Пора в отпуск! — сказала она куда-то в глубину коридора. — Пора!

* * *

— Пора! — Теша, которого ребята отправили в разведку, вернулся с вестями. Физрук наконец-то отстал, чтобы подбодрить бежавших последними.

Ребята ухватились за Тешу и дружно вывалились из стены — прямо перед изумлённой Тохой.

— Жульничаете! — хихикнула Тоха, не останавливаясь.

— Немного, — подмигнул ей Арам и задержался, чтобы, следуя своему плану, смешаться с бегущими в середине. Вместе с ним в колонне бегущих исчез Сёмочкин.

Однако Дёма, похоже, не собирался отставать. С довольным видом он вдруг пустился во всю прыть... и обогнал Тоху. Красная ленточка, обозначавшая финиш, была всего в паре метров перед ним.

Этого Миша допустить не мог. Если бы победительницей забега стала Тоха, это было бы справедливо. Но Дёма, как и он сам, смошенничал. Тоха, пробежавшая оба круга от начала до конца, конечно, уже устала... Сейчас Миша понимал только одно: ненавистный Дёма бежит впереди всех и вот-вот окажется победителем...

Отчаянным усилием Миша рванул вперёд и в несколько прыжков догнал Дёму перед самым финишем. Ещё мгновение — и Миша, обогнав соперника всего на пару секунд, сорвал финишную ленточку.

— Ну даёшь, тёзка! — восхищался им спустя несколько минут физрук Михаил Евгеньевич, выстроив всех бегунов в шеренгу. — Я-то думал, ты вообще бегать не умеешь, а ты, выходит, силы копил... настоящий марафонец! Вот Гаврина у нас спринтер — первая с самого начала, а к финишу — уста-ала, отста-ала, — растягивая слова, он похлопал Тоху по плечу, как бы утешая. — Но ведь молодец девчонка! Хотя есть, есть чему поучиться у наших пацанов...

Пока физрук торжественно пожимал руку Мише и вручал ему призовую шоколадку, Тоха стояла мрачнее тучи. Она-то, как и сам Миша, отлично знала, кто на самом деле был победителем.

Мише было очень плохо. Он отлично понимал, что виноват перед Тохой. Но ведь если бы не он, то Дёма! И всё равно он почему-то чувствовал себя предателем.

Тоха уходила к своему корпусу, даже не взглянув на Мишу.

— Тох! Тоха! — Миша попытался догнать её. — Тоха, пожалуйста! Ну возьми эту шоколадку! Ты... ты же заслужила её!

На секунду Тоха остановилась и обернулась, кинув на Мишу презрительный взгляд.

— Теше отдай... он заработал.

Гордо тряхнув стрижеными волосами, Тоха отвернулась и пошла дальше.

— Зря ты это, — шепнул, пробегая мимо, Арам. Следом за ним торопливо шёл Серёжа Сёмочкин. Вскоре они оба догнали Тоху и дальше шли уже вместе, о чём-то негромко разговаривая.

— Смотри не обляпайся шоколадкой-то... марафонец! — Дёма, проходя мимо, не упустил случая дать Мише подзатыльник.

Миша плёлся к корпусу в одиночестве, совсем не чувствуя себя победителем.

На одной из лавочек у дорожки сидели директриса Нагайна и техничка, причём Нагайна обнимала собеседницу за плечи.

— Это всё нервы, Ирина Львовна, — успокаивающим тоном говорила она, — жара, давление... потом, наверное, вы устаёте...

«С Арамом она бы точно договорилась», — подумал Миша про директрису. Техничка Ирина Львовна проводила его диким взглядом.

На следующей лавочке сидела не менее странная парочка: грустная почему-то вожатая шестого отряда Ксюша и покровительственно обнимающая её за плечи Катя Величко — первая красавица всё того же шестого отряда.

— Вы, Ксюша, совершенно не умеете с мужчинами обращаться, — наставительно говорила Катя.

«Везде какие-то нервные женщины, — с неудовольствием думал Миша, — всех кто-то утешает. Только я никому не нужен. Хотя мне вообще-то и самому никто не нужен. В конце концов, я мужчина. А шоколадку Теше отдам. Правда же — заслужил! Вот настоящий друг! Не то что эти все...»

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДА НУ ИХ, ЭТИХ РУСАЛОК!

— Квасников! Десять минут истекли, сейчас же на берег! — вожатая Ксюша, сердито жестикулируя, стояла по пояс в воде. Дёма Квасников, никак не реагируя, продолжал плыть куда-то в сторону буйков. Все остальные ребята из шестого отряда уже с сожалением выбирались из воды — включая даже Диму и Митю Грохотовых, которых Ксюше пришлось выгонять на берег едва ли не пинками. Впрочем, Грохотовы немало помогли Ксюше: обнаружив здоровенного краба, гревшего бока на большом валуне, они принялись пугать им девчонок: те, визжа, выбегали на берег со скоростью пушечных ядер.

Миша брёл к берегу по колено в воде. Вода сверкала и переливалась на солнце, и сквозь неё было видно каждую песчинку на дне. Иногда мимо, едва не задевая ноги, проплывали косячок мелких рыбок или полупрозрачная белёсая медуза. Время от времени встречались небольшие кустики или длинные плети водорослей, необыкновенно ярко-зелёных на фоне жёлтого песка. А когда ни водорослей, ни рыб не было, солнце просвечивало воду насквозь, и песок выглядел в его свете таким ярким, что казалось, будто идёшь по расплавленному золоту. Иллюзия исчезала, когда Миша глядел на свои ноги: в воде они смотрелись короткими и синеватыми. Миша не торопился: Ксюша всё равно была слишком занята Дёмой.

— Квасников!

На Дёму Квасникова авторитет вожатой не действовал никак. Ксюшу он не считал за взрослую и полагал, что слушаться её может только «малышня». Сам он был не только самым старшим, но и самым крупным в отряде, и с большим удовольствием задирал тех, кто был слабее и не мог дать отпора. Конечно, излюбленной мишенью Дёмы всегда был Миша Славин, который учился с ним в одной школе.

Ксюша беспомощно оглянулась на берег, где лежал в шезлонге, накрыв лицо футболкой, Константин Алексеевич. Некоторое время назад он едва не утонул, и с тех пор наотрез отказывался лезть в воду, заявив, что кто-то должен присматривать за детьми с берега. Впрочем, нельзя сказать, чтобы он присматривал так уж внимательно. Со стороны можно было бы подумать, что Константин Алексеевич попросту спит.

— Смотри, руки вытянул... к лесу куда-то! — Митя Гроссман, только что отпустивший на волю многострадального краба, подтолкнул в бок своего приятеля Диму Доброхотова.

— Так это ж мертвец... на сокровища указывает! — ухмыльнулся Доброхотов. — Из «Острова сокровищ»!

В следующие несколько минут ребята бурно обсуждали, куда в последнее время подевался Пью — одноглазая чайка, часто попрошайничавшая на пляже, и зарыт ли на самом деле в лесу клад. О существовании клада всем поведала всезнайка Вика Незнамова. Однако у неё была репутация человека, рассказы которого следует делить как минимум на два. Не то чтобы Вика была врушкой, просто считала, что всякую историю нужно рассказывать так, «как интереснее».

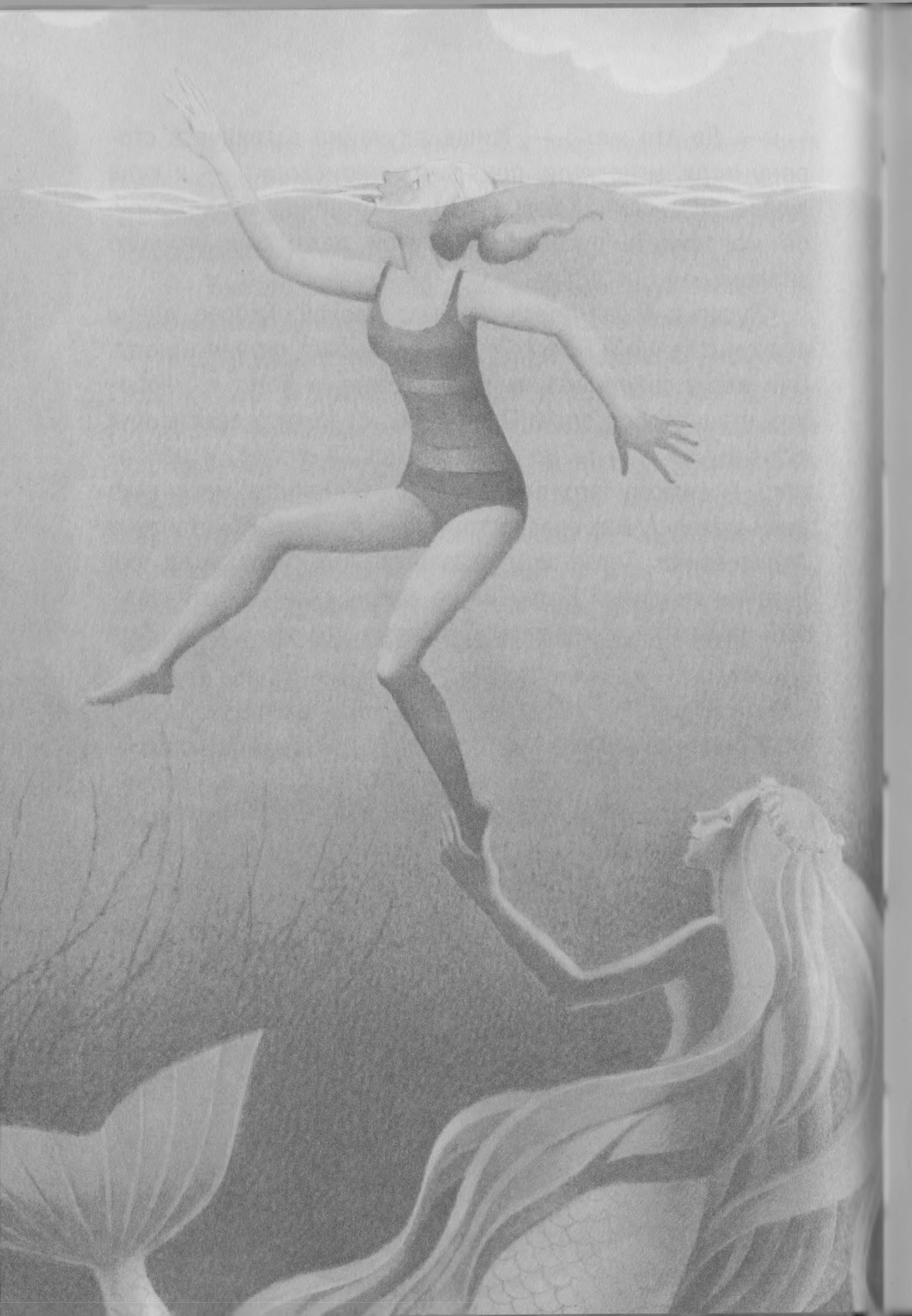
Тем временем в море разворачивалась драма. Денис Квасников, доплыв до буйков, повернул и поплыл наконец обратно — в направлении берега, далеко обогнув пытавшуюся догнать его вплавь вожатую Ксюшу. Кричать ему Ксюша давно перестала, поняв, что это бесполезно. В какой-то момент она почти догнала Дёму... но тут ей показалось, словно нога за что-то зацепилась в воде. И как-то уж слишком много вокруг оказалось морской пены. Попытавшись высвободить ногу, вожатая ударила по воде, но руку вдруг свело судорогой. Ксюша начала биться. Кричать она не могла, поскольку её голову будто что-то тянуло под воду — девушка боялась захлебнуться, наглотавшись воды.

Дёма тем временем уже неторопливо выходил на берег, не оглядываясь на вожатую.

— Да это же... — Миша, случайно взглянув в сторону моря, мгновенно понял, что происходит, — и куда лучше, чем сама Ксюша. Ведь, в отличие от вожатой, он мог видеть русалок. А с этой даже был немного знаком.

Русалка Аглая вовсе не была плохой. Скорее, очень легкомысленной. Просто русалкам бывает скучно в море. Они могут спасти вас, если вы тонете, а могут и, наоборот, утащить под воду. Просто так, от нечего делать, или если вы им чем-то не понравились. А может, и наоборот, — потому что понравились. Например, несколько дней назад Аглая спасла тонувших Мишу и Константина Алексеевича. Тогда-то и оказалось, что суровый на вид и вечно сердитый Котенька на самом деле — безнадёжный романтик и мечтатель. Потому что он, хоть и был

взрослым, смог увидеть русалку. А увидев, немедленно в неё влюбился. Он даже писал ей стихи, передавая записочки через Мишу. Впрочем, Аглая только смеялась над юным воздыхателем.

А теперь Аглая — в шутку или всерьёз — топила Ксюшу. На пляже, кроме ребят из шестого отряда и их вожатых, не было почти никого. Только поодаль загорало какое-то семейство — видимо, из близлежащего посёлка. Пузатый отец читал книгу, мамаша лежала, накрыв лицо кепкой, и только время от времени выглядывала из-под неё, чтобы убедиться, что с её детьми всё в порядке. Дети — мальчик и девочка лет трёх-четырёх — строили из песка замок. Вряд ли этим людям пришло бы в голову, что на пляже при детском летнем лагере можно утонуть — глубина здесь невеликая. Даже если бы кто-то из них заметил Ксюшу, скорее всего, решил бы, что она просто дурачится.

Миша растерялся, не зная, как поступить, — ведь он был не слишком хорошим пловцом, да и Аглая вряд ли его послушается.

— Костя! — отчаянно завопил он, от ужаса забыв даже назвать сурового вожатого по отчеству. — Костя, Ксюша тонет! Аглая!

Костя вскочил с шезлонга, на ходу срывая с головы футболку, и пару секунд озирался с безумным видом. Потом, увидев, что происходит в море, он мгновенно проснулся и побежал к воде, как всегда высоко поднимая колени и прижимая локти к туловищу.

«Он же не умеет плавать!» — запоздало вспомнил Миша.

Впрочем, похоже, для Константина Алексеевича не прошли даром уроки всё той же Аглаи, пытавшейся обучить его плаванию. Забежав в воду по пояс, вожатый с шумным всплеском упал на живот и неуклюже заработал руками-ногами.

— Аааа... Аглая! Что же... это! Перестань...те! — захлёбываясь, кричал он.

В ответ слышался звонкий хохот русалки. Впрочем, когда вожатый подплыл к Аглае довольно близко, та выпустила Ксюшу, переставшую уже барахтаться, плеснула хвостом по воде и исчезла. Константин схватил Ксюшу за волосы и одной рукой погрёб к берегу.

Всё произошло так быстро, что никто не успел толком ничего понять. Ребята из отряда замерли на берегу, с ужасом наблюдая за происходящим. Вечная плакса Лизанька Исакова на всякий случай уже тихонько всхлипывала.

На мелководье Константин Алексеевич наконец встал на ноги, придерживая Ксюшу одной рукой, и сложился пополам, чтобы откашляться. Миша, а вместе с ним Дима и Митя Грохотовы кинулись в воду и, мешая друг другу, вместе с Константином Алексеевичем вытащили вожатую на берег.

— Что?.. — замирая, спросила Лизанька.

— Живая... — просипел вожатый. — Медсестру зовите... бегом!

* * *

До самого вечера отряд бурлил, обсуждая происшествие и ругая последними словами вредную русалку. Оказалось, Ксюша только наглоталась воды и

потеряла сознание, однако медсестра всё же заставила её на всякий случай провести день в постели. С отрядом оставался Константин Алексеевич, время от времени прибегала Клавдия Аркадьевна. Впрочем, последняя выглядела очень озабоченной и то и дело наведывалась в медпункт: Ксюша приходилась ей родной племянницей, и Клавдия-Тромбон необычайно переживала за свою «Сусеньку». Так что, по большому счёту, изрядную часть времени в этот день ребята были предоставлены сами себе.

Вечером Клавдия Аркадьевна зашла в комнату девочек пожелать им спокойной ночи. Девочки как раз что-то бурно обсуждали и даже спорили.

— Вы ж мои сиротинушки... — горестно вздохнула Клавдия, всколыхнувшись всем своим огромным

телом. — Ну ничего, завтра Сусенька, глядишь, поправится, всё веселее вам будет.

— Клавдия Аркадьевна! — окликнула её похожая на любопытную лисичку Вика. — А вот вы как считаете: Ксюше нравится Константин Алексеевич?

— Да она же мне сама сказала! — обиженно вскинулась Катя Величко.

Клавдия Аркадьевна нахмурилась.

— А если сама сказала, — неожиданно строго объявила она Кате, — значит, нечего сплетничать за спиной.

Катя вспыхнула, смутилась на секунду, однако тут же с вызовом скрестила руки на груди.

— Вот я ни от кого не скрываю, кто мне нравится! — сообщила она и гордо оглянулась на остальных девочек.

— Кроме него самого! — ехидно ввернула Вика.

— Ничего я от него не...

— Ну он же не знает, — мягко улыбнулась лучшая подруга Кати — черноволосая Алёна Гасанова.

— Ну не буду же я сама к нему подходить, — тут же надулась Катя.

— А вот мы в своё время, мои котяточки, — Клавдия Аркадьевна определённо смягчилась, судя по тону. Она даже присела на край Катиной кровати, — анкеты заполняли. Из них часто и узнавали, кто кому нравится. Стеснительные, правда, под псевдонимами[1] писали, зато потом так интересно было угадывать, кто есть кто!

— Анкеты? Что ещё за анкеты? — нахмурилась Катя.

— А я знаю! — ввинтилась Вика. — Это такая тетрадка, в ней вопросы типа: что ты любишь, какие фильмы нравятся, какие соцсети, с кем хочешь встречаться...

— Кажется, я такое видела, — припомнила Катя. — Мне даже мама хотела купить — такая красивая тетрадка с феями, в ней эти вопросы и строчки для ответов.

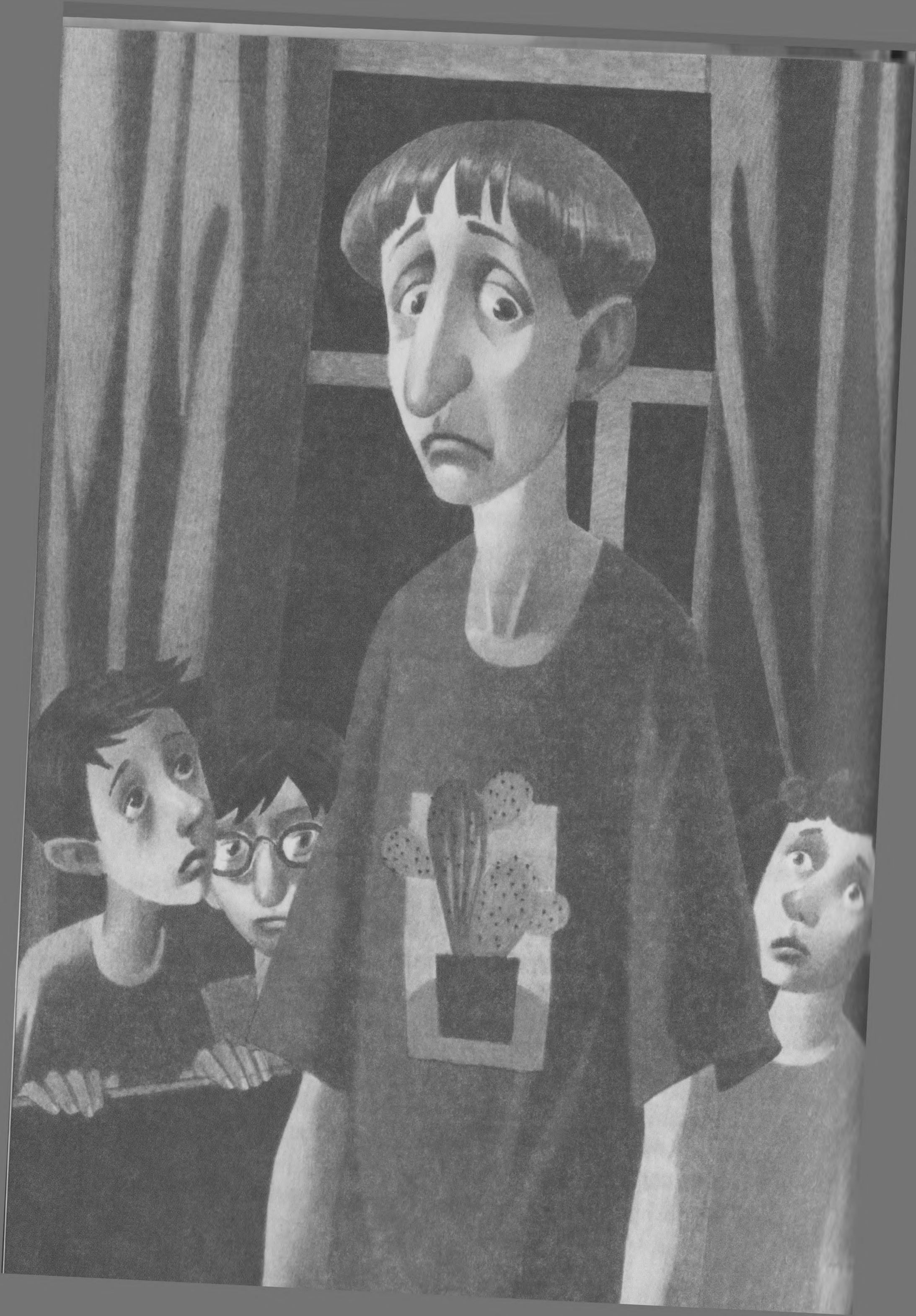
— Ну нет, — Клавдия Аркадьевна неодобрительно покачала головой. — Настоящие анкеты не в магазине покупают, а сами делают! У нас все девчонки соревновались, кто красивее оформит и разрисует. А потом обязательно эту анкету всем-всем давали заполнить. Даже учителям иногда. Столько интересного можно было узнать! Кстати, у меня наверняка найдётся толстая тетрадка. Никому не нужно?

* * *

Тем временем в комнату мальчиков заглянул Константин Алексеевич, весь день ходивший с отстранённым видом.

---

[1] Псевдоним — это выдуманное имя. Псевдонимы часто используют писатели, художники и музыканты, если собственное имя или фамилия им не очень нравится или они по каким-то причинам хотят их скрыть.

— Отбой! Все улеглись? — Он осмотрел комнату, держа руку на выключателе света.

Мальчики сидели в своих постелях, но никто пока не спал. Несколько секунд Константин Алексеевич помолчал, не убирая руку с выключателя.

— Спасибо, ребят, за помощь, — решился он наконец.

— Да вы ведь сами! — наперебой заговорили почти все разом.

— Да я... если б я опять не заснул, вообще бы ничего не случилось, — Костя со вздохом опустил голову и совсем уж неожиданно заключил: — Плохой из меня вожатый, ребят...

Спорить с этим утверждением было сложно: Константин Алексеевич с самого начала вёл себя так, как будто не понимал, зачем он вообще в лагере, и всячески старался спихнуть все обязанности на Ксюшу. И всё-таки Мише стало его жалко. Он понимал, что надо сказать что-то утешительное, но не мог сообразить что.

— Зато вот вы плавать научились! — нашёлся Арам.

— Плавать? — Константин Алексеевич приподнял плечи. — Да нет, это у меня с перепугу... нечаянно как-то получилось.

Все немного помолчали.

— Никогда не поймёшь, что у этих девчонок на уме, — проговорил наконец Миша. — Вот и Ка... то есть Аглая тоже...

— Аглая? — Константин Алексеевич поднял голову и посмотрел куда-то вдаль, за окно. — Да ну их, этих русалок! Всё равно они в поэзии ничего не понимают.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛЕСНЫЕ ИСТОРИИ

Ещё с вечера небо заволокло плотными, тяжёлыми тучами. А ночью разразилась гроза. От вспышек молнии в комнате периодически становилось светло как днём. Гром грохотал так близко, что порой казалось, что будто здание дрожит и вот-вот обрушится. Ливень за окном стоял сплошной стеной.

Теша Закроватный очень боялся грозы. Обычно он спал, уютно свернувшись клубочком среди Мишиных вещей в открытом чемодане. Однако сейчас он понимал, что привычный чемодан не спасёт его. При каждой вспышке молнии он плотнее оборачивался хвостом и прижимал длинные уши, однако это нисколько не помогало. В конце концов Теша выбрался из-под кровати, огляделся вокруг и подёргал Мишу за рукав пижамы.

— Да не сплю я, — прошептал Миша. — Боишься?

Теша молча забрался на кровать и натянул на себя Мишино одеяло. Миша обнял его одной рукой и почувствовал, как тот крупно вздрагивает.

— Ну ладно тебе, — так же шёпотом попытался утешить друга Миша, — это ведь только гроза...

— Спорим, эта плакса там сейчас рыдает? — вполголоса спросил со своего места Дима Доброхотов.

— Нашёл чем удивить, — зевнул Митя Гроссман.

«Плаксой» была, конечно, Лиза Исакова.

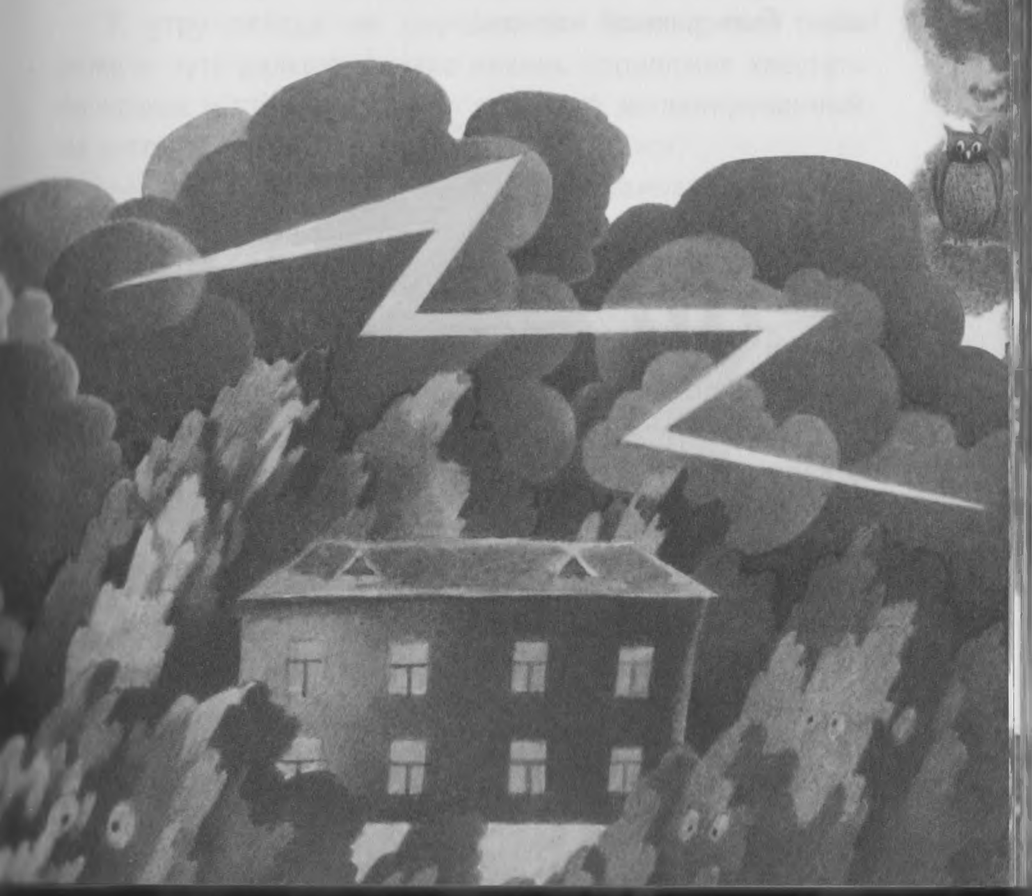
— Да они там щас все поди ревут, — не трудясь понижать голос, объявил Дёма Квасников.

— Ты-то уж помолчал бы, — осадил его Арам. — Из-за тебя все неприятности сегодня.

Похоже, никто в комнате не спал, за исключением разве что Серёжи Сёмочкина, который отчётливо посапывал и, похоже, видел хорошие сны.

В этот момент что-то проскребло по стеклу.

— Ветка, что ли? — Арам обернулся в сторону окна. Миша подумал, что, наверное, Арам сейчас щурится и выглядит немного беспомощным, как всегда, когда снимает очки. Впрочем, за окном всё равно стояла такая темень, что разглядеть что-то было невозможно даже с хорошим зрением. Некстати вспомнилось, что

ближайшее дерево — у окна девочек, сюда его ветки вряд ли дотянутся.

В этот момент раздался очередной удар грома, почти сразу вспыхнула молния, и снова послышался грохот, в котором чудились как будто отголоски звериного рёва. Что-то в этой молнии показалось Мише неправильным, однако он не мог сообразить, что именно.

Арам резко сел на кровати.

— Вы тоже слышали?

— Как рычало? — оживлённо переспросил Митя Гроссман. — Похоже, звери какие-то!

— Да нет, — отмахнулся Арам. — Гром! Гром не может быть раньше молнии!

Митя в темноте пожал плечами. «Подумаешь», — в унисон ему решил про себя Миша. Однако Арам, похоже, считал этот странный гром чем-то и впрямь из ряда вон выходящим.

— Скорость света выше, чем скорость звука! — с горячностью пояснил он. — А если гром раньше молнии, значит, это не гром... это... это что-то другое.

— Это кто-то, — совсем тихо сообщил Теша, едва высунув нос из-под одеяла и продолжая крупно дрожать. — Он там... я его давно слышу.

* * *

К утру погода не улучшилась. Гром гремел чуть реже и чуть дальше, однако ливень продолжал хлестать по крыше и стёклам, и было ясно, что запланированный на сегодня поход в лес точно не состоится.

— А вы знаете?! — Вика Незнамова, влетев в комнату мальчиков, как всегда, забыла даже поздороваться. — По лагерю монстры ходят! Мы одного видели!

Дёма Квасников презрительно хмыкнул и открыл было рот, чтобы сказать какую-нибудь гадость, однако наткнулся на тяжёлый взгляд Миши и осёкся.

— Кого видели? Можешь описать? — деловито переспросил Арам.

— Глаза видели! Во — глазищи! И вообще... да почти все девчата видели! Правда!

После умывания все ребята собрались в комнате девочек, чтобы обсудить, кто бродил по лагерю ночью. Квартирный Теша сидел тихонько в уголке на одной из кроватей и слушал.

Лиза Исакова традиционно всхлипывала. Её привычно пытались утешить Катя Величко и Алёна Гасанова, сидевшие рядом на кровати, поджав ноги. Впрочем, глаза были красными у многих девочек — сказывалась очередная бессонная ночь.

— Я оборачиваюсь, а там — глазищи! Вот такие! — Вика бурно жестикулировала, показывая, какими были глазищи. Выходило, что были они размером по меньшей мере с обеденную тарелку. — Жёлтые! Стрррршные!

Можно было бы предположить, что Вика по обыкновению слегка преувеличивает, однако лица остальных девочек говорили о том, что не одна Вика видела за окном огромные глаза. Правда, Маша Куковицкая при этом уверяла, что глаза были красными, но её близняшка Даша соглашалась с Викой.

— Ну хорошо, — спокойно сказал Арам, расхаживая по комнате, скрестив руки на груди, — а кроме глаз, вы что-нибудь видели?

Вика на секунду замерла с открытым ртом, затем пожала плечами.

— Так темно ж было.

— Я вообще ничего не видела, — решительно сообщила рассудительная Эля Мухтиярова. — Может, кошка пробежала...

— Да какая ещё кошка! — с горячностью прервала её Вика. — Ты вечно, пока обернёшься, ничего уже нет... С такими глазищами!

— Гром, — веско напомнил Арам, продолжая расхаживать из угла в угол. — Я поддержал бы версию с кошкой, если бы не гром.

— Оно большое было, — тихо проговорила Алёна Гасанова.

— Насколько большое? — оживился Арам. — Глаза — на какой высоте?

Алёна на секунду задумалась, затем встала на кровати, опираясь на плечо Лизы, приподнялась на цыпочки и вытянула вверх руку, показывая.

— М-да, — Араму определённо не нравилось, что он не может как-то классифицировать загадочного гостя. — Ну а ты что скажешь? — Он обернулся к Теше. — Может, это из ваших кто-нибудь?

Теша отчаянно замотал головой.

— Не из наших это, — сердито буркнул он. — Из лесных!

— Ну я же и имел в виду...

— Из лесных, говорю ж тебе! — с горячностью подтвердил Теша и взмахнул лапкой, как будто отметая само предположение, что он может иметь какое-то отношение к неведомому чудищу. — Мы, домовые и квартирные — да все Разные, кто с людьми живёт, — не ладим с этими дикарями. И говорил я вам, нечего с русалками вон всякими связываться. И с лесными — нечего!

— Погодите-ка, — Эля Мухтиярова, похоже, наконец поверила в то, что ночью и впрямь могло произойти что-то необычное. — Так ведь Семён же, скорее всего, знает, кто это.

— Точно! Наверняка! — загалдели все разом.

Бывший банник Семён, живший здесь с тех времён, когда на месте детского лагеря была большая усадьба, и сам в начале смены немало напугал ребят. Правда,

потом оказалось, что масла в огонь специально подливала Вика Незнамова, которая была знакома с Семёном уже не один год.

— Не скажет он ничего, — сообщил Теша. — Я уже спрашивал. Говорит: от леса подальше держитесь, никого хорошего там точно нет. Всё.

— Это Лихо Лесное! — замогильным голосом сообщила Вика. — Мне Семён как-то рассказывал... Лихо клад Настасьин охраняет...

— Да слышали мы уже про твою Настасью! — отмахнулась Эля.

— Ну она же была на самом деле! — обиделась Вика. — Вон портрет даже в главном корпусе висит.

Вика очень любила рассказывать истории про Про́клятую Настасью — дочь богатого помещика, который жил когда-то в усадьбе на месте лагеря. По её рассказам выходило, что Настасья, про́клятая собственным отцом, погибла от несчастной любви. Однако лагерный Семён внёс в историю некоторые поправки. Оказалось, Настасья Белоцерковская просто сбежала из дома, чтобы стать балериной, и блистала многие годы на столичных сценах. Что до её отца, он был не слишком рад такому решению дочери, однако смирился в конце концов и даже нянчил в старости внуков. К слову, знаменитая когда-то балерина Анастасия Белоцерковская, чей портрет висел по сей день в коридоре главного корпуса, приходилась прапрабабушкой нынешней директрисе лагеря — Зое Валерьевне, по прозвищу Нагайна.

А ещё Вика рассказывала, что отец Настасьи под старость будто бы сошёл с ума и все свои богатства закопал неподалёку от того места, где якобы утопилась

дочь. Ни клада, ни озера с тех пор никто больше не видел. Историю про клад Семён не стал ни подтверждать, ни опровергать. Просто посоветовал ребятам держаться от леса подальше.

— Доброе утро! — Дверь открылась, и в комнату вошла Ксюша, явно отлично выспавшаяся и посвежевшая. На какое-то время все забыли про ужасы прошедшей ночи и сгрудились вокруг вожатой, расспрашивая, как она себя чувствует, и радуясь, что с ней всё в порядке.

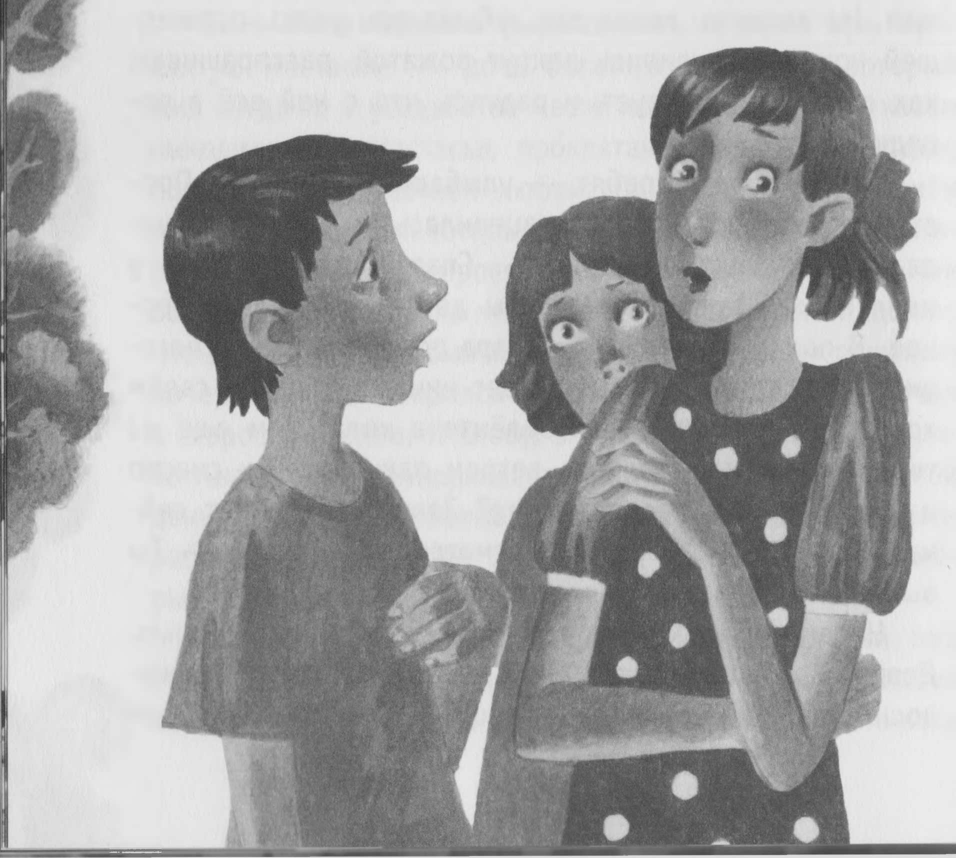
— Всё хорошо, ребят, — улыбалась Ксюша. — Просто ногу судорогой свело, зацепилась за что-то... ерунда. Воды только наглоталась. Спасибо вам! Только у меня плохая новость — ну вы догадались уже, наверное. В поход, может быть, завтра пойдём, если распогодится. Сегодня точно не выйдет ничего. Будем в своём корпусе в игры играть. Пойдёмте в холл? Там ещё на территории у нас за ночь ветром пару лавочек снесло и кусок забора, представляете? Завхоз всё чинит сейчас. Кстати, — она строго посмотрела на Арама. — Ты выпустил наконец свою черепаху?

Черепаха Арама была Ксюшиной головной болью. Держать животных воспитанникам лагеря не разрешалось. Сам Арам уверял, что специально взял Че с собой

в лагерь, чтобы выпустить его на волю. По информации юного биолога, климат здесь был самый что ни на есть подходящий для европейской болотной черепахи, а на местных озёрах должны обитать родственники Че. Однако каждый день мальчика что-нибудь останавливало. Так что вопрос о черепахе Ксюша повторяла ежедневно, это стало своеобразной традицией.

— Конечно! — с самым честным видом ответил Арам, и Ксюша вздохнула, понимая, что всё бесполезно.

В холле хмурый Константин Алексеевич извлекал с полок книжного шкафа какие-то настольные игры. Посередине комнаты он уже поставил низкий раскладной стол. Пару секунд поразмышляв, Константин Алексеевич

развернул на столе игровое поле с надписью: «В поисках сокровищ» в центре.

Митя Гроссман, задумчиво глядя на поле, хмыкнул про себя, а затем обернулся к вожатой:

— Ксюша! А вы не слышали случайно каких-нибудь местных историй про клады?

— Кое-что слышала, — улыбнулась Ксюша. — Есть тут одна легенда. Но вообще-то это лучше меня, наверное, Эля Мухтиярова расскажет. Она же местная.

Все с недоумением обернулись к Эле.

Эля Мухтиярова и в самом деле жила в ближайшем к лагерю городке Солнцеморске и была дочерью тамошнего участкового. Её мама так часто бывала в командировках, что Эля привыкла отвечать не только за себя, но и во многом за своего отца, который был прекрасным полицейским и в то же время совершенно беспомощным человеком, когда дело касалось домашнего хозяйства. Именно поэтому высокая и нескладная Эля всегда считала себя ответственной за всё, что происходит вокруг, и старалась держаться «по-взрослому». Вдобавок, отправляя дочь в лагерь, участковый Алмаз Ибрагимович поручил ей присматривать за всем, что там творится. Так что теперь Эля чувствовала себя ответственной вдвойне и очень расстраивалась, когда что-то шло неправильно.

— Папа мне когда-то рассказывал, — неохотно подтвердила наконец она, пожав плечами. — Но это ерунда, конечно...

— Да рассказывай уже! — нетерпеливо вмешался Дима Доброхотов.

— Ну говорили, что есть клад в лесу, в гражданскую войну, что ли, кто-то зарыл, да я не помню толком! —

Эля сердилась. Видно было, что пересказывать местные легенды ей совсем не хочется.

— Я слышала, — страшно смущаясь, сообщила вдруг Алёна Гасанова. Все обернулись к ней, ещё больше удивляясь. — У меня бабушка с дедушкой под Солнцеморском живут, в Богатырёво... бабушка рассказывала. Говорили, что после революции хозяин усадьбы — старый Белоцерковский, он тогда уже очень болел, а всё равно сбежал — собрал свои богатства и зарыл их вроде бы где-то в лесу у озера... ни карты не оставил, ничего. Его самого нашли потом, он в лихорадке всё повторял что-то про сокровище и про «Настино озеро». Потом то озеро искали, все пруды вокруг изрыли... ничего не нашли всё равно.

Дима и Митя Грохотовы многозначительно переглянулись.

«Не к добру это всё», — подумал Миша, но предпочёл промолчать. Пусть уж всё идёт как идёт.

* * *

В этот день Арам бродил по лагерю, потерянный, как никогда: исчезла его черепаха. С утра он решил, что Че по обыкновению забрался в какой-то укромный угол и спит, но найти его не удалось ни к обеду, ни позже. Истории о желтоглазом чудище, которое бродит вокруг и топчет скамейки, не прибавляли оптимизма.

— Может, он просто сам ушёл в лес? — предположил Миша, но Арам лишь покачал головой. Он изучил следы, оставшиеся вокруг корпуса, и пришёл к единственно несомненному выводу: Че был похищен. А вот кем и с какой целью — предстояло выяснить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РИЧ-РАЧ, ИЛИ ЕЩЁ РАЗ О ЛЮБВИ

Арам сидел на кровати Мити Гроссмана и увлечённо водил пальцем по большой нарисованной от руки карте. Как пояснил Митя, карту — подробный план леса в окрестностях лагеря, нарисованный кем-то из их предшественников, — они с Димой Доброхотовым обнаружили в Красном уголке. И, конечно, предпочли, не сообщая о находке никому из старших, незаметно вынести её под одеждой.

Правда, рассказывая историю своей «случайной» находки, оба Дмитрия как-то странно отводили глаза. А Мише вдруг припомнилось, что они так и не признались, что именно им понадобилось в кабинете директрисы.

Первым делом Дима и Митя почему-то решили показать карту Араму. И теперь Арам со своим обычным слегка насмешливым видом подробно объяснял Грохотовым, почему никакого загадочного озера с зарытым возле него кладом существовать не может.

— Чисто гипотетически, — рассуждал он, поправляя очки, — озеро должно располагаться достаточно близко к лагерю — предполагается же, что и Настасья, и её папаша добрались от усадьбы до этого озера пешком и наткнулись на него случайно. План очень подробный, и в условной пешей доступности — всего три озера. На Русалочьем — база отдыха, когда её строили,

наверняка всё перерыли. У Сонного — рельеф берега неподходящий. Там скалы кругом, зарыть ничего невозможно. Есть ещё Синее, но вы же понимаете, что там кладоискатели до вас всё перерыли. Хотя вообще-то я считаю, что за прошедшее время очертания берегов могли существенно измениться, так что клад вполне мог уйти и под воду...

Отвлекшись от карты и поправив на носу очки, Арам вдруг уставился куда-то отсутствующим взглядом и забормотал себе под нос:

— Европейские болотные черепахи обитают в пресноводных водоёмах, встречаются...

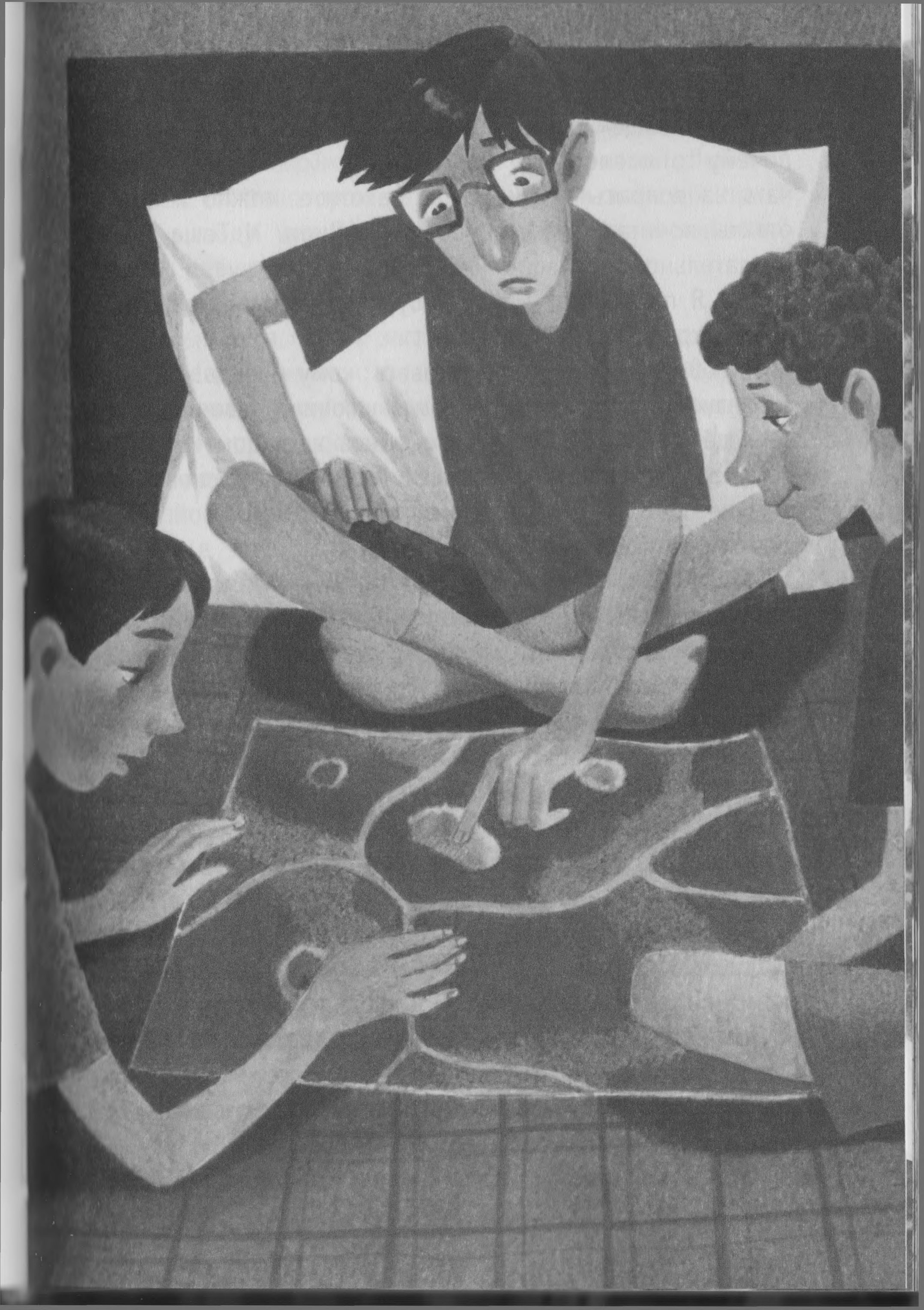
— Ладно-ладно, мы поняли! — Митя Гроссман, переглянувшись со своим приятелем Доброхотовым, потянул карту на себя. В этот момент дверь неожиданно без стука распахнулась, привлекая к себе всеобщее внимание.

— Вот! — Катя Величко, влетев в комнату мальчиков, плюхнула на ближайшую кровать толстую тетрадь с разрисованной цветами и сердечками обложкой. Следом за Катей в дверь несмело заглянула Алёна. — Это анкета! Всем надо её заполнить. Если не хотите открывать свои тайны, — тут она хихикнула, — можно подписываться ненастоящими именами. Или буквами!

— Инициалами[1], — негромко подсказал Арам, подняв голову от карты, — или псевдонимами.

---

[1] Инициалы — первые буквы имени, отчества и фамилии. Или имени и отчества. Например, Миша Славин — М. С. Или: Константин Алексеевич Прохоров — К. А. Прохоров.

— В общем, заполняйте! — распорядилась Катя и почему-то посмотрела на Мишу. — Только, чур, отвечать на вопросы честно! Если захотите, можно и наши ответы почитать, мы уже всё заполнили. И Теше тоже обязательно дайте заполнить!

— Я писать не умею, — буркнул голос из-под Мишиной кровати.

— Значит, будешь диктовать кому-нибудь! — не терпящим возражений голосом заключила девочка.

Ещё раз хихикнув, Катя окинула взглядом комнату, по очереди посмотрев на всех мальчиков и снова задержав взгляд на Мише, и вышла вместе с Алёной, жавшейся всё это время у двери.

Миша взял тетрадь в руку и раскрыл её на первой странице. «Анкета „Искателей"», — было написано в середине страницы крупным округлым почерком с завитушками. Вокруг надписи была нарисована фломастерами такая широкая разноцветная рамка из цветочков и веточек, что она занимала почти всю страницу.

На второй странице всё теми же разноцветными фломастерами в сопровождении бесчисленных рисунков шёл пронумерованный список вопросов, начиная с «Как тебя зовут?» и «Из какого ты города?». Здесь были вопросы об увлечениях, просьбы нарисовать картинку и написать стишок и даже загадочный вопрос «Есть ли у тебя парень/девушка?». Миша слегка задумался. До сих пор ему как-то вовсе не приходило в голову задаваться таким вопросом, да и «девушка» в его представлении — это была уж точно не его ровесница, а как минимум старшеклассница.

Тем не менее он честно обдумал вопрос и даже вспомнил о своей дружбе с соседской девочкой Любой. Впрочем, по некотором размышлении он всё-таки пришёл к выводу, что Люба — его друг, а вовсе никакая не «его девушка».

— Дай-ка ручку!

Оказывается, Арам заглядывал Мише через плечо. Миша слегка удивился: он ни за то бы не подумал, что Араму может быть интересно заполнять девчоночью анкету. Но ручку, оставленную Катей вместе с тетрадкой, он другу протянул.

В этот момент дверь снова без стука приоткрылась, и в неё заглянул вожатый Константин Алексеевич. Не обращая внимания на вопросительные взгляды ребят, он нашёл глазами Мишу и поманил его пальцем, тут же снова скрывшись в коридоре. Заинтригованный, Миша поднялся со своего места и вышел из комнаты.

Константин Алексеевич стоял, переминаясь с ноги на ногу, и сжимал в руке свёрнутый в трубочку лист бумаги. Мальчик сразу живо вспомнил, что Котенька — настоящий поэт, и на прошлой неделе именно ему, Мише, досталась роль посыльного, когда влюблённый вожатый посвятил свои стихи морской русалке. «Неужели опять?» — подумал Миша. Да нет, вроде бы вожатый теперь русалку недолюбливает.

— Я могу тебе доверять? — очень серьёзно спросил вожатый, и Миша неопределённо пожал плечами. Константин пристально посмотрел на него, затем как-то безнадёжно вздохнул и наконец протянул свою бумажную трубочку.

— Вот, — сказал он, и Миша машинально развернул листок.

Ясно было, что это снова стихи. Сразу бросилось в глаза выведенное зелёной ручкой название: «Прекрасной К.» и размашисто поставленная подпись «К. П.». «Прекрасная К.! Наверняка...», — Миша успел прочитать только первые две строчки, когда вожатый отнял у него листок и обиженно заметил:

— Не надо читать. Надо передать. Из рук в руки!

— Ага, — кивнул Миша. — А кому?

— Ксюше, конечно! — сообщил Константин с таким видом, как будто это само собой разумелось. — И обязательно тайно...

— Ой, — Миша поморгал. — Хорошо.

Он снова взял листок и собрался было вернуться в свою комнату, но вожатый продолжал переминаться с ноги на ногу.

— Это послание, — выдавил он наконец, — оно должно остаться анонимным!

— Анонимным? — переспросил Миша.

— Это значит — без подписи.

— Но вы же его подписали.

— Но она же должна догадаться, от кого письмо! — раздражённо пояснил Константин. — Не сразу, конечно... Просто ничего ей не говори!

«Легко сказать — не говори», — подумал при этом Миша. А если она спросит? Проще всего было бы, конечно, незаметно подкинуть записку вожатой. Тогда и задавать вопросы будет некому!

Миша знал, что Ксюша сейчас в главном корпусе — рисует стенгазету. Кстати, там же находится и её

тётушка, она же соседка по комнате Клавдия Аркадьевна — репетирует что-то с младшим отрядом. У Миши появилась идея. Выходит, что в их комнате сейчас никого нет! А потому мальчик отважно прокрался вокруг своего корпуса и заглянул в окно вожатых. Оно, по случаю жаркой погоды, было открыто, и Миша, убедившись, что вокруг никого нет, недолго думая, подтянулся на руках и сел на подоконник.

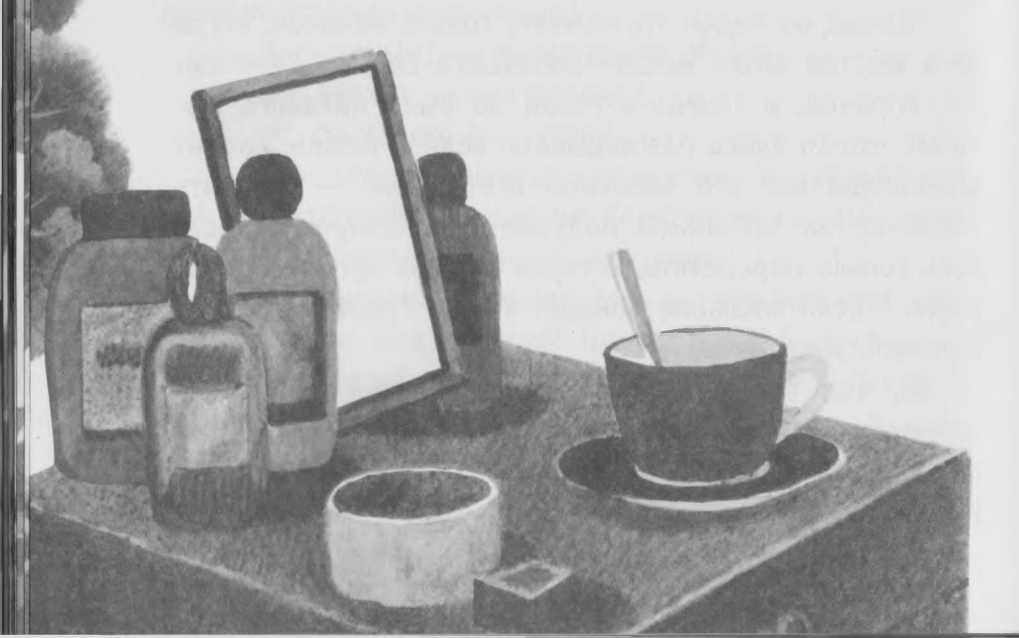
Раньше он видел эту комнату только мельком, когда весь шестой отряд искал пропавшего Серёжу Сёмочкина. Впрочем, и теперь у Миши не было никакого желания что-то здесь разглядывать, ведь в любой момент кто-нибудь мог его заметить. Его задача — оставить послание на Ксюшиной подушке и исчезнуть. Оставалось только определить, которая из двух кроватей Ксюшина... Если послание попадёт в руки Тромбона, может получиться неловко.

Эх, был бы здесь Арам, он бы наверняка по каким-нибудь ему одному заметным признакам путём логических умозаключений определил, где чья кровать! И добавил бы снисходительно, что всё элементарно.

«Надо думать, как Арам!» — велел себе Миша и внимательно изучил сначала одну кровать вместе с тумбочкой, а потом другую.

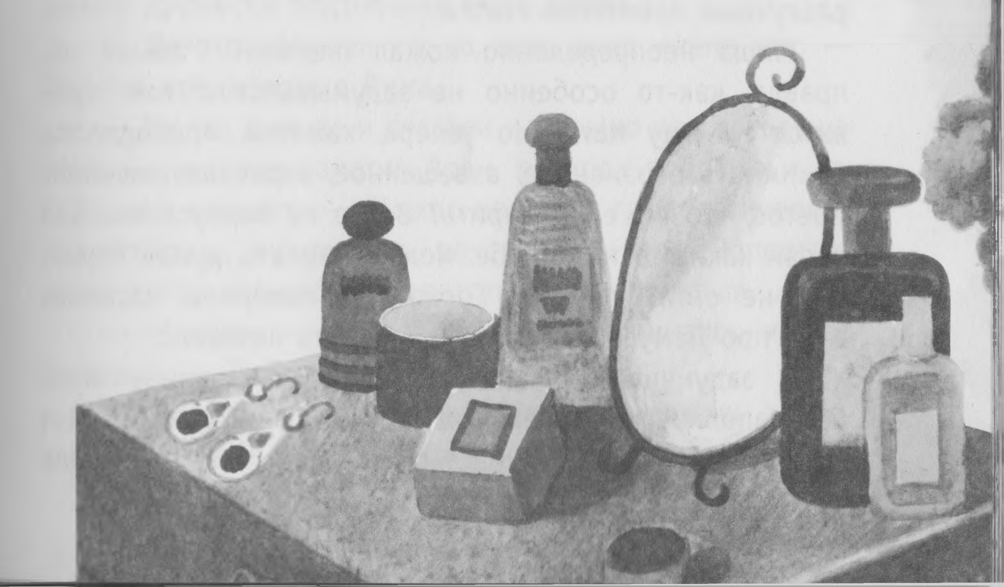
Аккуратно застеленные кровати практически ничем не отличались друг от друга. На обеих тумбочках теснились какие-то тюбики и флакончики. Единственное заметное отличие заключалось в том, что на одной из них стояли ещё чашка с недопитым остывшим чаем и блюдце с какими-то крошками, а на другой лежали забытые серёжки, длинные, с крупными красными камушками.

«Ага! — радостно подумал мальчик. — Крошки — это наверняка от тромбоновых пирожков... а серёжки Ксюшины. Конечно!» Нужная кровать как раз стояла возле окна, так что Миша, больше не сомневаясь, свесился с подоконника и сунул письмо под подушку — так, чтобы краешек всё-таки оставался заметен тому, кто вздумал бы сесть на матрас.

В свою комнату он вернулся совершенно довольный собой.

Картина здесь изменилась мало. Арам, сидя на своей кровати, склонился над девчачьей анкетой. Миша подошёл поближе, чтобы посмотреть, что он там пишет, и тут же изумлённо хмыкнул. Арам, похоже, вовсе не собирался отвечать на вопросы. Он задумчиво листал страницы — почему-то от конца к началу — и время от времени что-то вычёркивал и вписывал. Дойдя наконец до списка вопросов, он внимательно просмотрел его, ткнул ручкой в вопрос номер пятнадцать: «Кто из мальчиков/девочек в нашем отряде тебе нравиться?» — и решительно зачеркнул мягкий знак в последнем слове. После этого он пробежался по остальным пунктам, всё так же что-то зачёркивая и вписывая, а затем удовлетворённо кивнул и вернул Мише анкету, потеряв к ней, похоже, всякий интерес.

Миша забрался с ногами на свою кровать и принялся задумчиво перелистывать тетрадь. Усевшись рядом, Митя Гроссман и Дима Доброхотов стали с любопытством заглядывать ему через плечо и время от времени даже переворачивать страницы. Первой на вопросы ответила, как оказалось, сама Катя, а следом, похоже, и все девочки отряда. Некоторые из ответов вместо имён действительно были подписаны инициалами.

Самой большой неожиданностью для Миши стала именно Катина страничка. Потому что в пятнадцатой строчке её ответов оказалось совершенно ясно и чётко вписано его собственное имя. Мальчик несколько раз перелистывал страничку назад, чтобы убедиться, что это тот самый вопрос. Выходило, что он, Миша, нравится первой красавице отряда!

Рядом дружно захихикали Дима и Митя. Похоже, они увидели то же, что и он.

— Вы теперь будете типа парочкой? — в лоб спросил Дима, гримасничая и переглядываясь со своим неразлучным приятелем Митей.

Миша неопределённо пожал плечами. Раньше он, правда, как-то особенно не задумывался о том, нравится ли ему Катя. Но теперь, кажется, приходилось принимать осознанное, взвешенное, взрослое решение. Цветов, что ли, ей подарить? Возле их корпуса как раз росли какие-то на клумбе, можно нарвать, думал Миша. Или не стоит всё же? Грохотовы, наверное, засмеют, а уж про Дёму Квасникова и говорить нечего...

В задумчивости Миша перелистнул страницу. Второй заполнившей анкету оказалась, как ни странно, Эля Мухтиярова. На большинство вопросов она отвечала

подробно и обстоятельно. Например, на двадцатый вопрос, «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?», Эля ответила: «Я собираюсь поступить в кадетское училище, закончить его с красным дипломом, потом пойду учиться в юридическом, а работать буду полицейским, как папа». А вот на тот самый пятнадцатый вопрос Эля ответила коротко: «Глупости!» К слову, Катя на двадцатый вопрос ответила, что «ещё не решила до конца — быть знаменитой актрисой или супермоделью».

На третьей странице вместо имени и фамилии девочки, заполнившей анкету, красовался замысловатый вензель. Взгляд снова поневоле скользнул на пятнадцатую строчку, однако и здесь не оказалось никакого имени. Вместо него посередине строки были старательно вписаны две большие буквы: «Д. Д.»

— Дэ Дээ, — задумчиво протянул Миша, прокручивая в голове фамилии всех товарищей по отряду. — Это же... — Он обернулся к Диме Доброхотову. Тот насупился и покраснел, как помидор, а Митя, давясь от смеха, дружески подтолкнул его в плечо.

— Да это пошутил кто-то, вон, даже имени нет, — угрюмо предположил Дима.

— Ну так они же и сказали — можно под псевдонимом, — резонно заметил Арам, подходя поближе и заглядывая в анкету. — Можно провести графологическую экспертизу... ну то есть почерки сличить. Попросить всех девчат что-нибудь написать, ну, расписаться...

— Чепуха, — проворчал Теша, выбираясь из-под кровати. — Дай-ка мне...

Он протянул лапку к тетрадке, без всяких сомнений взял её и поднёс к самому носу. «Он же читать

не умеет», — вспомнил Миша. Впрочем, Теша, похоже, и не собирался ничего читать. Он поводил носом над страницей, затем ещё провёл по ней пухленькой лапкой, после чего уверенно сообщил:

— Гасанова.

— Вот дура! — досадливо прицокнул языком Доброхотов и поморщился. А его неразлучный друг Митя Гроссман неожиданно резко развернулся и отвесил приятелю подзатыльник.

— Ты чего?! — Дима обалдело смотрел на закадычного друга. Похоже, он так изумился, что даже не обиделся.

— А ничего, — Митя отвернулся, — нечего обзываться.

Потом он отошёл к своей кровати и зашелестел страницами какого-то журнала, делая вид, что его совершенно не интересуют все эти глупости с девчоночьей анкетой.

Миша и Дима Доброхотов синхронно пожали плечами в недоумении.

* * *

В столовую Миша и Катя Величко шли рядом. Взять девочку за руку Миша так и не решился, идею с цветами с ближайшей клумбы тоже решил пока отложить до лучших времён. Впрочем, Катя и без того выглядела совершенно довольной и сияла, как новенькая монетка. Она без умолку рассказывала что-то про свою школу, о том, как она пела на каких-то соревнованиях, и о том, какой планшет ей подарили родители на прошлый день рождения. Миша оживился было на словах

о планшете, однако сразу за ним последовало длинное повествование о других подарках, и мальчик постепенно практически перестал слушать. «Странные они всё-таки — девчонки, — думал он. — Хотя вот Люба из соседней квартиры, например, нормальный человек. И Тоха тоже».

В столовой Катя тоже села рядом с Мишей. При этом Арам переглянулся с Тохой, которая притормозила на пути к столу своего отряда. Тоха посмотрела на Арама насмешливо, а он в ответ приподнял брови и негромко произнёс:

— Теряем человека.

Тоха, продолжая усмехаться, только пожала плечами. С Мишей она всё ещё не разговаривала.

— Слушай, — Миша склонился к Араму, — вот если бы ты увидел на одной тумбочке блюдце с крошками, а на другой — серёжки с красными камушками... И ты бы знал, что одна тумбочка Тромбона, а вторая Ксюшина. Ты бы определил, которая из них чья?

— Разумеется, — усмехнулся Арам, казалось, вовсе не удивившись вопросу. — Элементарно. Тромбон

ГРИША

МАША

вечно всех пытается накормить, значит, блюдце Ксюшино... а серёжки Тромбона, само собой. У Ксюши даже уши не проколоты.

Миша в ужасе уставился на стол, за которым обедали вожатые. Ушей Ксюши отсюда видно не было, но он уже понимал, что произошло нечто непоправимое.

* * *

После обеда ребятам предстоял «музыкальный час», о чём их с самого утра предупредила Ксюша. Ничего хорошего от этого мероприятия они не ожидали, поскольку все помнили, что художественным руководителем в «Солнышке» была всё та же Клавдия Аркадьевна — Тромбон. Эта удивительная дама отличалась монументальной фигурой, огромным ростом, а также совершенно не вязавшейся с остальным обликом причёской — взъерошенным «ёжиком» волос, выкрашенных в два цвета — чёрный и красный. Наряды она предпочитала носить исключительно броских и сочных цветов, а её звучный голос и утробный смех моментально заполняли собой любое помещение. Тромбон была знаменита ещё и тем, что своих подопечных, к которым она относила не только воспитанников, но и вожатых лагеря, она называла исключительно уменьшительно-ласкательными именами и прозвищами. Именно с её лёгкой руки строгий Константин Алексеевич в своё время превратился в Котеньку — надо сказать, этим прозвищем Клавдия Аркадьевна регулярно доводила его до белого каления. Впрочем, в глаза его так называть осмеливалась только она. Ходили слухи, что даже суровую директрису Зою-Нагайну в приватных беседах Тромбон величала «Заинькой».

Сейчас Тромбон восседала за большим пианино, установленным на сцене актового зала. Она старательно ударяла по клавишам, извлекая из несчастного инструмента какие-то болезненные стонущие звуки.

— Проходите, проходите, мои зайчаточки! — обрадованно воскликнула она, заметив, что ребята из отряда «Искателей», открыв дверь в актовый зал, неуверенно топчутся за рядами пустых сейчас зрительских кресел, не решаясь войти. — Я тут как раз настраивала инструмэээнт!

Арам болезненно поморщился, как будто по тарелке провели ножом. Похоже было, что звуки, извлекаемые Тромбоном из несчастного пианино, причиняют ему почти физические страдания.

«Искатели» потянулись по проходу между зрительских кресел к сцене. Ксюша, заглянув в зал и убедившись, что всё в порядке, кивнула Тромбону и исчезла. А вот Константин Алексеевич зашёл следом за ребятами

и уселся в одном из кресел в зрительном зале — в первом ряду.

Завидев вожатого, Клавдия Аркадьевна радостно заухала:

— Кстати, в нашем лагере мы находим применение всем талантам без исключения. Вот вы, Котичка, могли бы написать что-нибудь эдакое к родительскому дню...

— Эдакое? — удивился Константин.

— Поэтическое! — радостно пояснила Тромбон и без перехода вновь ударила по клавишам.

— Прррррекрасная Кааааааааа! — запела она трубным голосом на мотив какой-то народной песни. — На-вер-ня-ккааааааа!

Константин Алексеевич позеленел и вскочил, сжимая кулаки. Взглядом он сверлил Мишу. Тот, пожав плечами, развёл руки — мол, понятия не имеет, как так вышло, что секретное послание попало не в те руки.

— Впрочем, мы отвлеклись, — Тромбон поднялась из-за пианино. Арам при этом с нескрываемым облегчением вздохнул. Константин Алексеевич медленно сел. — Итак, мои котяточки, сегодня мы с вами будем разучивать за-ме-чательный танец, — торжественно провозгласила Клавдия Аркадьевна, когда все наконец собрались на сцене, выложенной крашеными досками. Сделав эффектную паузу, худрук радостно завершила: — Рич-рач-рум-бим-бум!

Кто-то в рядах «Искателей» захихикал, однако Клавдию Аркадьевну не могли смутить такие мелочи.

— Этот танец мы с вами продемонстрируем на родительском дне, так что стоит постараться — нельзя

же ударить в грязь лицом! Итак, сейчас мы с вами все разобьёмся на пары... Нет-нет, погодите, я сама вас расставлю...

Спустя несколько минут неразберихи почти все ребята отряда оказались разбиты в два ряда. Мишу поставили в пару с Катей, а изо всех сил краснеющую Алёну Гасанову — с Димой Доброхотовым. Как Тромбону удалось угадать симпатии девочек, оставалось загадкой. В самом центре сцены в первом ряду она поставила отчаянно и молча упирающегося Арама и беспрекословно выполняющую все её команды Элю Мухтиярову.

В конце концов возникла небольшая заминка: девочек в отряде было ровно на одну больше, чем мальчиков, так что, когда большинство ребят уже стояли парами на своих местах — в два ряда вдоль сцены, — оставались только Серёжа Сёмочкин и близняшки Маша и Даша Куковицкие. Маша и Даша, не сговариваясь, одновременно схватили Серёжу за руки — каждая со своей стороны. Каждая молча и решительно попыталась перетянуть мальчика к себе. Кто-то сдавленно захихикал. Сёмочкин стоял с растерянным видом и с надеждой смотрел на Клавдию Аркадьевну. Чувствовал он себя явно не очень уютно. Сдвинуть его с места, конечно, ни одной из девочек не удалось.

— А с Серёжиком у нас будет танцевать... Машенька! — Тромбон решительно указала на одну из близняшек.

— Это я — Маша! — тут же возмущённо завопила другая. — Она Даша!

— Всё она врёт! — тут же возразила первая девочка и показала сестре язык.

Отпускать Сёмочкина, похоже, ни одна из них не собиралась.

— Ну хорошо, пусть будет Дашенька, — покладисто согласилась Тромбон, и обе девочки тут же хором сообщили:

— Это я!

— ...А для Машеньки, — продолжила Тромбон, — у меня будет другое предложение. Мы с четвёртым отрядом будем ставить сценку по мотивам «Красной Шапочки». И на главную роль...

— Я Маша! — разом воскликнули обе близняшки, одновременно выпустили руки Сёмочкина и слаженно сделали шаг вперёд. Даже, кажется, в ногу.

— ...у нас был целый конкурс, который выиграла Анечка Скворцова из четвёртого отряда, — невозмутимо закончила свою фразу Тромбон. Близняшки Куковицкие озадаченно замерли. — Зато у нас осталась свободной роль её бабушки!

Маша и Даша переглянулись, не зная, как реагировать. С одной стороны, собственная роль в спектакле представлялась, конечно, куда заманчивее, чем участие в общем танце, да ещё, похоже, во втором ряду, где осталось единственное свободное место. Но, с другой стороны, одно дело сыграть Красную Шапочку, и совсем другое — её бабушку...

— Итак, — прервала их раздумья Клавдия Аркадьевна, — Машенька будет играть бабушку!

— Это та, что справа, — негромко подсказал Арам. Тромбон молча благодарно кивнула и вывела несопротивляющуюся девочку из рядов будущих танцоров.

— Откуда ты знаешь? — шёпотом поинтересовался Миша.

— Элементарно, — Арам с усмешкой пожал плечами. — Они волосы по-разному завязывают, Маша всегда начинает говорить на секунду раньше сестры, у Даши голос на полтона выше, они по-разному размахивают руками, поправляют чёлки в разные стороны... ну и ещё они пять минут назад опять ругались и называли друг друга по именам.

Маша Куковицкая уселась в зрительном зале через одно кресло от сурового вожатого — её репетиция должна была начаться чуть позже.

— Ну вот, мои зайчаточки, — удовлетворённо произнесла наконец Клавдия Аркадьевна, — примерно

так будут располагаться пары в танце. Может быть, кого-то мы потом ещё переставим. Центральную позицию занимают Элечка, потому что она у нас умница, и Арамчик, потому что у него музыкальный слух...

— Нету у меня никакого слуха! — возмутился Арам. — Я биолог!

— Ну что ты, милый, — разулыбалась Клавдия Аркадьевна, — совершенно не нужно этого так стесняться! Я же знаю, что ты у нас учишься в музыкальной школе и даже на виолончели играешь! У тебя же абсолютный слух!

— Нет! — как-то придушённо прохрипел мальчик, покраснев почему-то, как варёный рак. — Я биолог! Мне медведь на ухо наступил! Самый большой медведь в мире!

Однако худрук в ответ лишь радостно заухала, что обыкновенно обозначало у неё смех, и повернулась к зрителям.

— А можно я не буду участвовать? — тоскливо спросил Миша. Он не очень-то любил выступать даже у доски, а уж идея танцевать что-то на сцене перед целым зрительным залом ему не нравилась вовсе. Катя недовольно дёрнула его за руку.

— Глупости! Все участвуют в концерте. Мы со старшими отрядами такие номера готовим! — Клавдия Аркадьевна даже причмокнула от удовольствия. — Вот, например, Коля Мирошин у нас на саксофоне играет, ему специально привезут инструмээнт. Очень, очень тоже творческий мальчик, — при этом она посмотрела почему-то на Арама, но тот упрямо отвернулся. — Коля у нас ещё с моноспектаклем[1] выступит, по басне. «Свинья под дубом» называется. Сначала он встаёт на стул и играет дуб. А потом слезает, забирается под стул и изображает свинью...

— Конечно, Миша будет танцевать! — решительно перебила её Катя Величко, стискивая при этом Мишину руку.

— Ну вот и ладненько... Котенька, дорогой! — трубно воскликнула Тромбон таким громовым голосом, как будто Константин Алексеевич сидел не в первом ряду, а в самом последнем, да ещё и был туговат на ухо. Вожатый дёрнулся, как от удара. — Мне понадобится ваша помощь. Поднимайтесь-поднимайтесь, смелее!

Константин Алексеевич молча встал со своего места и с обречённым видом поднялся на сцену.

---

[1] Моноспектакль — это такой спектакль, в котором участвует всего один актер.

— Сейчас мы с вами покажем основные движения. Давайте, Котенька, кладите руки мне на талию!

— Талию?! — тихо и как-то даже безнадёжно переспросил Константин Алексеевич, а затем, зажмурившись, положил обе руки куда-то на середину Тромбона.

Худрук, в свою очередь, положила руки на пояс вожатого и, притопывая ногой ритм, начала громко считать.

— Раз, два, три... Рич! — рявкнула она вдруг так, что Константин Алексеевич подпрыгнул. Тромбон, не давая вожатому опомниться, резко развернула его, а потом отпустила и схватила за обе руки. — Рач!

На этот раз Константин Алексеевич только дёрнулся перед тем, как его снова решительно развернули, с размаху наступив при этом на ногу. «Бедненький!» — подумал Миша, представив, каково это — когда тебе на ногу наступают целым Тромбоном, и невольно проникаясь уважением к вожатому, который позволял себя вертеть и почти носить на руках, лишь стискивая при этом зубы.

— Рум-бим-бум! — зычно завершила Клавдия Аркадьевна своё невероятное па, отпустив одну руку вожатого, повернувшись лицом к залу и едва не снеся при этом топтавшихся рядом Элю и Арама.

Впрочем, большинство ребят уже поняли, что происходит нечто сродни землетрясению, и постарались отойти подальше от середины сцены, нарушив при этом строй. Все понимали: всегда стоит быть подальше от того места, где танцует Тромбон. Наблюдая за мучениями Котеньки и вдохновенным танцем Клавдии Аркадьевны, большинство ребят уже в открытую посмеивались. Сохраняла полную серьёзность лишь Эля Мухтиярова, которая, похоже, единственная искренне старалась

запомнить каждое движение. Впрочем, вскоре Миша заметил, что и Катя, по-прежнему стоявшая рядом с ним, несмотря на свой весёлый вид, тоже очень внимательно наблюдает за всеми движениями худрука и даже слегка пританцовывает на месте, будто ей не терпится повторить этот безумный танец.

— Как-то так, — проговорила, наконец остановившись, слегка запыхавшаяся Клавдия Аркадьевна. — Всё это, конечно, происходит под музыку, так что считать вам не придётся. Главное — все хором кричат: «Рич-рач!» Всё запомнили? Есть вопросы?

Арам, не сходя с места, поднял руку.

— Арамчик?

— У меня только один вопрос, — заявил Арам, вздёрнув брови. — Хотя нет, два. Первый: почему меня, самого маленького в отряде, поставили в пару с самой высокой девочкой? И второй: почему всё-таки «рум-бим-бум»? Здесь таится какой-то глубокий смысл?

— Не стоит так переживать, золотко, — Тромбон снисходительно посмотрела на Арама. — Я уверена, вы прекрасно станцуете!

В следующие полтора часа Клавдия Аркадьевна немилосердно терзала клавиши пианино, а «Искатели» дружно пыхтели и старательно наступали друг другу на ноги, путая повороты, руки, ноги, право и лево. Лучше всех всё получалось у Кати, которой явно нравилось танцевать на сцене, у Эли, которая очень старалась, и, как ни странно, у Арама. Впрочем, это не мешало последнему страдальчески кривиться. Что касается Миши, он никак не мог запомнить последовательность шагов и поворотов, да ещё и постоянно не попадал в такт музыке. Серёжа Сёмочкин и Даша Куковицкая пару раз едва не упали: в их части сцены одна из досок пола рассохлась и отошла, так что ребята постоянно о неё спотыкались. Тромбон озабоченно качала головой и приговаривала, что надо не забыть сообщить об этом завхозу.

После репетиции Тромбон, выбравшись из-за пианино, попросила Машу Куковицкую задержаться. Арам подошёл к пианино и погладил его полированный бок.

— Бедненькое, — тихонько, почти неслышно, пробормотал он. — Достаётся тебе...

Затем, воровато оглянувшись, он поспешно сошёл следом за всеми со сцены. Ребята потянулись между рядов кресел к выходу.

— Клавдия Аркадьевна! — В дверном проёме показалось лицо Ксюши. — Я вам для «Красной Шапочки» реквизит принесла! — вожатая помахала в воздухе большой плетёной корзинкой. В воздухе отчётливо запахло жареными пирожками.

«Тромбон опять нажарила», — догадался Миша. Все отлично знали, что хозяйственная Клавдия Аркадьевна тайком готовит в своей комнате на маленькой привезённой с собой электроплитке пирожки и не только ест их сама («Надо же подкрепляться при такой нервной работе!» — говорила она), но и пытается подкармливать особенно «худеньких», по её мнению, ребят. Держать в комнатах электроприборы по правилам пожарной безопасности строго-настрого запрещалось не только детям, но и сотрудникам, но Тромбона с её страстью к кулинарии, любовью к пирожкам и стремлением всех накормить это, конечно, остановить не могло.

— А с чем, с чем? — Серёжа Сёмочкин заинтересованно повёл носом и протянул было руку к корзине, однако Эля тут же хлопнула его по пятерне.

— Не смей поедать реквизит! — прошипела она.

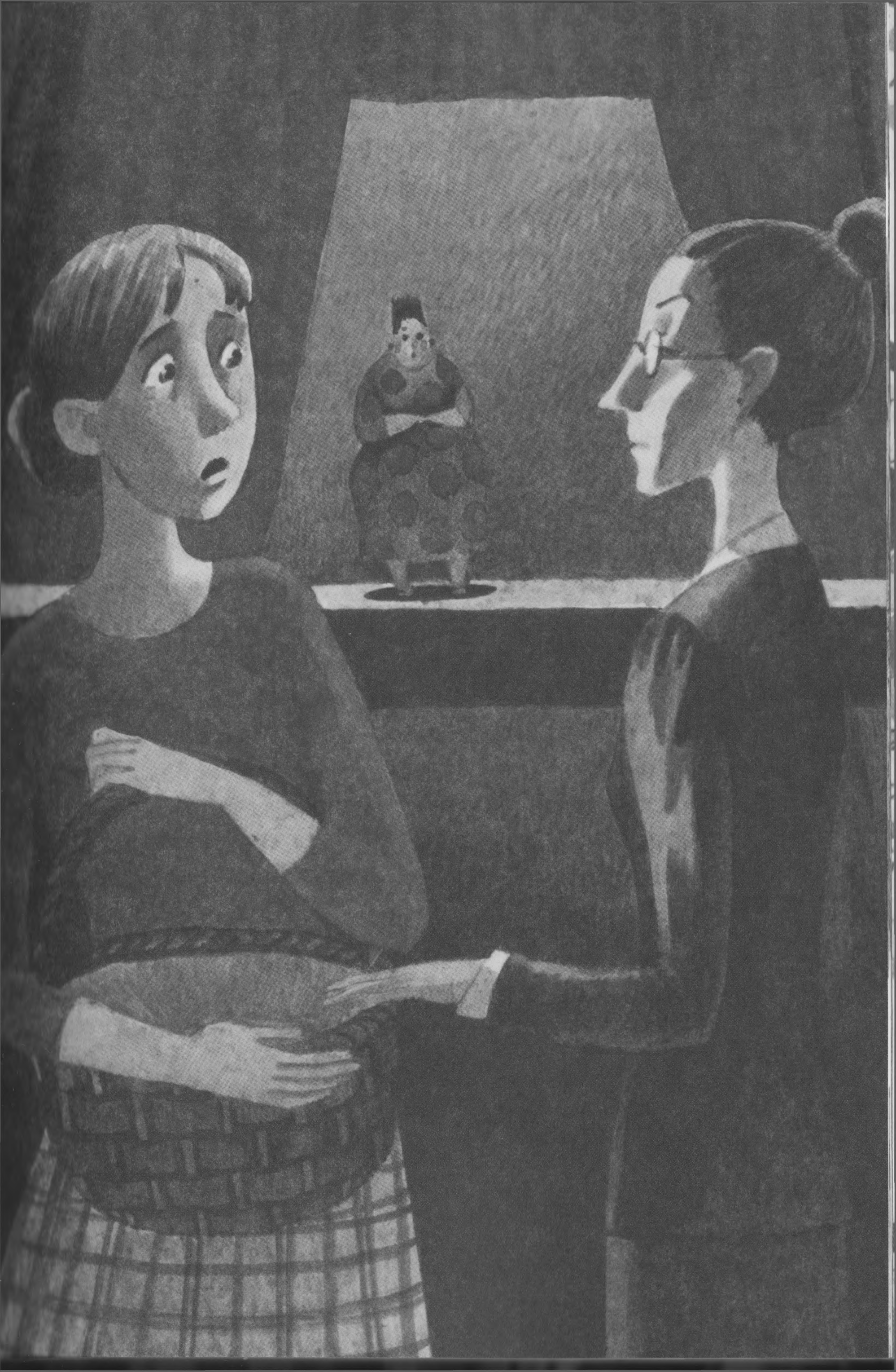
А в дверь между тем заглянула вовсе неожиданная гостья — директриса Зоя Валерьевна.

— У вас всё хорошо? Репетируете? — поинтересовалась Зоя-Нагайна. Её взгляд остановился на корзине с пирожками. Ксюша тут же попыталась повернуться так, чтобы прикрыть их, но не слишком удачно. — Хмммм... откуда дровишки?

— Ииии-из столовой, — нашлась Ксюша.

— Насколько я помню, в столовой сегодня на полдник ватрушки с творогом... Клавдия Аркадьевна! Вы опять за своё!

Директриса укоризненно смотрела на Тромбона, которая по-прежнему возвышалась на сцене. Та опустила глаза и смущённо засопела.

— Плитку сдадите вечером завхозу, — строго объявила Нагайна. — Под расписку!

— Идём! — Катя потянула Мишу за руку к выходу. — Нам с тобой придётся ещё порепетировать!

— Ещё? — опешил Миша. — Зачем?

Катя закатила глаза.

— Что значит — зачем?! Ты хочешь и дальше наступать мне на ноги? Между прочим, я собираюсь занимать центральную позицию в танце. Нас должно быть видно!

Миша пожал плечами. Он по-прежнему вовсе не отказался бы совсем пропустить этот нелепый танец. Катя в негодовании даже притопнула ногой.

— Ты что, хочешь, чтобы надо мной все смеялись?

Миша понял, что окончательно потерял нить её рассуждений. С чего вдруг все станут смеяться над Катей из-за того, что он, Миша, не умеет танцевать? Может, она просто хочет сама танцевать ещё лучше?

— Ну, ты можешь порепетировать ещё... с Тешей, например, если хочешь, — предложил он, как ему казалось, решение, которое должно устроить всех... ну, кроме, может быть, Теши. — Я всё-таки не очень хочу. Нет, совсем не хочу.

— Ах, так?! — Катя даже побагровела. В какой -то момент Мише показалось, что сейчас она то ли расплачется, то ли кинется на него с кулаками. Что делать в любой из этих ситуаций, он решительно не представлял себе, а потому только втянул голову в плечи. — Ах... так! Ну всё! Моё терпение лопнуло! Я... я бросаю тебя!

Девочка резко развернулась на невысоких каблучках и решительным шагом двинулась прочь.

Быстро догнав Арама, она демонстративно взяла его за руку.

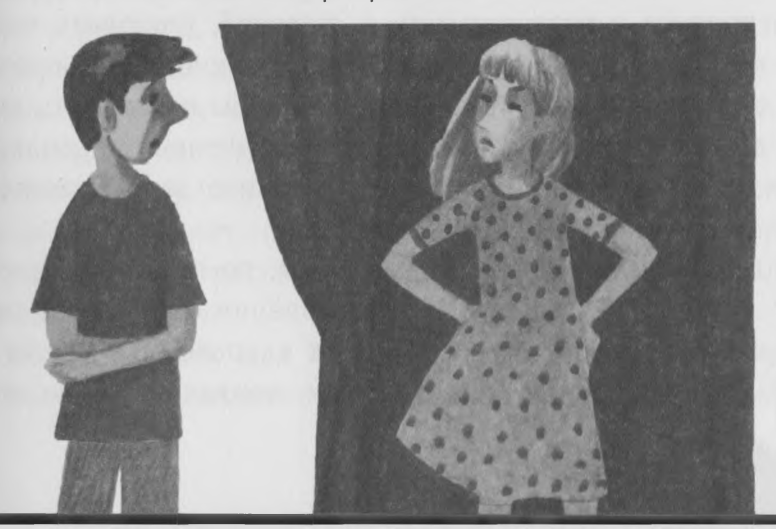
— А ты правда играешь на виолончели? — услышал Миша её удаляющийся голос. Мальчик остался стоять, оторопело глядя ей вслед, и даже немного потряс головой, пытаясь сообразить, что это было. Нет, он, конечно, радовался, что всё так благополучно и легко разрешилось, но всё же подозревал — есть тут какой-то подвох.

— Ты, главное, топиться сегодня не вздумай, — поравнявшаяся с ним Вика Незнамова смотрела благожелательно и сочувственно.

— Топиться? — растерянно переспросил Миша.

— Ну да, — Вика энергично кивнула. — Нет, ясное дело, при несчастной любви что ещё делать? Но ведь дождь прошёл, вода наверняка холодная... брррр! — Девочка даже передёрнулась.

Миша, пожав плечами, побрёл по направлению к своему корпусу, думая о том, что девочки наверняка самые загадочные создания в мире. Надо будет поговорить об этом с Тешей. Он-то простой и понятный — самый обыкновенный квартирный.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВЕЛИНА ЧАЩА

Этой ночью ребят из шестого отряда не смог бы, пожалуй, разбудить целый батальон чудовищ — хоть с жёлтыми глазами, хоть с красными. После треволнений предыдущих ночей все спали глубоким мирным сном без сновидений. А наутро солнце вновь светило ярко, на небе не было ни облачка, и даже грязь, оказывается, за ночь успела подсохнуть. И Ксюша, сияя, сообщила, что Зоя Валерьевна разрешила отряду идти в поход.

В поход собирались долго и шумно. Ксюша заставила всех намазаться с ног до головы ужасно вонючей мазью от комаров. Константин Алексеевич, взяв в помощники Дёму и Серёжу, принёс с кухни котелок, гречку, две банки тушёнки и какие-то овощи.

Миша уговаривал Тешу идти в поход вместе со всеми, однако тот отказался наотрез. Надо сказать, с тех пор как Теша стал меньше бояться выходить из корпуса и разведал путь к столовой, уговорить его на какую-то авантюру стало ещё сложнее, чем прежде. Раньше Миша в сердцах мог хотя бы пригрозить посадить квартирного на диету (что, конечно, страшная жестокость. На самом деле Миша никогда бы такого не сделал).

Лагерный Семён, разумеется, по-прежнему ворчал на Тешу, называя его «гастролёром». Однако комнаты в корпусе шестого отряда в последнее время отличались таким безупречным порядком и чистотой,

что это замечала даже техничка Ирина Львовна. Свои «квартирные» обязанности Теша выполнял старательно.

Иногда, правда, Ирина Львовна совершенно неожиданно заставала в какой-нибудь запертой снаружи комнате детей, которых там вовсе не должно было быть. Но она, нисколько уже не удивляясь, говорила: «Ага», — привычно извлекала из кармана пузырёк с успокоительными каплями, делала осторожный глоток и зажмуривала глаза, пережидая наваждение. Стоит отметить, что капли неизменно оказывали прекрасный эффект: когда техничка открывала глаза, никаких «лишних» детей в комнате обыкновенно уже не было.

Как бы там ни было, похвалы Ирины Львовны возымели своё действие: Семён изрядно смягчился к Теше и даже был не прочь иногда поболтать с ним.

Наконец все собрались: надели майки, шорты и кеды, повязали на головы банданы и собрали рюкзаки. При этом рюкзак Константина Алексеевича походил на многоэтажный дом — в него Ксюша сложила складной навес на случай дождя и ещё миллион каких-то мелочей, которые могут пригодиться, а могут и не пригодиться в походе. Снизу к рюкзаку была привязана за ручку кастрюля, которая никуда не влезла. При ходьбе кастрюля раскачивалась и хлопала вожатого по бедру. На правом плече Котеньки болтался какой-то предмет, подозрительно похожий на чехол с гитарой, но рассмотреть его как следует мешал рюкзак.

Впереди всех шла Ксюша, держа за руку Лизаньку Исакову — единственного человека в отряде, который

совершенно не рвался в поход. Лизанька считала, что лес — такое специальное место, где лично её, Лизаньку, подстерегает масса неведомых опасностей, только и поджидающих, когда она явится. И вообще девочка не сомневалась, что безопаснее всего было бы сидеть в комнате, заперев двери, особенно после всех этих страшных фигур и то ли жёлтых, то ли красных глаз за окном. Впрочем, оставаться одна она тоже остерегалась.

Следом за Ксюшей и Лизой, разбившись по парам, шли остальные ребята. Замыкал отряд Константин Алексеевич, который время от времени вслух пересчитывал своих подопечных. Ребята оживлённо переговаривались и норовили нарушить «строй», однако вожатый таких поползновений не одобрял, справедливо полагая, что считать в таком случае станет неизмеримо сложнее.

— Мы с вами сейчас, — рассказывала Ксюша тоном экскурсовода, стараясь одновременно смотреть на тропку перед собой и почаще оглядываться на ребят, — находимся в Велиной чаще. По легенде, где-то как раз в этой части леса должно быть загадочное озеро, на берегу которого зарыты сокровища. Озёр тут на самом деле очень много, но клада пока так никто и не нашёл.

Миша и Арам шли последними, сразу перед Костей, но Мише почему-то казалось, что следом идёт кто-то ещё. Кто-то очень осторожный, почти неслышный... Мальчика не оставляло ощущение пристального взгляда в затылок. Впрочем, сообщать о своих подозрениях он не спешил: рациональный Арам вполне мог поднять

его на смех. Но тот неожиданно наклонился к Мише и шепнул:

— Ты слышал?

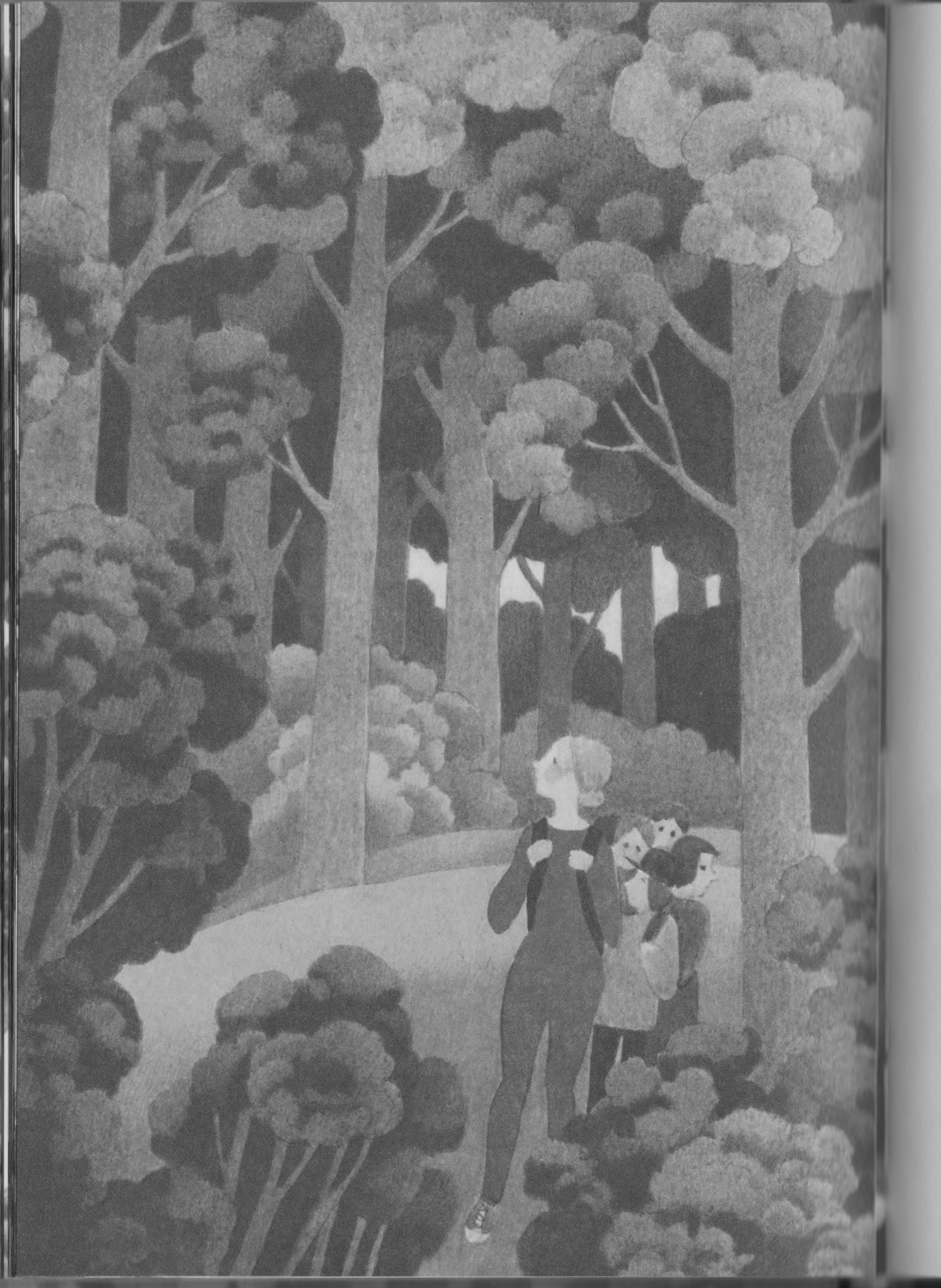
— Что?! — вскинулся Миша.

— Ветка сбоку хрустнула. Не в первый раз, кстати, — Арам указал рукой куда-то направо и чуть назад, в сторону от тропинки.

Миша настороженно мотнул головой и прислушался. Интересно... выходит, чудится всё-таки не ему одному!

Теперь оба мальчика шли, часто оглядываясь и даже приостанавливаясь время от времени, чем немало нервировали Константина Алексеевича.

Впрочем, никаких особенных неудобств таинственный преследователь пока не доставлял, так что через некоторое время мальчики немного расслабились. В конце концов, день был в самом деле чудесный, и жалко (да и попросту лень) было тратить его на расследование каких-то там загадочных шорохов, которые, судя по всему, не представляли особой угрозы. Солнышко припекало сквозь листву, ветерок приятно обдувал лицо, так что больше всего сейчас хотелось просто идти и ни о чём не думать.

Пару раз останавливались на короткие привалы, чтобы отдохнуть и перекусить. Ксюша извлекала тогда из недр Котенькиного рюкзака бесчисленные бутерброды и ватрушки из столовой. Один раз Миша замешкался, отвернувшись от своего рюкзака, на который положил салфетку с бутербродом, а когда обернулся, бутерброда уже не было.

«Дёма, что ли, шутит так», — с неудовольствием подумал Миша, однако выяснять ничего не стал — ругаться вовсе не хотелось. Просто пожал плечами и попросил у Ксюши новый бутерброд.

После привалов шли дальше, следуя прихотливым изгибам лесной тропинки, перепрыгивая через весёлые ручейки и даже перебираясь иногда через невысокие валуны.

— Справа вы сейчас видите вход в Ухающую пещеру, — рассказывала Ксюша. — Её так называют потому, что в ветреную погоду оттуда слышны звуки — будто кто-то ухает. В старину люди верили, что там живёт невиданное чудовище. Конечно, сейчас мы знаем, что такой эффект создают... Грохотовы! В пещеру никто не лезет!

Как раз в этот момент из пещеры донеслось то самое уханье — больше всего оно напоминало громкий издевательский смех. Дима и Митя Грохотовы, одновременно вздрогнув, предпочли отойти от пещеры подальше.

А тропинка между тем вилась дальше — прочь от скалы с пещерой, в глубину Велиной чащи.

— Привал! — возвестила наконец Ксюша откуда-то из начала колонны. Отряд добрался до какой-то поляны, и все обрадованно загомонили.

Поляна была большой и удобной. Похоже, привалы здесь устраивали часто: в самом центре свободного пространства располагалось выложенное камнями кострище, а в сторонке даже валялась кучка сухого валежника. Вокруг кострища виднелось несколько ровно срезанных пеньков и лежала пара гладких брёвнышек для сидения.

Пока разбирали рюкзаки и раскладывали туристические коврики, откуда-то из кустов неожиданно вынырнула Тоха Гаврина из младшего отряда. Ксюша, обнаружив её, только молча всплеснула руками и вздохнула. Ясно было, что назад девочку одну уже не отправишь. Ясно было и то, что сейчас Клавдия-Тромбон разыскивает подопечную по всему лагерю.

— Вы не волнуйтесь так, — заявила Тоха без малейшего смущения, запихивая в рот отобранный у кого-то бутерброд. — Я на своей подушке записку оставила. Ну, чтобы меня не искали. Так, мол, и так, ушла на поиски приключений... — Девочка с удовольствием понаблюдала, как на лицах обоих вожатых отразились попеременно все возможные и невозможные

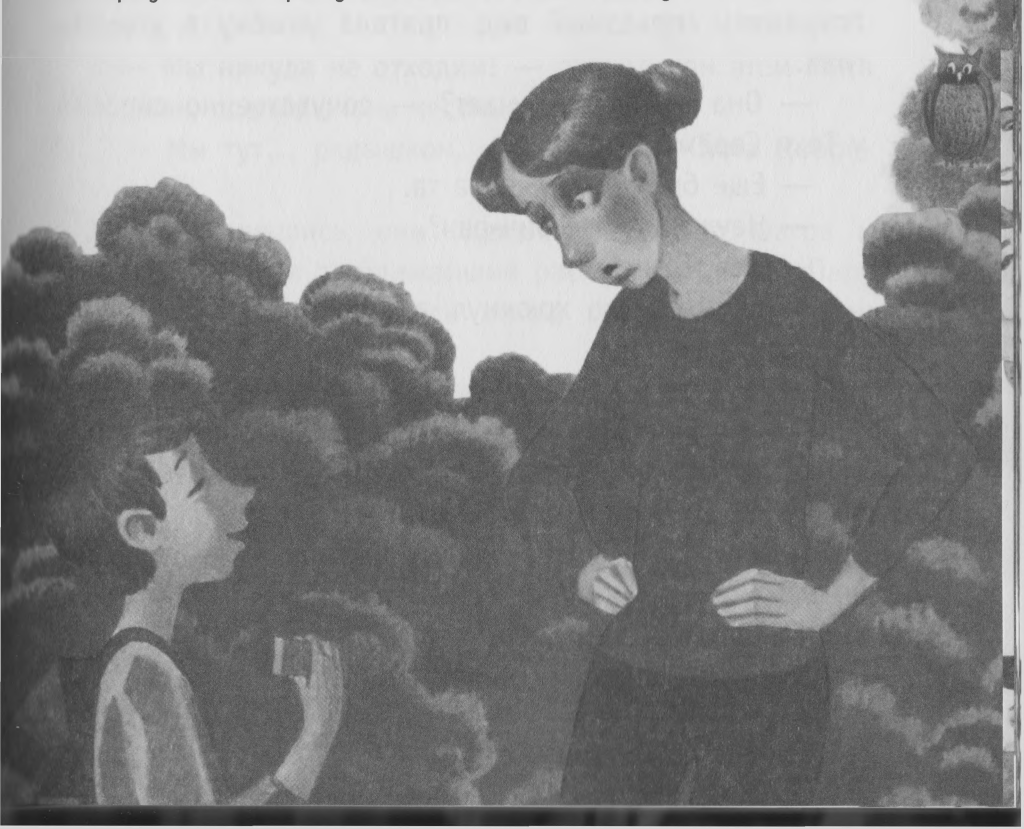

оттенки панического ужаса. — Да ладно, я там написала, что с вами пошла. И что вы мне разрешили. — Тоха невозмутимо дожевала бутерброд, а Ксюша только снова тяжко вздохнула, понимая, ЧТО ей придётся выслушать вечером от тётушки.

Лагерь «Солнышко» располагался в природной чаше, зажатый между морем, горами и лесом, и мобильные телефоны были здесь совершенно бесполезны — они просто не ловили сеть, поэтому сообщить тётушке о Тохе Ксюша не могла при всём горячем желании.

— Так это ты, что ли, за нами топотала? — опомнился наконец Миша.

Тоха сделала вид, что не услышала вопроса, зато повернулась к Араму и живо сообщила ему:

— Между прочим, я шла очень тихо! А некоторые с хорошим слухом могли бы и попроще себя вести. Меня из-за вас чуть Котенька раньше времени не заметил!

Константин Алексеевич вздрогнул от столь фамильярного обращения, однако решил не связываться и тоже, в свою очередь, изобразил временную глухоту.

— Сил не было там оставаться, — шёпотом доверительно сообщила Тоха Араму и повысила голос, явно кого-то передразнивая: — К родительскому дню мы с вами, мои зайчаточки...

— Разучим за-ме-чааааательный танец! — весело подхватила сидевшая неподалёку Алёна Гасанова, и все весело рассмеялись. Даже Ксюша, пытавшаяся сохранить серьёзный вид, прятала улыбку в уголках глаз.

— Она вас тоже мучает? — сочувственно спросил у Тохи Серёжа Сёмочкин.

— Ещё бы! — фыркнула та.

— Неужели тоже рич-рач?

— Неа. Цып-цып!

Арам отчётливо хрюкнул, а Тоха продолжила с явным отвращением:

— Мы, видите ли, цыплята...

Дима и Митя Грохотовы шушукались о чём-то в сторонке от всех, время от времени косо поглядывая на вожатых. В какой-то момент Мише показалось, что он расслышал произнесённое шёпотом слово «клад», но заговорщики тут же понизили голоса ещё больше, так что стало совсем уж ничего не разобрать.

Арам со скучающим видом озирался вокруг.

— Я пройдусь немножко, — сообщил он, поднявшись. Смотрел он при этом почему-то преимущественно на траву под ногами.

— Я с тобой! — тут же вскочила Тоха.

Миша, собиравшийся составить Араму компанию и уже приготовившийся подняться, опустил голову. Всё равно Тоха с ним не разговаривает, так какой смыл навязываться?

— Не уходите далеко! — распорядилась, нахмурившись, Ксюша. — Оставайтесь в зоне видимости! Никто никуда не отходит!

Арам только пожал плечами и отошёл на несколько шагов.

Грохотовы тем временем тоже поднялись со своих мест.

— Мы никуда не отходим! — заявил при этом Митя Гроссман, сделав очень честные глаза.

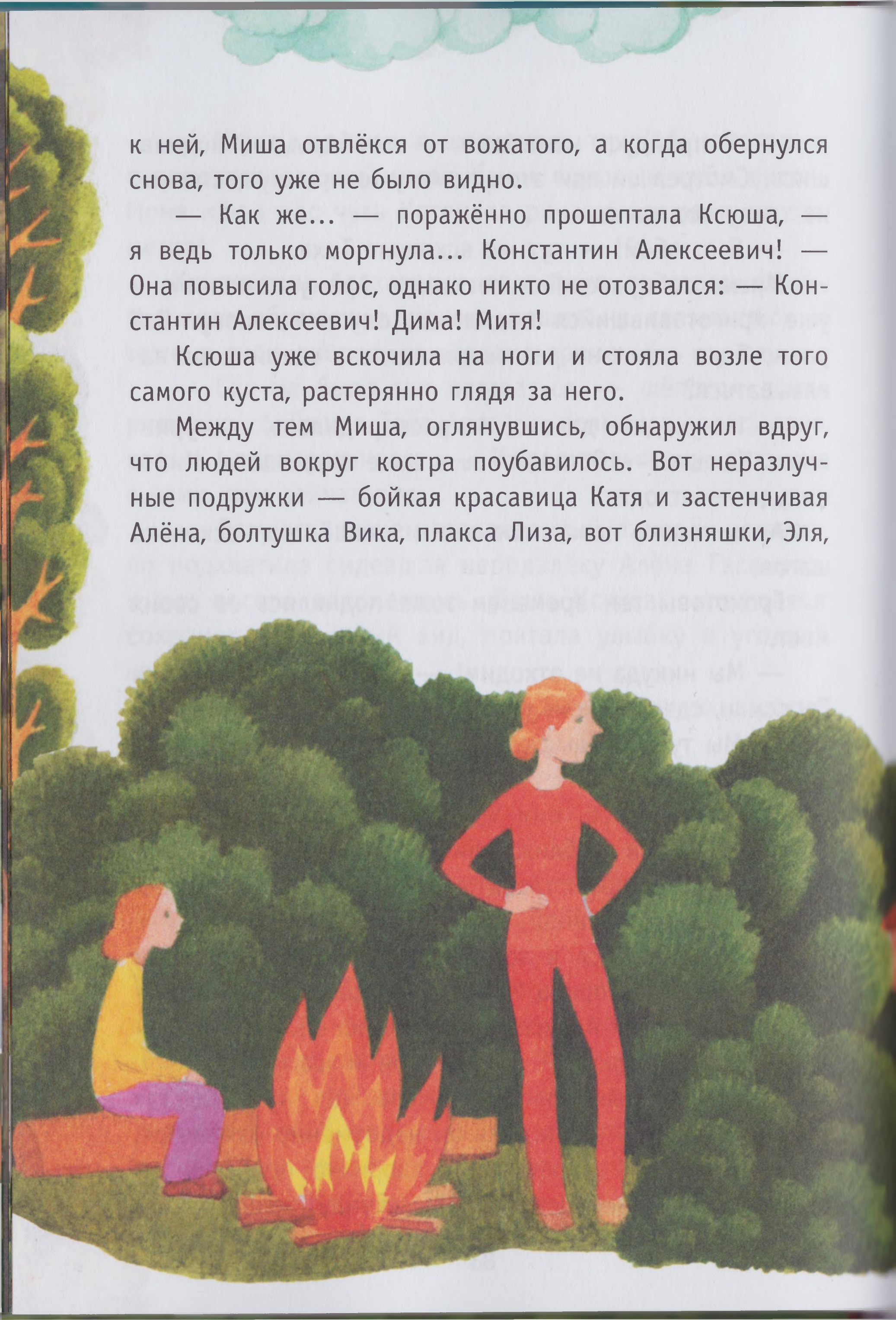
— Мы тут... рядышком, — поддакнул Дима Доброхотов.

Переглянувшись, они сделали несколько шагов и дружно нырнули за ближайший раскидистый куст. Пару секунд был слышен треск веток, сменившийся затем настороженной тишиной.

— Все остаёмся в зоне видимости! — уже почти рассерженно повторила Ксюша и собралась подниматься, но Константин Алексеевич опередил её.

— Я посмотрю, — сообщил он и шагнул за куст. Его всклокоченная голова торчала над ветками, так что было хорошо видно, как он недоумённо озирается.

— А я ногу занозила! — капризно проныла тем временем Лизанька Исакова. На секунду повернувшись

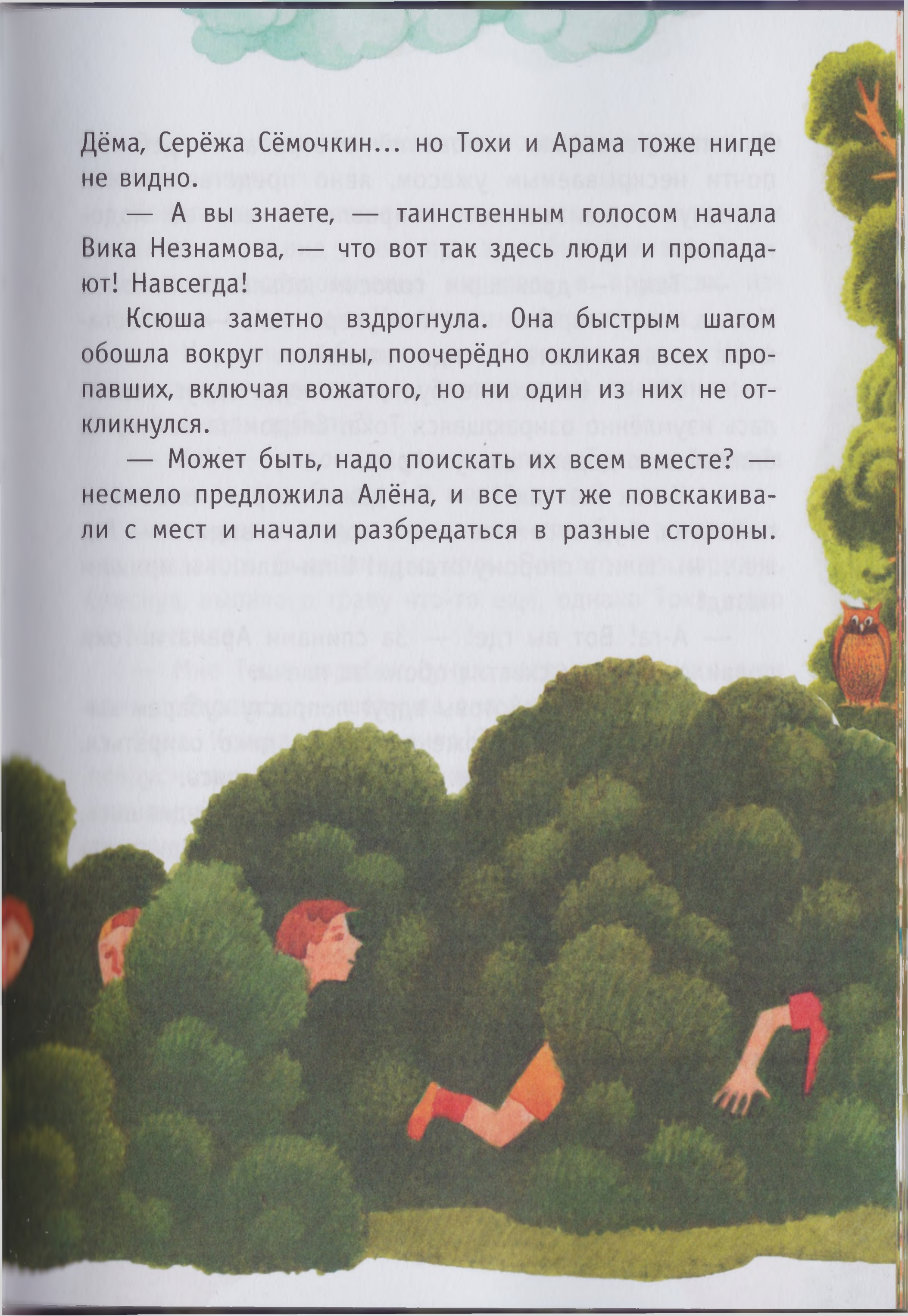

к ней, Миша отвлёкся от вожатого, а когда обернулся снова, того уже не было видно.

— Как же... — поражённо прошептала Ксюша, — я ведь только моргнула... Константин Алексеевич! — Она повысила голос, однако никто не отозвался: — Константин Алексеевич! Дима! Митя!

Ксюша уже вскочила на ноги и стояла возле того самого куста, растерянно глядя за него.

Между тем Миша, оглянувшись, обнаружил вдруг, что людей вокруг костра поубавилось. Вот неразлучные подружки — бойкая красавица Катя и застенчивая Алёна, болтушка Вика, плакса Лиза, вот близняшки, Эля,

Дёма, Серёжа Сёмочкин... но Тохи и Арама тоже нигде не видно.

— А вы знаете, — таинственным голосом начала Вика Незнамова, — что вот так здесь люди и пропадают! Навсегда!

Ксюша заметно вздрогнула. Она быстрым шагом обошла вокруг поляны, поочерёдно окликая всех пропавших, включая вожатого, но ни один из них не откликнулся.

— Может быть, надо поискать их всем вместе? — несмело предложила Алёна, и все тут же повскакивали с мест и начали разбредаться в разные стороны.

Вожатая несколько мгновений смотрела на ребят с почти нескрываемым ужасом, явно представляя, как исчезнут в неизвестном направлении все её подопечные.

— Так, — дрожащим голосом объявила наконец Ксюша, явно стараясь казаться уверенной, — все остаются на своих местах и сидят спокойно.

— Ой! — На поляне будто ниоткуда вдруг появилась изумлённо озирающаяся Тоха. Следом за ней из-за ближайшего дерева шагнул Арам.

— К-как же так?! — Он даже потряс головой и поморгал, будто сомневаясь в том, что видит. — Мы же... мы шли в сторону отсюда! Шли-шли... и пришли назад!

— А-га! Вот вы где! — За спинами Арама и Тохи появился Костя и схватил обоих за плечи.

Дима и Митя Грохотовы вдруг попросту кубарем выкатились из кустов и тоже принялись дико озираться, как будто не понимая, как они здесь оказались.

Ксюша, внимательно осмотрев всех и убедившись, что отряд наконец снова в сборе, утомлённо прикрыла глаза и с облегчением глубоко вздохнула.

— Больше никто не отходит отсюда ни на шаг, — тихо, но очень твёрдо произнесла она.

Кашу на костре варили, негромко переговариваясь и делясь впечатлениями. По словам Арама, он выискивал какие-то редкие образцы растений для своего гербария. Вместе с Тохой он отошёл довольно далеко от поляны, а потом вдруг просто снова на ней оказался.

Грохотовым повезло меньше: их и впрямь как будто кто-то пнул под зад... кто-то очень большой. Да

так пнул, что они оба моментально снова очутились на месте стоянки.

Константин Алексеевич о своих приключениях помалкивал, но вид у него при этом был диковатый.

Ксюша сосредоточенно копалась в припасах, извлечённых из рюкзака Константина Алексеевича.

— Неужели забыли... — бормотала она. Наконец она подняла голову и расстроенно повторила: — Неужели соль забыли?!

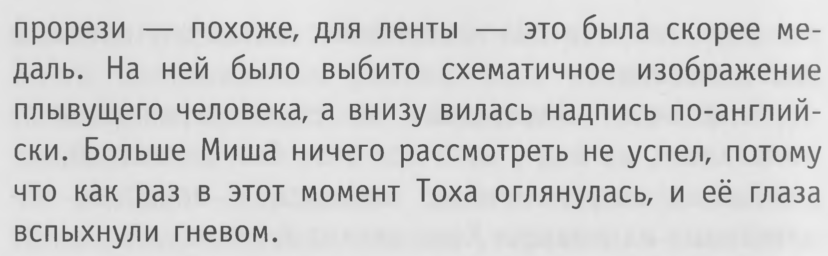
— Ха! — радостно ухмыльнулась Тоха и полезла в карман. — Что бы вы без меня делали!

Она выудила оттуда спичечный коробок, в котором, как оказалось, была именно соль. При этом из кармана, блеснув, выпало в траву что-то ещё, однако Тоха этого не заметила.

— Мне Теша коробок сунул, когда увидел, что я за вами собираюсь, — шепнула она Араму.

Пока Ксюша благодарила Тоху и восхищалась её предусмотрительностью, Миша наклонился и поднял выпавший из Тохиного кармана предмет. Сначала ему показалось, что это большая монета, однако он быстро понял свою ошибку: судя по размерам и

прорези — похоже, для ленты — это была скорее медаль. На ней было выбито схематичное изображение плывущего человека, а внизу вилась надпись по-английски. Больше Миша ничего рассмотреть не успел, потому что как раз в этот момент Тоха оглянулась, и её глаза вспыхнули гневом.

— Отдай! — завопила она и выхватила медаль у Миши из рук. — Вечно ты чужие награды присваиваешь!

— Да она у тебя выпала, я вернуть хотел, — обиделся Миша, но Тоха уже отвернулась.

— Можно посмотреть? — заинтересованно спросил Арам и протянул руку. Тоха неохотно дала ему медаль, ни на секунду не спуская с неё глаз. — Вот это да!

— Это мамина, — пояснила Тоха. — Правда, мама давно карьеру закончила. Я тоже когда-нибудь буду чемпионкой мира! Мама мне сама её отдала. На удачу, и чтобы я всегда помнила о своей цели. Это мой талисман, я с ней никогда не расстаюсь.

Она поспешно забрала медаль у Арама.

— Неужели настоящая? Ничего себе! — ахнула Ксюша. — Так ты бы хоть... на шее её, что ли, носила. Так ведь и потерять недолго. Такая ценная вещь!

— На шею я медаль повешу, когда сама её заслужу! — гордо ответила Тоха, пряча свой талисман обратно в карман. — И я её ни за что не потеряю!

У Миши было своё мнение на этот счёт, но он предпочёл промолчать, всё ещё дуясь на девочку.

Гречневая каша, приготовленная на огне, оказалась просто невероятно вкусной — она пахла костром, дымом, лесом и ещё чем-то неопределимым, но

очень-очень аппетитным. И не менее вкусным показался чай из чугунка, в который Арам, хмыкнув, бросил пучок каких-то листьев из своего «гербария». Алёна заинтересованно присматривалась и тихонько расспрашивала Арама про «чайный сбор», в котором оказались чабрец и листья земляники и ежевики. Близняшки и Катя шушукались о чём-то своём, время от времени хихикая и бросая взгляды на кого-нибудь из мальчишек. По другую сторону костра Дима и Митя Грохотовы, бурно жестикулируя, вели какой-то разговор. Ксюша, улыбаясь про себя, помешивала в чугунке остатки чая и даже, кажется, напевала себе под нос. Тоха в какой-то момент устало привалилась к Мишиному плечу, совершенно, видимо, забыв, что они в ссоре. И даже Константин Алексеевич как будто наконец расслабился и заинтересованно посматривал на вожатую. А потом он, не вставая, протянул руку и извлёк из чехла — Миша даже не сразу поверил своим глазам — всё-таки настоящую гитару. Константин Алексеевич перебирал струны, а Миша думал про себя: «Как же хорошо!»

Потом всем отрядом ребята пели «Изгиб гитары жёлтой» и «Под небом голубым», а потом гимн «Солнышка», который начинался словами: «Всегда мы помнить будем про лето приключений...» Потом что-то играла на гитаре Ксюша — надо же, она тоже умела! — и даже Арам. А Миша, который совершенно не умел петь, думал о том, что вот этот вечер у лесного костра он и в самом деле будет помнить очень-очень долго.

А потом вожатые объявили, что пора возвращаться в лагерь. И волшебство сразу закончилось.

* * *

До лагеря добрались почти без приключений. Шли на сей раз более короткой дорогой, не сворачивая ни к пещере, ни к другим местным достопримечательностям. Ребята, усталые, но довольные, едва переставляли ноги, и мечтали уже только о том, чтобы добраться наконец до своего корпуса. Причитания Лизаньки лились уже непрерывным потоком, на который никто особенно не обращал внимания. Впрочем, она, казалось, и не ждала чьей-то реакции, просто хныкать было для неё делом привычным и казалось правильным. Все остальные практически не разговаривали.

В какой-то момент Дёма Квасников отстал от отряда, так что Ксюше, которая на сей раз шла замыкающей, пришлось даже за ним возвращаться. При этом оказалось, что Дёма не терял времени даром: с помощью перочинного ножика он успел вырезать своё имя на коре огромного дерева, росшего у обочины тропинки. Ксюша, обнаружив это, только всплеснула руками.

— Квасников! — Её голос даже задрожал от возмущения. — Этому дереву, может быть, сто лет... да как же ты...

Дёма в ответ только нагло ухмыльнулся.

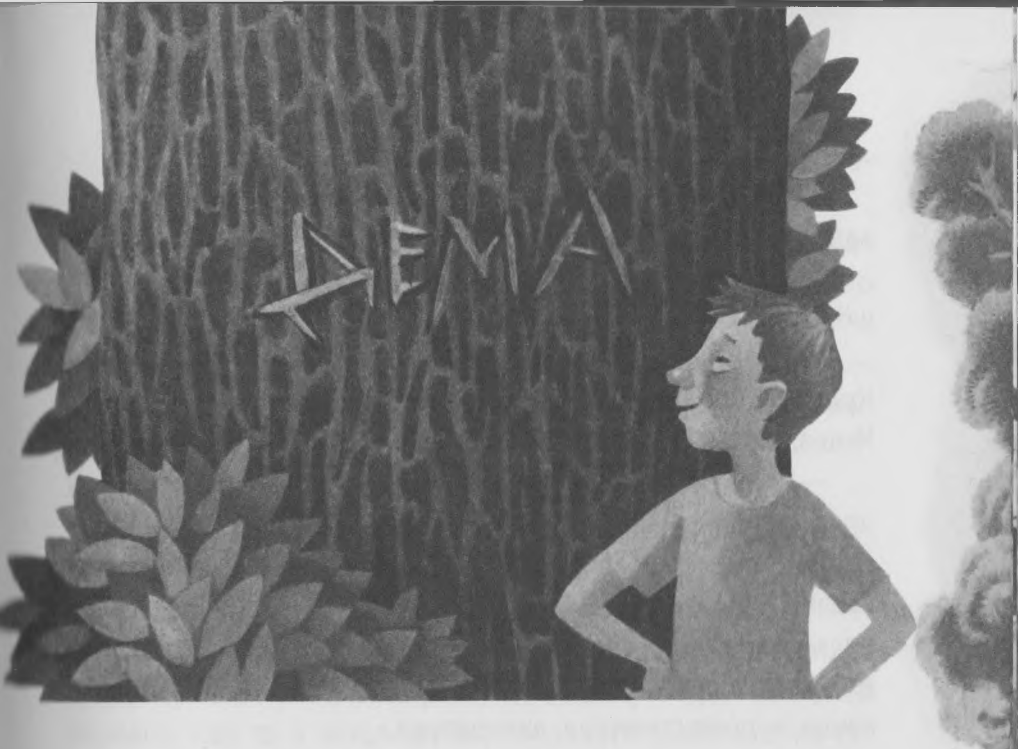
— Ну и чё ты мне сделаешь? — спросил он.

Подоспевший к месту событий Константин отвесил ему лёгкую затрещину.

— А я родителям нажалуюсь, — не моргнув глазом, сообщил Дёма. — И тебя посадят за избиение несовершеннолетнего. Вон у меня свидетелей сколько!

«Вот гад», — подумал Миша, отлично видевший, что вожатый вовсе не ударил Дёму, а скорее сделал вид.

— Да... как же... — Ксюша растерянно заморгала. Впрочем, Константина Алексеевича угрозы Дёмы, похоже, не слишком напугали. Он молча отнял у мальчишки нож и сунул себе в карман, а затем развернул подопечного в сторону отряда и отвесил ему лёгкого шлепка пониже спины — видимо, для убедительности.

— Перед отбоем полчаса стоишь в Красном уголке, — сообщил он спокойно. — За порчу зелёных насаждений и неуважительное отношение к сотруднице лагеря.

Ксюша с благодарностью посмотрела на вожатого, а тот лишь кивнул ей и снова направился в голову колонны.

«Так ему и надо», — мстительно подумал Миша. Он и в самом деле считал, что Дёма давно заслужил наказание.

* * *

Вечером перед самым отбоем в комнату мальчиков заглянула Вика Незнамова.

— А вы знаете, — своим обычным таинственным шёпотом начала она, — что Квасникову теперь не жить?

Дёма Квасников ещё не вернулся из заключения в Красном уголке, так что в комнате были сейчас только Миша, Арам, Грохотовы и Серёжа Сёмочкин.

— Он встретил привидение? — Арам, насмешливо прищурившись, поднял голову от книги. Он как раз недавно пополнил свои запасы — оказалось, в Красном уголке, куда мальчик угодил на днях за эксперименты на людях, помимо всевозможного хлама хранилось множество старых учебников, методичек и даже коекакая художественная литература.

— Хуже! — свистящим шёпотом сообщила Вика. — Он пририсовал фломастером усы к портрету Про́клятой Настасьи!

Мальчики хором захихикали.

— Не смешно вообще-то! Семён в ярости! Грозится оторвать Квасникову голову. А Семён может, между прочим. Он, знаете, какой сильный? Видели, как он шкафы двигает?

Действительно, ребята уже имели удовольствие наблюдать, как сухощавый и невысокий старичок с лёгкостью передвигает мебель. Впрочем, удовольствие было сомнительным, потому что в те времена Семён старался как можно сильнее напугать ребят, чтобы заставить «вести себя потише».

— Насмерть, скорее всего, не убьёт, — авторитетно заявил Арам. — Не такой Семён че... эээ, лагерный.

— А всё остальное Дёме полезно, — уверенно заключил Миша.

Вика обвела взглядом лица мальчишек и, не найдя в них ни капли сочувствия к товарищу, разочарованно вздохнула.

— Ну и ладно. Но потом не говорите, что я не предупреждала! Говорю вам: на этот раз прольётся кровь!

* * *

Ночью, когда тьма окончательно сгустилась над лесом и лагерем «Солнышко», а крупная, почти полная луна скрылась за облаками, и впрямь произошло немыслимое. Две необычных очертаний тени отделились от забора лагеря и замерли неподалёку. Одна из теней заухала, где-то в чаще тотчас отозвался филин, и из густой мглы под деревьями возникла ещё одна тень.

Домовые, квартирные, а также банники, овинники, конюшенные, каргоруши и прочие Разные, что испокон веку обитали рядом с людьми, никогда не ладили с «дикарями» — теми из своих собратьев, что, напротив, предпочитали селиться от людского жилья подальше, — лешими, русалками, болотниками и прочими. Лешие считали домовых прихлебателями, променявшими свободное и вольное житьё на тёплое местечко рядом с человеком. Домовые, в свою очередь, презирали «дикарей». Не то чтобы они враждовали, но никогда не доверяли друг другу и старались держать дистанцию. И тем более странной была эта встреча возле забора детского лагеря, где собрались старый лагерный Семён, юный квартирный Теша Закроватный и... Леший из Велиной чащи.

Леший более всего походил на длинный трухлявый пень с руками-ветками, ногами-корнями и зелёной моховой бородой. На голове у него вместо головного убора красовалось птичье гнездо, которое время от времени съезжало на лоб, и тогда Леший поправлял его угловатым движением руки-ветки.

— Он меня за хвост дёргал! — звенящим от негодования голосом жаловался Теша. Ему было очень страшно здесь, а Леший пугал его одним своим видом, но желание расквитаться с врагом оказалось всё-таки сильнее. — За хвост, понимаете?!

— Чепуха! — Семён, как никогда похожий сейчас на привидение в своей длинной белой рубахе, досадливо махнул рукой. — Хвост, эка важность. Но портрет! Испортить... такое! Ить тому портрету сто лет уже! И никто, вы слышите, никто! Никогда не смел...

— Хвосты, портреты... — проскрипел недовольно Леший, яростно шевеля кончиком сучковатого носа. — Тоже мне, невидаль. Сто лет, ишь. Моему дубу поболее будет. А этот ваш...

— Не наш он никакой! — горячо возразил Теша.

— А то чей же? — сурово возразил Леший. — Человек. Из вашего жилья пришёл. Дерево мне поранил. Вам и отвечать.

— А что, если... — Тут Теша понизил голос и зашептал что-то совсем неразборчиво. Старики, наклонившись к нему, поначалу закачали головами, а затем вдруг закивали одобрительно.

— Решено! — провозгласил наконец Леший. — Будь по-твоему!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВЕЛИКИЙ ПЛАН

Дёме Квасникову снился страшный сон. Пожалуй, за всю его пока не столь уж долгую жизнь ему ещё ни разу не было так страшно.

Снилось Денису, что к его постели отовсюду подкрадываются пугающие тёмные тени. Они протягивают к нему свои длинные руки, разевают жуткие пасти. И ещё кто-то шепчется по углам зловещими голосами, обвиняющими его в чём-то, угрожающими, проклинающими.

— Как ты посмел? Как осмелился? — шептали голоса на разные лады, и слышались в этом шёпоте то скрип несмазанных дверных петель и рассохшихся половиц, то шорохи леса, завывание диких зверей и клёкот птиц. Голоса сливались в невнятный шум, становившийся то громче, то тише, и вдруг в один момент смолкли. Напряжённая тишина зазвенела, смыкаясь вокруг. Казалось, будто сам воздух стал плотнее и начал давить на грудь.

«Теперь они до меня точно доберутся», — обречённо понял Дёма, не задумываясь, как это часто бывает во сне, о том, кто «они» и что именно они могут сделать.

И тогда отчётливый, очень скрипучий голос громко и повелительно приказал ему:

— Встань!

* * *

Мише не спалось. Сначала чудились какие-то шорохи под кроватью, затем — шелест шагов, как будто кто-то осторожно крался из комнаты. «Теша бродит чего-то», — сонно решил мальчик и перевернулся на другой бок — лицом к комнате. Однако стоило ему задремать, как послышался скрип одной из кроватей, будто кто-то грузно ворочался на ней. «Ну кому ещё не спится?» — недовольно подумал Миша и приоткрыл один глаз. Впрочем, он тут же изумлённо распахнул оба глаза — не торопясь, правда, выдавать себя.

Дело в том, что, как оказалось, нарушителем спокойствия был Дёма Квасников. В свете луны, льющемся из окна, Мише было хорошо видно его фигуру: извечный недруг сидел на своей кровати и, не мигая, смотрел прямо перед собой. Очевидно, кровать скрипнула, когда он садился.

Всё так же глядя прямо перед собой, Дёма встал, сунул ноги в тапочки и как был, в пижаме, направился ко входной двери.

Едва слышно скрипнула дверь, открывшись и снова закрывшись.

«Наверное, в туалет пошёл. Или воды попить», — подумал Миша. Решив так, он ещё пару минут повозился, устраиваясь поудобнее, и наконец снова задремал.

Однако спокойно поспать в эту ночь ему было не суждено. Казалось, Миша только-только прикрыл глаза,

когда почувствовал, что кто-то осторожно трясёт его за плечо.

— Эй! — шёпотом окликнул его кто-то. — Да просыпайся ты!

— Что... что случилось? — в полный голос спросил Миша, и кто-то тотчас зажал ему рот рукой.

— Не шуми ты! Сейчас всех перебудишь!

Миша наконец разглядел того, кто так бесцеремонно нарушил его сон. Вернее, тех. На краешке его кровати расположились «близнецы, хоть и не братья» Грохотовы — Дима Доброхотов и Митя Гроссман.

— Нам нужна твоя помощь! — всё так же шёпотом торжественно сообщил Дима. — Поэтому мы решили рассказать тебе о нашем великом плане...

«Великий план» авантюристов Грохотовых заключался в том, чтобы выбраться из лагеря ночью и найти легендарный клад. Почему-то оба мальчишки нисколько не сомневались, что именно им непременно удастся это сделать. И их совершенно не смущало то обстоятельство, что прежде этот самый клад искали многие и многие.

— Ты пойми, у нас же даже карта есть! — горячо втолковывал Дима.

— И что? — удивился Миша. — Что-то я не заметил, чтобы на этой карте было отмечено, где искать сокровища.

— Ха! — самодовольно усмехнулся Митя. — Ну не зря же мы показывали карту Домбаяну. Сам слышал: Арам считает, что клад должен быть на Синем озере.

— Но вы же всё равно не знаете, где именно он там зарыт, — продолжал недоумевать Миша.

— Вот поэтому мы берём Домбаяна с собой, — пояснил Митя. — Башка у него варит что надо!

— Это может быть любопытным опытом — попробовать определить местонахождение гипотетического клада, исходя исключительно из логических рассуждений, — подал голос сам Арам, который, оказывается, сидел на своей кровати полностью одетым. — А кроме того, у меня есть некоторые соображения по поводу другого моего расследования, и их стоит проверить.

«Похоже, сегодня вообще никому не спится», — с лёгким неудовольствием подумал Миша, который вовсе не отказался бы ещё немного вздремнуть.

— Так ты ж говорил, он вообще под водой может быть, этот клад, — припомнил Миша.

— А вот поэтому мы берём с собой Гаврину! — торжествующе сообщил Дима. — Она лучше всех плавает. И говорит, что под водой плавать тоже умеет.

«Эдак они весь лагерь с собой потащат ночью по лесу шастать», — подумал Миша, а Дима между тем пояснил:

— Гаврина сегодня специально попросилась у наших девчонок в комнате ночевать, ей Тромбон разрешила.

— Ну ладно, — никак не мог взять в толк Миша, — а от меня-то вы чего хотите?

— А это, — Митя понизил голос, — самая главная часть нашего плана. Надо выбраться из лагеря так, чтобы до утра нас никто не хватился. К тому времени мы и сами уже вернёмся, да ещё с кладом! А победителей не судят. Ясное дело, через ворота выходить

нельзя — сразу поймают. Надо через забор и по-тихому... в общем, нам нужен Теша!

— Теша упрямится, — подключился к объяснениям Дима Доброхотов. — Ни в какую не хочет идти с нами, хотя бы просто вывести нас! Он вообще под кровать забился и не выходит!

— Повлияй на него! — с жаром добавил Митя. — Ты же вроде как его хозяин, он тебя скорее послушает. А мы тебя за это с собой возьмём!

Миша почувствовал себя уязвлённым. Выходило, что его звали с собой не потому, что сам он мог быть чем-то полезен, как Арам или Тоха, а потому, что он якобы имел какое-то влияние на Тешу.

— Никакой я ему не хозяин, — буркнул мальчик. — Теша сам решает, чего хочет.

— Ну ты же взял его с собой в лагерь, и он не мог отказать, — резонно возразил Митя. — Значит, ты можешь опять сказать то же самое, что тогда сказал, — и он пойдёт с нами как миленький!

— Это произвол! — послышался возмущённый голос Теши из-под кровати. — И не пойду я никуда! Вы же переезжать не собираетесь? Ага, ага! — торжествующе заключил квартирный.

Миша задумался. Всё-таки найти клад было соблазнительной идеей. И наверняка не такой уж глупой, если даже Арам собирался участвовать в предприятии. Но пытаться заставить Тешу казалось всё-таки неправильным. А кроме того, Миша сильно сомневался, что ему это на самом деле удастся.

— Я попробую его уговорить, — шепнул он и уже чуть громче обратился к Теше, по-прежнему невидимому

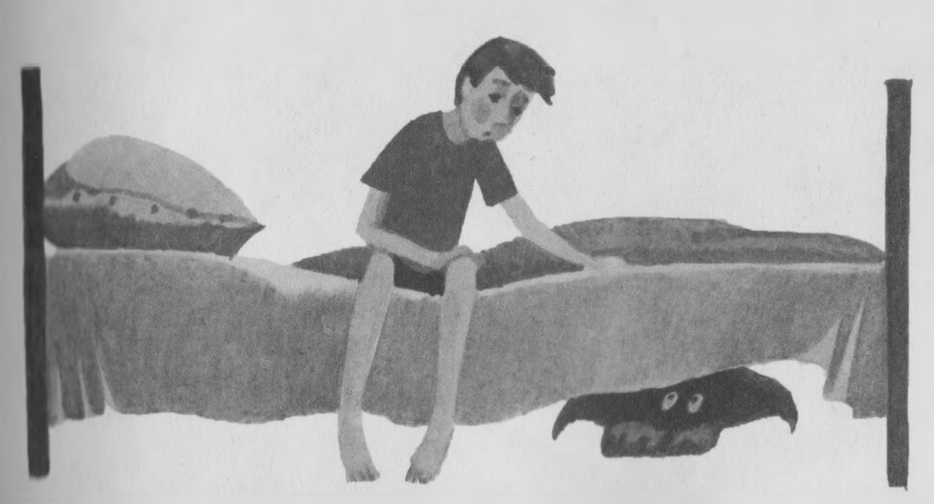
в своём укрытии под кроватью: — Теш, скажи честно, ты ведь не трусишь идти в лес? А в кладах, между прочим, обычно всякие такие девчачьи штуки... ну, знаешь, бусы там, серёжки. — Он громко и нарочито тяжко вздохнул. — Неужели придётся рассказывать Нюсе, что такой отважный путешественник струсил добыть для неё новые бусы?

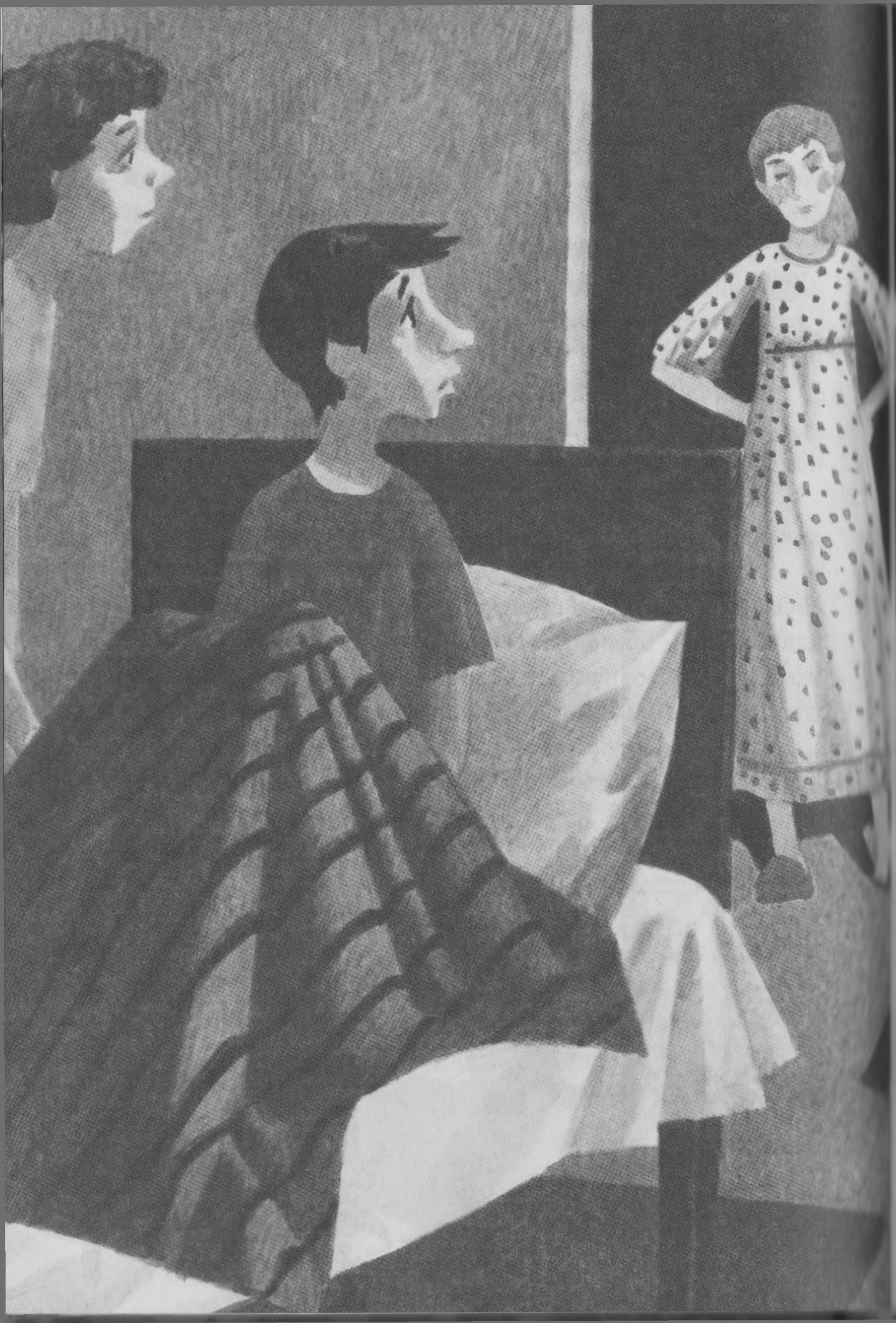
Нюся из-за Шкафа, соседская квартирная, очень любила украшения и даже просила Тешу привезти ей новые бусы в подарок с моря.

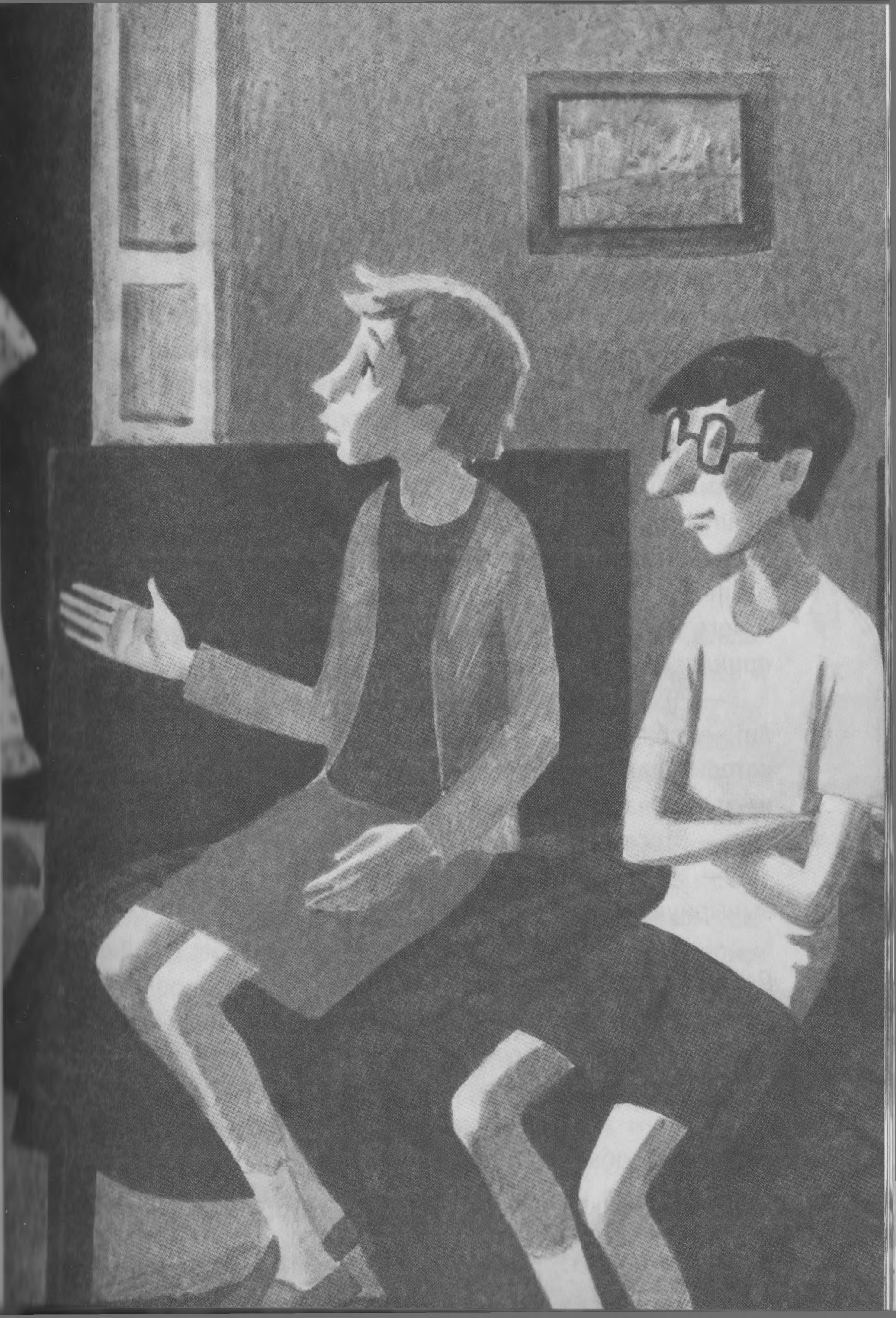
— Так нечестно, — буркнул Теша, всё ещё не показываясь.

В этот момент дверь комнаты тихонечко приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась взлохмаченная, как обычно, голова Тохи Гавриной. Девочка осмотрелась вокруг, затем оглянулась в коридор и бесшумно проскользнула в комнату.

— За мной может быть «хвост», — прошептала она. Миша заинтересованно приподнялся, а Теша даже выбрался из-под кровати, пытаясь разглядеть Тохин хвост.

— Нет у тебя никакого хвоста! — заключил наконец он, обойдя вокруг девочки.

— Я полагаю, Антонина имела в виду слежку, — пояснил Арам, а Тоха согласно кивнула, одновременно присаживаясь рядом с ним.

— Элька весь вечер с меня просто глаз не спускала, — пожаловалась она. — Мне кажется, она о чём-то догадывается. Так-то я тихо одевалась, все вроде уснули...

— Ага! — Дверь снова распахнулась.

На пороге стояла, уперев руки в бока, конечно, Эля Мухтиярова собственной персоной. Одета она была в длинную ночную рубашку. Секунду пощурившись после хорошо освещённого коридора, она бесцеремонно ткнула пальцем в выключатель, и в комнате вспыхнул свет, отчего Серёжа Сёмочкин поднял голову с подушки и принялся сонно озираться.

— Я так и думала, что это вы опять что-то затеяли! — обвиняюще заявила Эля, обращаясь к Грохотовым, которые одновременно втянули головы в плечи. — Мало из-за вас наш отряд ругают на каждой линейке!

— Этого не хватало, — пробормотал Митя Гроссман.

— А что тут у вас случилось? — из-за плеча Эли вынырнула Вика Незнамова.

— Да что ж такое! — досадливо воскликнул Дима Доброхотов, забыв даже понизить голос. Впрочем, в этом уже не было необходимости: в комнате больше никто не спал. — Теперь все, что ли, соберутся? У нас тайное предприятие, между прочим!

— А вы знаете, — начала своё обычное присловье Незнамова, обведя комнату взглядом, — что у вас Квасникова нет на месте?

Все разом уставились на кровать Дёмы Квасникова, действительно разобранную, но пустую.

«Неужели так и не вернулся?» — запоздало подумал Миша, припоминая теперь, что Квасников и выходил из комнаты как-то странно, словно лунатик какой-то.

И в этот момент Теша как-то очень поспешно, скребя по полу когтями, кинулся вновь к Мишиной кровати, взмахнул хвостом и нырнул под неё, громыхнув чем-то в чемодане.

— Я здесь ни при чём! — выкрикнул он на ходу, уже исчезая из виду.

На несколько секунд в комнате повисла тишина. Теперь все с изумлением смотрели на то место, где только что исчез квартирный.

— Ну и куда вы его дели? — мрачно и обвинительно спросила наконец Эля. Почему-то она обращалась к Мише, и в её голосе звучали обвиняющие нотки.

— Я-то тут при чём? — поперхнулся тот. — Понятия не имею!

— Теша! — осторожно позвал Арам.

— Ничего не знаю, ничего не скажу! — приглушённо раздалось из-под кровати.

Спустя несколько минут ребятам совместными усилиями удалось-таки извлечь упирающегося квартирного из-под кровати. Эля учинила ему настоящий допрос. Упорствовал Теша недолго.

— Да что вы все переполошились! — досадливо воскликнул он наконец. — Вернётся ваш Квасников... к утру. Наверное.

— Наверное?! — переспросила Эля. Голос её звенел от негодования.

— Ну да... Леший его только попугает немножко. Так ведь так ему и надо! Нечего было за хвост дёргать!

— Леший? — изумлённо воскликнул Миша, припоминая, как тот же самый Теша, да и Семён, а ещё раньше — старые домовые из его собственного дома предостерегали всех от общения с лешими.

— Думаю, это означает, что Денис сейчас в лесу, — негромко предположил Арам.

— Навеееееки! — замогильным голосом затянула Вика.

— К-как это — в лесу? — От таких известий Эля даже растерялась ненадолго. Впрочем, она быстро взяла себя в руки и решительно объявила: — Надо срочно сказать вожатым!

— Да подожди ты! — остановил её Митя Гроссман, похоже, сообразивший, что если взрослые примутся сейчас искать Квасникова, то о том, чтобы незаметно исчезнуть из лагеря, можно забыть. Да и потом за отрядом, наверное, будут наблюдать особенно пристально. Какой уж тут клад! Грохотовы переглянулись, и Дима Доброхотов, поднявшись со своего места, словно в задумчивости сделал несколько шагов и — будто бы совершенно случайно — загородил дверной проём.

— Надо же выяснить всё для начала! — с самым невинным видом пояснил Митя.

— Да нечего тут выяснять! — с горячностью заявил Теша.

— Правильно, неча! — объявил новый голос, и все уставились на лагерного Семёна, появившегося прямо из стены в своей неизменной банной рубахе и с метлой в руке. Борода Семёна сегодня как-то особенно

гневно топорщилась во все стороны. — Баловник он, ваш Квасников! Проучит его лешак маленько и вернёт, никуда не денет. Неча было на Настасьином портрете усы рисовать!

— Ну хорошо, усы... хвост, — задумчиво проговорил Арам. — Я так понимаю, он вас обоих обидел. А Леший-то тут при чём?

— А Леший — тоже в своём доме хозяин! — наставительно ответил Семён. — Деревья ему — что дети родные... Кому ж понравится, если гость станет в его доме его же детей обижать?!

— Понятно, — пробормотал Арам. — И вы все вместе сговорились его наказать, так?

— Так, — важно кивнул Семён.

— И в чём же заключается наказание?

— Ну, я ему сон наслал, — несмело сообщил Теша.

— Я из лагеря вывел, — добавил лагерный.

— А дальше?

— Дальше? — Теша и Семён переглянулись и одновременно пожали плечами.

— То есть вы даже не знаете, что с ним этот ваш леший собирается делать? — с негодованием спросила Эля.

— Да чё там... попугает малость, да и всё, — както не очень уверенно сказал Семён. — Наверное...

— Попугает и убьёт насмерть, — убеждённо заключила Вика Незнамова.

— Надо срочно к вожатым! — Эля, присевшая было на одну из кроватей, вскочила и решительно собралась покинуть комнату.

— А что ты им скажешь? — вкрадчиво спросил Арам. — Про Лешего расскажешь или про Тешу с Семёном?

— Но... — Эля сжала кулаки. — Неважно! Нельзя же это так оставить!

— А если вожатые всё узнают, ваш отряд опять на линейке завтра ругать будут... — как бы между прочим заметила Тоха.

— Но... — Эля поникла и бессильно опустилась снова на кровать. Мысль о том, что на линейке снова придётся краснеть за отряд, была для девочки невыносима. Она как-то беспомощно обвела всех взглядом. — Но что же делать? Мы же не можем так это оставить!

— Конечно, не можем! — с энтузиазмом воскликнул Митя Гроссман, присаживаясь рядом с ней.

— Никак не можем! — в тон ему повторил Дима Доброхотов, усаживаясь с другой стороны. — Поэтому мы просто найдём его сами и вернём на место ещё до утра. А Теша с Семёном нам помогут.

— Ище чё не хватало, — хмуро заявил Семён, а Теша со своего места согласно поддакнул, однако никто не обратил на них особого внимания.

— Правильно! — с энтузиазмом воскликнула Тоха. — Айда искать кла... Квасникова!

Эля подозрительно обвела всех недоверчивым взглядом, а потом обречённо вздохнула.

— Ладно. Мне надо одеться. И не вздумайте сбежать без меня!

— Ни за что! — как-то очень поспешно и хором ответили Грохотовы.

Как только дверь за Элей и Викой Незнамовой закрылась, Грохотовы разом вскочили.

— Бежим! — объявил Митя.

— Ходу, ходу! — нетерпеливо приговаривал Дима, глядя при этом на Мишу.

— Ну да, — тот недоумённо посмотрел на себя. — А я, по-вашему, в пижаме в лес пойду? Мне вообще-то тоже надо одеться!

— И мне! — заявил молчавший до сих пор Серёжа Сёмочкин и пояснил не терпящим возражений тоном: — Я тоже хочу искать кла... Квасникова!

Митя Гроссман застонал, а Дима Доброхотов сморщился.

— Давайте быстрее, что ли...

Увы, надеждам неугомонных Грохотовых не суждено было сбыться. Эля, видимо, всё же не очень-то им доверяла, потому что успела влететь в комнату, полностью одетая, когда Миша и Серёжа только-только торопливо натянули шорты и футболки. А следом за Элей в комнату ввалились все девочки шестого отряда — Вика Незнамова, близняшки Куковицкие, подружки Катя и Алёна и даже Лизанька Исакова. Последняя тёрла глаза и душераздирающе зевала.

— Это что? — опешил Митя Гроссман.

— Мы тоже будем спасать Квасникова! — с энтузиазмом объявила Катя Величко, и девочки согласно закивали. Только Лиза скорчила недовольную мину. Дима Доброхотов при этом мученически закатил глаза.

— Интересно, кто нас потом спасать будет? — проговорила Лиза как будто про себя, но, конечно, все её услышали.

— А ты-то зачем собралась? — спросил её Миша, недоумевая: Лиза вечно боялась всего на свете, почему же теперь по доброй воле собралась ночью в лес?

— А я одна в комнате спать боюсь! — капризно сообщила Лиза и снова зевнула.

— А в лес идти не боишься? — удивился Миша.

— Боюсь, — призналась Лиза. — Но идти хотя бы не одной... О! Можно же попросить Ксюшу поспать сегодня в нашей комнате! — Она довольно улыбнулась своей идее, однако её радости никто почему-то не разделил.

— Не стоит беспокоить Ксюшу по таким пустякам, — торопливо заявил Митя Гроссман. — В лесу с тобой точно ничего не случится, мы же будем там все вместе и сможем тебя защитить, если что.

Лиза недоверчиво покачала головой, но Дима уже поспешно захлопнул дверь за спиной девочки, отрезав ей тем самым путь к отступлению.

— Не к добру это всё! — Семён гневно ударил по полу рукоятью метлы и исчез.

— Ну вот, — Миша перевесился через кровать. — Теша! На тебя вся надежда!

Совместными усилиями всего отряда упирающегося и отчаянно ругающегося Тешу всё-таки вытащили из-под кровати. При этом оказалось, что в лапке он сжимал прямоугольный металлический совочек.

— Это что? — удивился Миша.

— Совок для угля, — пояснил Теша. Надо сказать, в его сундучке, который каким-то немыслимым образом помещался в Мишином чемодане, хотя и был больше него, регулярно обнаруживались самые неожиданные предметы. — Вы же сами просили помочь!

— А при чём тут совок? — всё ещё не понимал Миша.

— А чем вы собирались его выкапывать? — застенчиво спросил квартирный. Почти все девочки при этом одновременно вскрикнули, прижимая ладони к губам, и только Тоха усмехалась. Грохотовы переглянулись.

— Точно! О лопатах-то мы не подумали, — шепнул Дима.

— Угу... — буркнул задумчиво Митя, а затем махнул рукой. — А, ладно, разберёмся как-нибудь.

— Нет, не надо? Ну ладно... — Теша тут же застенчиво спрятал совок.

Крались все через лагерь, держась за руки и стараясь не шуметь. Только проскользнув сквозь забор за территорию, ребята вздохнули с облегчением и наконец расцепились. Теша, которого всё это время с двух сторон держали за лапки Грохотовы, моментально метнулся назад.

— Всё! — торжествующе объявил он. — Дальше

Миша дёрнулся было за ним, однако только хлопнул руками в воздухе, пытаясь поймать ускользающий сиреневый хвост. Хвост мгновенно втянулся в забор.

— А как же... — Эля растерянно смотрела туда, где исчез Теша. — И что же мы теперь будем делать? Просто аукать по лесу?

— Может, вернёмся, пока не поздно? Разбудим сторожа на воротах, скажем что-нибудь... — Миша вдруг снова сильно засомневался в возможности найти клад, а что до Дёмы... тот ведь вовсе никогда не был его другом. Скорее, даже наоборот.

— И бросим Дениса? — возмутилась, как ни странно, именно Эля.

— Трус! — небрежно бросила Тоха и отвернулась.

Миша открыл рот, чтобы что-то ответить, но так и закрыл его. Вряд ли его кто-то послушает. Было очень

— Как-нибудь разберёмся, — пожал плечами Дима Доброхотов. — Да идёмте же, раз уж вышли... пока весь лагерь не перебудили!

— Нам туда! — уверенно указал куда-то в заросли Митя Гроссман, пряча в карман свёрнутую карту.

— С чего ты взял? — подозрительно спросила Эля, однако её вопрос повис в воздухе: Грохотовы уже уверенно зашагали в лес, а следом за ними потянулся и весь отряд. Миша, вздохнув, пнул в досаде ближайший камешек и кинулся догонять ребят.

Теша не находил себе места. Паника, почти привычно уже охватившая его, стоило квартирному выйти за территорию лагеря, отступила, и теперь Теше было очень стыдно. Он отлично знал, что доверять лешим нельзя, ведь ему об этом столько раз говорили старые и опытные домовые! А теперь выходило, что Миша и остальные ребята отправились прямиком в лапы Лешего, и виноват в этом он, Теша Закроватный! Неизвестно, что с ними может приключиться. А он даже не пошёл вместе с ними! А ещё... если вдруг Миша не вернётся, то он, Теша, никогда не сможет вернуться домой и навеки останется в этом странном месте — детском лагере! И никогда-никогда не увидит больше Нюсю из-за Шкафа, мудрого старика Соколовского-Квартирного, сварливую кикимору Маруню и всех прочих, кого он знал... Свернувшись клубочком на привычном месте под Мишиной кроватью, Теша даже всхлипнул — так ему было себя жалко. И почти сразу ему снова стало очень-очень стыдно. Конечно, Миша

должен вернуться! И вовсе не потому, что Теша хочет домой, а потому что Мишу ждут дома мама и папа... как и всех остальных ребят. Что же делать-то?! Теша ещё плотнее обернулся хвостом и принялся грызть ногти.

* * *

Дёма Квасников открыл глаза и на какую-то секунду ему показалось, что он ослеп, — такая темнота царила кругом. Однако вскоре, немного привыкнув и подняв голову, он выдохнул с облегчением: высоко в небе висела крупная, почти полная, луна и ярко светили звёзды. Правда, просвет, сквозь который виднелся кусочек неба, был не так уж велик: над головой

мальчика почти смыкались густые ветви деревьев. Дёма тут же с недоумением потряс головой: он совершенно не помнил, как мог очутиться в лесу, да ещё в пижаме и тапочках. «Может, я ещё сплю?» — подумал он, однако ночная прохлада и промокшие по росе тапочки заставили в этом засомневаться. Мальчик поёжился и попытался, прищурившись, осмотреться кругом. Хм... странно. Кажется, только что деревья были чуть дальше. Земля под ним зашевелилась, и из-под неё показалась... змея?! Дёма в ужасе попятился, однако тут же споткнулся обо что-то и с размаху сел на землю. Впрочем, приземление оказалось довольно мягким благодаря высокой траве. Зато прямо перед глазами оказалось теперь то, что он в темноте принял за змею. Теперь он отчётливо видел, что это толстый древесный корень — и он казался живым. А рядом — ещё один, и ещё! Дёма в ужасе поднял глаза. Огромный древний дуб прямо перед ним извлёк из земли свои корни и сделал на них широкий шаг к мальчику. Денис боялся даже пошевелиться. А дерево подошло к нему и наклонилось — так что теперь Дёме отчётливо было видно, что на коре вырезано его, Дениса Квасникова, имя. А ещё у дуба были... глаза. Очень-очень древние и очень мудрые глаза.

Всхлипнув, мальчик оглянулся. Деревья обступили его ещё теснее. И все они... смотрели на него и, кажется, даже о чём-то шептались, осуждающе качая кронами.

Дуб выпрямился, не спуская с Дёмы глаз, и проскрипел:

— Ну, здравствуй... Денис Квасников.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВСЕМ ИСКАТЬ «ИСКАТЕЛЕЙ»!

— По-моему, мы уже давно должны были выйти на тропинку, — прошептал Арам Мише, стараясь не привлекать ничьего внимания.

— Откуда ты знаешь? — так же шёпотом спросил Миша. — Карта же у Мити.

— Я её и так прекрасно помню, — Арам пожал плечами. — У меня же фотографическая память.

— Может, надо всем сказать?

— Зачем? Панику только разводить...

Впрочем, остальные ребята тоже, похоже, начали о чём-то догадываться. Дима и Митя, возглавлявшие поход, уже давно что-то шёпотом обсуждали, а Эля Мухтиярова подозрительно на них поглядывала. Лиза Исакова привычно всхлипывала.

— Вот этой поляны точно на карте не было, — шепнул Арам, которого на беду услышала Алёна Гасанова.

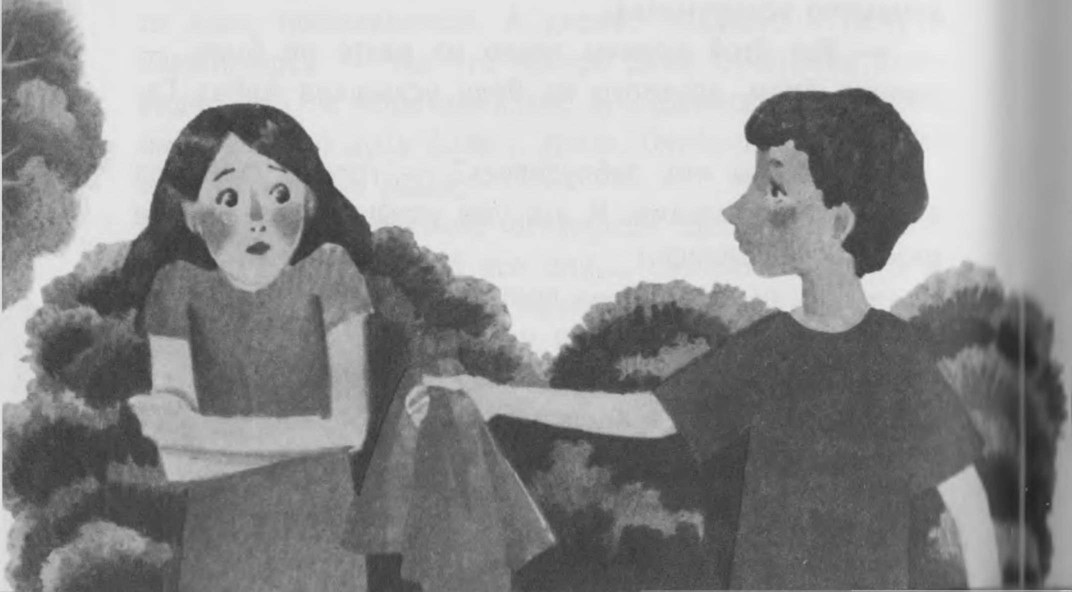
— Так мы что, заблудились? — громко спросила она, хлопнув глазами. И это уже услышали все. И все разом остановились.

— Да ну, ерунда, — попытался спасти положение Митя Гроссман. — Я точно знаю, что...

— Ты уже знал точно! — прошипела Эля. — Пять минут назад, когда в прошлый раз поворачивали. Я всё слышала!

— А я замёрзла, — пожаловалась Лиза Исакова, хотя она одна из немногих догадалась накинуть на себя тонкую кофточку. Кроме неё, хоть какое-то подобие тёплой одежды было только у Грохотовых, которые собирались в поход основательно, да ещё у Тохи и Арама. Ночами духота в лесу сменялась зябкой влажной прохладой, так что угадать заранее, как следовало одеваться, было не так-то просто.

Алёна Гасанова тоже поёжилась в своём лёгком сарафане. Митя Гроссман, коротко взглянув на неё, молча стянул с себя олимпийку и протянул девочке. Катя завистливо глянула на подругу, и в итоге обе они, прижавшись друг к другу, завернулись в одну олимпийку. Арам, в свою очередь, стащил через голову толстовку и отдал Эле. Та попыталась отказаться, но в результате всё-таки натянула её на себя. Оказалось, правда, что рукава арамовой толстовки ей изрядно коротки. В конце концов и Дима Доброхотов, тяжко вздохнув, тоже снял кофту и отдал её

близняшкам Маше и Даше. У Миши никакой кофты не было, так что и поделиться с девчонками ему оказалось нечем.

И в этот момент земля дрогнула.

— Это что, землетрясение? — с ужасом спросила Эля.

Земля дрогнула снова. И ещё раз.

— Нет, — каким-то севшим голосом сообщил Дима Доброхотов, — не землетрясение... Это что-то очень большое...

Он указал рукой куда-то на верхушки деревьев. И тогда все увидели, как при очередном толчке дрогнула и начала заваливаться вдалеке верхушка высоченной сосны. А затем ещё одна, уже ближе к ним. И третья — ещё ближе!

— Рассуждая логически, — светским тоном заявил Арам, — можно предположить, что мы сейчас познакомимся с обладателем загадочных то ли жёлтых, то ли красных глаз.

— Б-б-бежим? — неуверенно, дрожащими губами пролепетала Лиза Исакова.

— Стоять! — негромко, но властно распорядилась Эля, и Лиза, уже занёсшая ногу, замерла. — Если мы всем табуном сейчас побежим, оно нас точно заметит, — тихонько пояснила Эля.

— Да, — кивнул Арам, — лучше затаиться. Это что-то большое... и, похоже, оно не очень хорошо видит: вон ту осинку могло бы и обойти, там прогалина.

— А если оно на нас наступит? — замирая, прошептала Алёна. — Сослепу.

— Иииииииииииии! — тоненько, на одной ноте затянула Лиза.

— Тихо ты! — шикнули на неё сразу несколько голосов.

Впрочем, неведомое нечто и без того приближалось к поляне, где остановились «Искатели». Ребята замерли, боясь пошевелиться. И только Тоха принялась озираться, а затем решительно подошла к одному из деревьев и с усилием отломила от него толстую ветку.

— Ты чего? — шёпотом спросила её Даша Куковицкая.

— Если оно идёт к нам, я собираюсь защищаться! — Тоха вздёрнула голову.

И как раз тогда пара ближайших к поляне деревьев раздвинулась и затрещала. А из-за деревьев показалось... Миша как-то отстранённо подумал, что, если бы его спросили, что именно показалось из-за деревьев, он бы не смог внятно это объяснить и только беспомощно разводил бы руками, силясь показать что-то очень-очень большое.

Существо и впрямь было очень-очень большим и ещё очень косматым. Его макушка была едва ли не вровень с верхушками некоторых деревьев, а в плечах оно был так широко, что казалось почти квадратным. Передвигалось оно на двух огромных лапищах. Меньше всего это создание походило на какое бы то ни было животное. Единственное, что можно было разглядеть на его то ли лице, то ли морде, — это глаза. Крохотные, близко посаженные жёлтые глазки, которые посверкивали неподдельным любопытством и возмущением.

Будто в замедленной съёмке Миша увидел, как на середину поляны выскочила бесстрашная Тоха, размахивая своим прутиком.

— А ну... пошло вон! — завопила она.

Существо остановилось на противоположном от ребят краю поляны, а потом раскрыло рот — косматая голова при этом как будто раскололась пополам поперёк — и заревело. Этот рык-рёв напоминал одновременно раскат грома и скрип старого дерева.

Лиза Исакова без единого звука осела на землю, как куль картошки.

Чудовище подняло переднюю лапищу и потянулось к Тохе, размахивающей своим прутиком.

В один миг Миша, подобравшись, прыгнул на Тоху сзади и сшиб её с ног. Лапища пронеслась над головами обоих ребят.

— А ну цыц!

Кто издал этот скрипучий вопль-приказ, Миша так и не понял. Он откатился от Тохи и приподнялся на четвереньках.

— Что-то спать хочется... — неожиданно заявила Эля и прислонилась к ближайшему дереву.

Миша с изумлением обернулся.

— Действительно... я бы вздремнул, — Арам, оглянувшись вокруг, выбрал себе удобное местечко рядом и опустился в траву.

Тоха, только начавшая подниматься, вдруг выпустила свой прутик и широко зевнула.

«С ума они все сошли, что ли? Нас же сейчас есть будут! — в ужасе подумал Миша, обнаружив, что ребята один за другим оседают на землю. И тут же подумал: — Ой, а спать-то как хочется!»

— Сказано — цыц! — сурово проговорил старый Леший, наконец появляясь на поляне, где уже уснули «Искатели». Обращался он к чудищу, с виноватым видом замершему на месте.

Миша отчаянно старался не дать сознанию уплыть окончательно и с этой целью тайком щипал себя за руку. Впрочем, происходящее вокруг всё равно больше всего напоминало невероятный сон.

— Тебе кто разрешил ночью по лесу шататься? Тебе спать было велено!

— Уууууыыыы! — провыло чудище, стеснительно ковыряя лапищей землю.

— Кого ты защищал? Лес ты защищал? Да от тебя самого лес надо защищать! Ребятишки за сто лет бы столько бед не натворили! Ууууу, лихо проклятущее!

— Ыыыыуууу, — покаянно прогудело чудище, совсем уже сгорбившись и даже, кажется, уменьшившись в размерах.

— Ладно, ладно, — смягчился Леший и тут же грозно завопил: — Листина!

— Звал, Хозяин? — перед Лешим мгновенно возникла крохотная — с две ладошки — старушка в косынке и передничке-листике.

— А как же! — зловеще проскрежетал Леший. — Кто за малым следить должен был?!

Старушка проследила за взглядом Лешего и ахнула.

— Лишенько! Да как же ты так... Так ведь... сам же ты, Хозяин, велел за мальчонкой-то пришлым присматривать... Мальчонка — там, а дитятко наше — тут... как же я...

Леший вздохнул.

— Ладно. Забирай дитятю...

— Погоди-ка, хозяин! — Листина жалостливо смотрела на ребят, которые заснули как попало: кто сидя, кто свернувшись клубочком, а кто и вовсе почти стоя, прислонившись к дереву. — А эти-то ребятишки как же?

— А что — эти? — удивился Леший. — Поспят пусть, а утром выведем... как гроза уйдёт.

— Так ведь зазябнут! Простынут!

— Да? Хм... — Леший опустил голову, пожевал в задумчивости безгубым ртом, огладил мшистую бороду, а затем пробормотал как бы про себя: — Эдак Семён с меня, пожалуй, три шкуры спустит потом... Ну, так ты и займись!

— А Лишенько?! А мальчонка?!

— Лесавок вон кликни. Некогда мне тут с тобой, вот!

Переложив таким образом проблему на плечи крохотной старушки, Леший величественно направился куда-то прочь.

— Постой, Хозяин! — в последнюю секунду окликнула его Листина. — Не чуешь разве? У красавицы-то — дар немалый. Заманить бы надобно.

— Заманить? — Леший задумчиво пожевал губами.

— Давно тебе ученика пора брать! — заявила Листина.

— Надо будет — сама придёт, — буркнул он и продолжил путь. Впрочем, подумав, он обогнул вокруг «дитятка-Лишенька» и поманил его за собой — по уже проложенной между деревьями просеке.

А старушка, оставшись одна, подняла вверх свои крошечные ручки — и тут же взвихрилась вокруг неё красно-жёлтая вьюга. Лето было в самом начале, и откуда было взяться стольким палым листьям на поляне — ведомо одной Листине. Однако листья, покружив, осели, окутав каждого из ребят толстым тёплым коконом.

— Вот так-то получше будет! — Старушка довольно кивнула самой себе, потёрла ручки и исчезла.

Миша пробормотал что-то во сне и перевернулся на другой бок. Ему давно не спалось так сладко.

* * *

Ранним утром в лагере «Солнышко» было неспокойно. Прежде всего из корпуса шестого отряда с совершенно безумным видом вывалился вожатый этого самого отряда Константин Алексеевич. Он принялся перебегать от корпуса к корпусу, заглядывая в окна.

А ещё почему-то совал нос во все кусты, попадавшиеся на пути, и под все лавочки.

Следом из того же корпуса выскочила и пронеслась на спринтерской скорости в главное здание вожатая шестого отряда Ксюша, едва не сметя на своём пути техничку Ирину Львовну.

— Извините! — на бегу крикнула Ксюша. Её сандалии гулко прошлепали по пустому коридору, и девушка без стука ворвалась в директорский кабинет.

Несмотря на ранний час, директриса Зоя Валерьевна Ногаева оказалась на своём рабочем месте. Правда, сейчас она не сидела за столом, а стояла у окна, с интересом наблюдая за перемещениями Константина Алексеевича. Оглянувшись на Ксюшу, она невесело усмехнулась.

— Судя по всему, кто-то из ваших подопечных снова пропал, — утвердительно сказала она.

— Всё! Все пропали... — не спросив разрешения, Ксюша плюхнулась на ближайший стул и вдруг расплакалась. — Совсеееем все!

Глаза Нагайны расширились, между бровями залегла складка.

— Теперь у нас целыми отрядами пропадать стали... — Она всплеснула руками, тяжело опустилась на собственный стул, несколько секунд просидела, ссутулившись, а затем разом выпрямилась и посмотрела прямо на всхлипывающую Ксюшу.

— Не время раскисать! — резко заявила она. — Всем искать «Искателей»!

Над лагерем «Солнышко» и Велиной чащей между тем прокатились первые, ещё далёкие раскаты грома.

* * *

Спустя полчаса в кабинете Нагайны проходило оперативное совещание. На него собрался почти весь персонал лагеря, включая толстяка-охранника, завхоза Михалыча, непрерывно охающую Клавдию Аркадьевну и большинство вожатых — за исключением тех, кто остался с воспитанниками. Все тревожно поглядывали в окно, за которым всё сгущались тучи и уже срывались первые крупные капли дождя.

— Новости неутешительные, — чётко и безэмоционально рапортовала Нагайна. — По прогнозу, приближается гроза, над морем возможны смерчевые явления. И... связь уже не работает. Ни Интернет, ни стационарный телефон... — Она махнула рукой. Сотовые телефоны не ловили здесь никогда. — Я отправила сообщение для МЧС, но дойдёт ли оно... в общем, придётся пока своими силами. Счёт, возможно, идёт на минуты. Территория лагеря проверена полностью, включая пляж. Никаких следов. Значит, остаётся лес.

— Зоя Валерьевна, — жалобно протянул охранник, — да я же за всю ночь глаз не смыкал! Мышка бы через ворота не проскочила!

— Значит, надо проверять забор по всему периметру, — вздохнула директриса. — Не в воздухе же они растворились! Разрешаю подключить добровольцев из числа старших детей. За территорию лагеря их не выпускать! Всем выдать дождевики и галоши. Для прочёсывания леса разбиваемся на отряды...

* * *

Дождь лупил уже вовсю, и время от времени где-то совсем близко сверкали молнии. Из-за низко нависших туч казалось, будто теперь поздний вечер, хотя утро только-только вступило в свои права. Лесные тропинки развезло, и под подошвами резиновых сапог чавкало и хлюпало, а позади идущих оставались лужицы в форме следов.

Ксюша и Константин, одетые в просторные зелёные дождевики поверх джинсов и джемперов, брели, увязая в грязи, по обычному экскурсионному маршруту: вожатой пришло в голову, что ребята могли пойти знакомой тропой. Она отчаянно озиралась, надеясь увидеть хоть какие-то следы пребывания своих подопечных, но, увы, если где-то такие следы и были, их безнадёжно смыло дождём. Вожатые упрямо шли вперёд, почти не разговаривая между собой. Каждому было о чём подумать, и каждый винил сейчас себя. Впереди уже в нескольких шагах было не видно ни зги.

Наверное, даже если бы кто-то из них оглянулся сейчас назад, из-за тугих струй льющейся с неба воды они не различили бы неотступно следующую за ними светло-сиреневую тень. А если бы и разглядели — не поверили бы своим глазам.

Откровенно говоря, Теша Закроватный и сам не до конца верил, что решился на это. Прямо сейчас он совершал самый отважный поступок в своей жизни. Он не просто вышел из дома, из корпуса, даже из лагеря — он отправился в лес, совершенно один... ну, почти один. Ему было отчаянно страшно и неуютно.

Вдобавок ко всему теплолюбивый квартирный впервые в своей жизни по-настоящему мёрз. Мокрая длинная шёрстка облепила тельце и свалялась, вдобавок Теша был уже покрыт грязью едва ли не по уши, а ещё стучал зубами и никак не мог остановиться — то ли от страха, то ли от холода, он и сам не смог бы сказать этого определённо. Можно было бы утешиться тем, что хотя бы простуда ему не грозит: квартирные и домовые заболевают только тогда, когда в их доме неладно. Но сейчас Теше было не до размышлений о болезнях. Он твёрдо знал, что Миша и другие ребята оказались в большой беде по его, Тешиной, вине. Он даже не пошёл с ними! Струсил! И, значит, теперь именно он должен был всех спасти. Увы, как это сделать, он пока не знал и просто крался следом за вожатыми.

* * *

Над всей Велиной чащей сверкало, грохотало и громыхало, дождь стоял уже сплошной стеной... повсюду, кроме одной-единственной небольшой полянки в самом сердце леса. Пожалуй, если бы эту полянку увидели Ксюша и Константин, они бы сильно удивились, хотя и вздохнули бы с облегчением.

На мягких ложах из палой листвы, тепло укрытые лиственными же одеялами, посреди полянки мирно спали в рядок все пропавшие — включая не только «спасательный отряд», но и, как ни странно, Дёму Квасникова. На лицах у всех них было такое умиротворённое выражение, как будто им снились совершенно замечательные сны. Деревья вокруг обступили ребят

ещё теснее, чем раньше, и так плотно сомкнули ветви и листья над их головами, что до спящих не долетало ни единой капли дождя.

А вокруг полянки, у самых стволов деревьев, кружком сидели несколько девушек-красавиц с длинными тёмными волосами. Одеты девушки были странно, необычно: в светлые платья, похожие на рубахи, с вышитым воротом, а ноги их и вовсе оставались босыми. И все они тихонечко напевали колыбельную.

Дирижировала хором крошечная старушка в переднике-листике.

Когда в песне возникла пауза, одна из девушек повернулась к ней.

— Баба Листина, — шёпотом спросила она, — а ну как проснутся? Рассвело давно...

— Рано ещё, — проворчала та, — ить всю ночь шатались, неугомонные! Тьфу! А вы не отвлекайтесь. Пойте давайте!

И девушки послушно затянули новую колыбельную.

Гроза закончилась так же неожиданно, как началась. Просто вдруг разбежались в разные стороны тучи, и тут же выкатилось на прояснившееся небо солнце, раззолотив мокрую траву и украсив каждую капельку на листьях сверкающим бликом.

Ксюша, отбросив капюшон дождевика, с недоумением озиралась.

— Мы... мы, похоже, сбились с пути!

А совсем недалеко от неё, в тени деревьев, происходила знаменательная встреча. Всё ещё дрожащий

Теша сам-то помнил, что мех у него светло-сиреневый. Но выглядел он сейчас как непонятная и очень грязная зверушка с длинными ушами и хвостом. Наверное, поэтому Леший, заметив его, не сразу признал однажды виденного квартирного. А признав, гулко расхохотался.

Вожатые неподалёку вздрогнули, приняв этот звук за запоздалый раскат грома.

А Леший, отсмеявшись, хлопнул Тешу по плечу.

— Знаю-знаю, — проскрежетал он. — Своих ищешь... да не боись, не тронул я их. Сейчас всех выведем!

* * *

Никто из «Искателей» не мог потом точно сказать, что именно произошло ночью. Все помнили, как брели по лесу, как встретили неведомое чудовище, а потом вдруг... проснулись. И знали только, что сны им снились исключительно хорошие и разноцветные. Да ещё вспоминалась какая-то удивительной красоты песня.

А как только ребята проснулись, так тотчас услышали неподалёку «Ау!» Ксюшиным голосом, на который радостно и кинулись. И в этот раз даже вечно сердитый Константин Алексеевич сгрёб в объятия первых, кто попался под руку, — к слову, это оказались Дёма и Арам. Правда, он тут же устыдился своего порыва и принялся демонстративно пересчитывать ребят вслух. Что до Ксюши, та, совершенно не стесняясь, плакала от счастья.

Ещё одна порция слёз и объятий «Искателей» ожидала в лагере — сначала от несгибаемой Нагайны, а затем — от Тромбона. Последняя едва не переломала кости Тохе и Араму, стискивая их своими ручищами (по крайней мере так утверждала Тоха. Арам терпел всё это, мужественно стиснув зубы). Нагайна, кстати, первой догадалась изумиться, отчего это ребята вернулись из леса не только совершенно сухими, но даже почти не испачкавшись. Увы, объяснить этого не могли и сами «Искатели», которых теперь в столовой отпаивали горячим чаем с булочками.

Тешу встречал в лагере один только Семён, но встречал как героя. Старик не находил себе места от беспокойства, и в итоге вышел за ворота лагеря, готовый

и сам отправиться на поиски, теперь уже не только ребят, но ещё вожатых и Теши.

Когда из леса гурьбой показались возглавляемые вожатыми ребята — кто-то из них даже помахал лагерному, — Семён вздохнул было с облегчением. Однако кое-кого не хватало, и старик снова забеспокоился. И только спустя несколько долгих-предолгих минут из леса показались ещё две фигуры, невидимые, как и сам Семён, для стоящего у ворот толстяка-охранника, с облегчением вытиравшего сейчас пот со лба.

Теша и Леший шли рядом и вели неторопливую дружескую беседу. Остановившись у крайних деревьев, лешак оглянулся, кивнул Семёну, пожал лапку Теше и исчез. Семён не спеша, степенно, подошёл к Теше и тоже пожал ему перепачканную лапку.

— Ну... ну, гастролёр! Уважаю!

Теша, похожий сейчас на хвостатый и ушастый комок грязи, немедленно застеснялся, а Семён тут же отвесил ему подзатыльник.

— За что? — пискнул Теша, но его уже подхватили на руки и потащили сквозь забор в лагерь. — Я и сам могу! — попытался было отбиться квартирный.

— С такими лапами?! — возмущённо фыркнул Семён. — У меня, между прочим, полы чистые, не будь я банник! Уж тебе-то, милок, точно хорошая баня не помешает...

* * *

— Надо бы для Теши прихватить, — с набитым ртом проговорила Тоха и тут же, взяв с блюда очередную булочку, сунула в карман. Лицо её при этом почти сразу приняло задумчивое выражение. Тоха принялась лихорадочно ощупывать все свои карманы, а затем замерла, глядя прямо перед собой.

— Ты чего? — Миша, сидевший рядом с ней, подумал, что Тоха, может быть, подавилась.

— Мне надо вернуться в лес, — шёпотом сообщила девочка. В глазах её уже стояли слёзы, и Миша не на шутку испугался. Бесстрашная Тоха не плакала никогда.

— С ума сошла? — так же шёпотом спросил он, оглянувшись на взрослых. В столовой вокруг беглецов сейчас собрался, похоже, чуть ли не весь персонал лагеря. Тоха отчаянно замотала головой.

— Я потеряла мамину медаль!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Со всего шестого отряда «Искателей» и отдельно — с Антонины Гавриной из седьмого отряда «Бобрят» отныне не спускали глаз все вожатые поголовно, а так же охранник, завхоз, музыкальный руководитель и прочие сотрудники лагеря «Солнышко», от технички до директрисы включительно. Стоило только кому-нибудь из ребят сделать пару шагов в сторону, как откуда-то тут же возникало двое-трое взрослых, ненавязчиво любопытствующих: а куда это ты, дорогой, собрался?

Лиза Исакова наконец ощущала себя вполне счастливой: ей доставалось столько внимания, сколько она заслуживала.

Дима Доброхотов и Митя Гроссман страдали. В таких условиях любые подвиги и авантюры стали просто невыполнимы. Что уж тут говорить о поисках клада!

Тоха Гаврина ходила мрачная и угрюмая. Глаза у неё были вечно красные и опухшие, как будто по ночам она украдкой плакала в подушку, но застать её за этим занятием уж точно никому бы не удалось. Она только вела себя ещё задиристее, чем обычно, высмеивала всех окружающих и будто всё время вызывала кого-то на бой. Четырежды её ловили при попытке сбежать: один раз у ворот лагеря и один — почти наверху

забора. Ещё дважды она пыталась удрать вплавь с лагерного пляжа.

...Идея принадлежала Мише. Теша рассказывал ему про события той знаменательной ночи и уверял, что с Лешим вполне можно договориться, «если с ним по-хорошему». Однако все эти заверения лишь укрепили Мишу в мысли, что Лешего прежде всего необходимо задобрить. Поэтому он долго и вдохновенно рассказывал Ксюше, как здорово будет начать новую традицию лагеря, и как запомнят это все ребята в лагере и их родители. А после уже Ксюша с горящими глазами убеждала в том же самом директрису Зою Валерьевну. А ещё позже сама Нагайна подсчитывала какие-то расходы, что-то вычёркивала и звонила куда-то, чтобы договориться о льготных поставках саженцев. В конце концов Ксюша радостно сообщила Мише, что всё должно получиться. Оставалось только ждать родительского дня. И он, конечно, наступил.

С самого утра во всём лагере царило весёлое оживлёние. Даже те ребята, чьи родители по каким-то причинам не могли приехать — таких было больше всего в старших отрядах, — радовались предстоящему празднику.

Старенький «Икарус» только-только двумя «партиями» привёз родителей в лагерь, и теперь на всех лавочках кто-то сидел, кто-то обнимался, кто-то что-то рассказывал. Некоторые ребята водили мам и пап (а кое-кто — заодно младших сестёр и братьев) по территории и показывали свои комнаты.

К Мише приехала только мама: папа так и не смог отпроситься с работы. Зато мама радовалась сыну так, будто не видела его по меньшей мере несколько лет. Она с воплем с разбегу заключила его в объятия, долго рассматривала, не выпуская из рук и наконец объявила, что он, несомненно, вырос, возмужал и загорел.

Где-то рядом изумлённо возмущалась мама Тохи Гавриной, буквально остолбеневшая при виде её стрижки. Неудивительно, учитывая, что Тоха в первый же день в лагере самостоятельно отрезала себе косы, а потом Ксюша попыталась, как могла, привести в порядок остатки её волос. К слову, сейчас они уже немного отросли, но по-прежнему торчали во все стороны. Пройдёт ещё немало времени, прежде чем их удастся заплести в косы.

Что до самой Тохи, то она упорно прятала глаза и на все вопросы мамы отвечала до крайности рассеянно.

В шестом отряде никто не приехал только к Мите Гроссману, который жил слишком далеко, да ещё к Эле Мухтияровой. Её мама, по обыкновению, была в командировке, а папа — местный участковый — и без того частенько навещал лагерь (и чаще всего по милости «Искателей»). Зато к Диме Доброхотову родители приехали вместе. К слову, в первую секунду они приняли за своего сына Митю Гроссмана. И в самом деле, за прошедшее время мальчишки, которые и прежде чем-то неуловимо смахивали друг на друга, стали очень похоже разговаривать и жестикулировать. Вдобавок более низкорослый Митя вытянулся, а у темноволосого Димы выгорели на солнце

волосы. Оба они изрядно загорели, и у обоих совершенно одинаково облупились носы.

В итоге как-то так получилось, что вместе с Димой Доброхотовым и его родителями по лагерю бродили, наперебой что-то рассказывая, не только Митя Гроссман, но и Эля Мухтиярова.

Алёна Гасанова с утра была мрачнее тучи. Она давно рассказала ребятам, что у неё не мама, а мачеха, и все, конечно, с ужасом представляли себе жуткую тётку из сказок про Золушку или Белоснежку.

— Вот моя мама была красивая, — рассказывала Алёна. — Вот как Катя! Я, правда, почти не помню её... Но у неё были светлые волосы и голубые глаза. А я в папу пошла, — здесь она обыкновенно тяжко вздыхала. — С этими жуткими чёрными волосами, как у вороны, и огромным носом!

Нос у Алёны, по мнению Миши, был самым обыкновенным. И ещё ему было не так-то просто представить себе ворону с волосами — хоть тёмными, хоть светлыми. Но не спорить же с девчонками по таким пустякам! Наверное, ей самой лучше знать.

На поверку Алёнина мачеха оказалась очень даже симпатичной молодой женщиной, которая искренне обрадовалась девочке, радостно расцеловала её и принялась расспрашивать о жизни в лагере. Папа Алёны больше помалкивал и всё время не спускал с рук совсем маленького мальчика — её младшего братишку.

Вика Незнамова водила своего папу по лагерю и, бурно жестикулируя, кажется, рассказывала какие-то леденящие кровь истории. Возможно, на этот раз даже

правдивые. Однако папа слушал её привычно-рассеянно и только время от времени вставлял уместное: «Да что ты говоришь!»

Где-то рядом шумно возмущалась мама Лизы Исаковой, которой та, драматически подвывая и всхлипывая в нужных местах, тоже что-то рассказывала.

К Дёме Квасникову приехал отец вместе с одним из Дёминых старших братьев. Старший брат вместо приветствия первым делом отвесил младшему увесистый подзатыльник. Отец при этом только одобрительно ухмыльнулся, и Мише впервые стало жалко Дёму. Он подумал, что, наверное, непросто жить с такими братьями. А Дёме, похоже, приходится всё время доказывать своему папе и себе самому, что он тоже мужчина, взрослый и сильный... и некому объяснить ему, что для этого вовсе нет смысла задирать тех, кто слабее. К слову, заметив эту сценку, к семейству быстро подошла Ксюша и долго что-то убеждённо втолковывала Дёминому папе. Тот только сердито хмурился и пренебрежительно отмахивался.

Наконец все собрались в актовом зале на концерт. Тромбон как ответственная за мероприятие носилась туда-сюда со вздыбленными волосами. По случаю праздника она была одета в особенно пёстрое платье и гремела бессчётными разноцветными бусами. «Цыпляточками» и «котяточками» она, кстати, величала и приехавших к ребятам родителей.

«Искатели», исполнившие свой зажигательный «ричрач» в самом начале концерта, сразу после басни «Свинья и дуб» в исполнении Коли Мирошина из четвёртого отряда, расселись в зрительном зале рядом со своими

мамами и папами. А на сцене уже разворачивалось действие спектакля «Красная Шапочка». Никто из шестого отряда, кроме участвовавшей в представлении Маши Куковицкой, этого спектакля ещё не видел.

Как оказалось, известная сказка в обработке Тромбона претерпела немалые изменения. По спектаклю выходило, что Красная Шапочка — вовсе не такая уж доверчивая дурочка, как изображали её братья Гримм. Девочка, встретив Серого Волка, принялась убеждать его в преимуществах добрососедских отношений, а также вегетарианского образа жизни, и так расписывала восхитительные, ароматные и ещё тёпленькие пирожки с капустой, что Миша, который с утра отлично позавтракал, почувствовал, как рот наполняется слюной, а в животе начинает урчать.

— Сегодня маме пирожки особенно удались: нежнейшие, вкуснейшие, так и тают во рту! Вот, попробуй.

В доказательство своих слов Красная Шапочка извлекла из корзинки пирожок и протянула его Волку. Тот, облизнувшись, схватил пирожок и с аппетитом вонзил в него зубы. То есть попытался вонзить. На лице Волка появилось страдальческое выражение, и он, сделав вид, что откусывает и жуёт, торопливо сунул пирожок обратно в Шапочкину корзинку.

— Мммм! — простонал он. — Никогда не ел ничего подобного!

По лицу Волка было заметно, что говорит он чистую правду.

— Реквизит! — шёпотом ахнула рядом с Мишей Даша Куковицкая. — Реквизит забыли поменять!

Миша покосился на неё, и Даша так же шёпотом пояснила:

— У Тромбона же плитку отобрали, на которой она реквизит жарила. Нагайна сказала в столовой булочек взять или там ватрушек. А Тромбон ещё возмущалась, что по сценарию нужны пирожки. И репетировали без реквизита. В общем, это, похоже, те ещё пирожки... с первой репетиции.

За её спиной разом захихикали сидевшие во втором ряду Арам и Тоха Гаврина.

Между тем действие спектакля продолжалось. Красная Шапочка пригласила Волка в гости к своей бабушке («Вот бабушка, наверное, обрадуется», — подумал при этом Миша).

Роль бабушки исполняла Маша Куковицкая, и при её появлении на сцене «Искатели» разразились аплодисментами. Громче всех хлопали родители близняшек Маши и Даши. Даша сидела насупившись. Маша царственно кивнула своим со сцены.

— Здравствуй-здравствуй, внученька! — каким-то неприятным голосом воскликнула она, поправляя на голове «бабушкин» платочек, норовивший съехать на глаза. — Вижу, друга в гости ко мне привела да угощение принесла. Знаю-знаю, матушка твоя на пироги большая мастерица!

Пожалуй, у спектакля «Красная Шапочка» могли бы быть все шансы пройти так, как было задумано, если бы не шестой отряд «Искателей». Дело в том, что как раз перед их исчезновением Тромбон сообщила завхозу Михалычу о том, что одна из досок на сцене рассохлась. И хозяйственный Михалыч, несомненно, починил бы её... но в последние дни ему оказалось совершенно не до этого. Потому что он вместе с толстым охранником обходил забор вокруг лагеря и целыми днями что-то там чинил и укреплял. Теперь, по заверениям обоих, там не то что мышь, и блоха бы не проскочила, не говоря уже о целом отряде.

За время репетиций все уже привыкли обходить стороной злополучную доску. Разве что кто-то из младшего, Тохиного, отряда разок споткнулся во время танца «цыплят», но этого почти никто не заметил.

— Попробуй, бабушка, пирожков с капустой, с пылу с жару, нежнейших, вкуснейших! — звонко воскликнула Красная Шапочка, протягивая корзинку. «Бабушка» Маша протянула руку и взяла пирожок из корзинки. Однако что-то в этом пирожке показалось ей настолько странным, что она, едва поднеся его ко рту, скривилась и даже слегка отступила... и тут же споткнулась о рассохшуюся половицу и полетела бы на пол, если бы

её не успел галантно подхватить Серый Волк. Правда, метнувшись к «бабушке», Волк нечаянно толкнул Красную Шапочку, и та выпустила из рук корзинку, содержимое которой красивым фейерверком полетело прямо в зрительный зал.

— Ложииииись! — сдавленно завопила Тоха, быстро пригибаясь. Арам стремительно полез под сиденье.

В полной тишине на первые ряды обрушился град нежнейших и вкуснейших пирожков с капустой. Кто-то застонал — кажется, «свежайший» снаряд попал прямо в глаз одному из изумлённых пап, который, на свою беду, не послушал совершенно здравой Тохиной команды. Мишу, успевшего закрыть голову руками, пирожок «с пылу с жару» ощутимо тюкнул по затылку. Ещё один с деревянным стуком упал на пол между рядов, подскочил снова и покатился, грохоча, как хороший булыжник.

* * *

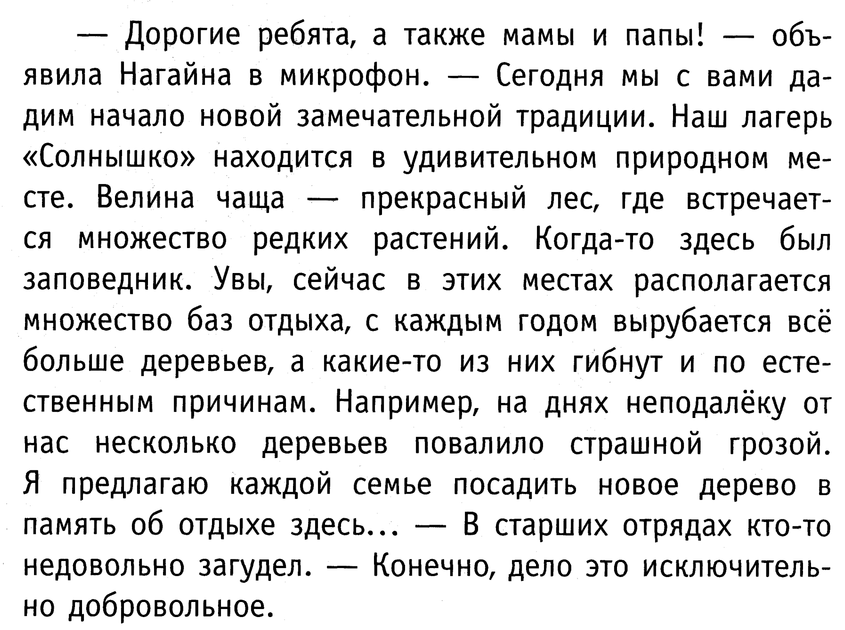
Спектакль «Красная Шапочка» имел несомненный успех. Его неожиданный финал оживлённо обсуждали и за обедом, и после него.

После обеда Нагайна попросила всех собраться у ворот лагеря. Вскоре они снова распахнулись, и в лагерь въехал грузовичок с открытым кузовом. А из кузова во все стороны топорщились какие-то палки, а также ветки, листья и даже еловые лапы.

— Привёз! — радостно провозгласил, выскакивая из кабины, водитель, в котором ребята с изумлением узнали местного участкового Алмаза Ибрагимовича. Эля с радостным визгом кинулась отцу на шею.

— Дорогие ребята, а также мамы и папы! — объявила Нагайна в микрофон. — Сегодня мы с вами дадим начало новой замечательной традиции. Наш лагерь «Солнышко» находится в удивительном природном месте. Велина чаща — прекрасный лес, где встречается множество редких растений. Когда-то здесь был заповедник. Увы, сейчас в этих местах располагается множество баз отдыха, с каждым годом вырубается всё больше деревьев, а какие-то из них гибнут и по естественным причинам. Например, на днях неподалёку от нас несколько деревьев повалило страшной грозой. Я предлагаю каждой семье посадить новое дерево в память об отдыхе здесь... — В старших отрядах кто-то недовольно загудел. — Конечно, дело это исключительно добровольное.

Стоило Нагайне отойти от микрофона, как на неё буквально налетела мама Лизы Исаковой.

— Я немедленно забираю своего ребёнка! — провозгласила она. — Чёрт знает что творится в этом лагере! Имейте в виду, Лизанька мне всё рассказала!

— Погодите, — спокойно прервала её Зоя Валерьевна. — Давайте попытаемся обсудить ваши претензии.

— Мы тоже забираем ребёнка! — тихо, но отчётливо произнесла — Миша даже не сразу поверил своим глазам — мачеха Алёны Гасановой. На её лице было написано самое решительное выражение. — Мне тоже кажется, что здесь происходит что-то странное.

Алёна сжала кулаки.

— Я никуда не поеду! — твёрдо объявила она. — Мне здесь нравится! И вообще — прекрати мною распоряжаться!

Плечи Алёниной мамы-мачехи поникли.

— Мы... я просто переживаю за тебя. Очень.

— Правда? — тихо переспросила Алёна.

— Правда, — ответила та и привлекла Алёну к себе. А та неожиданно не стала сопротивляться.

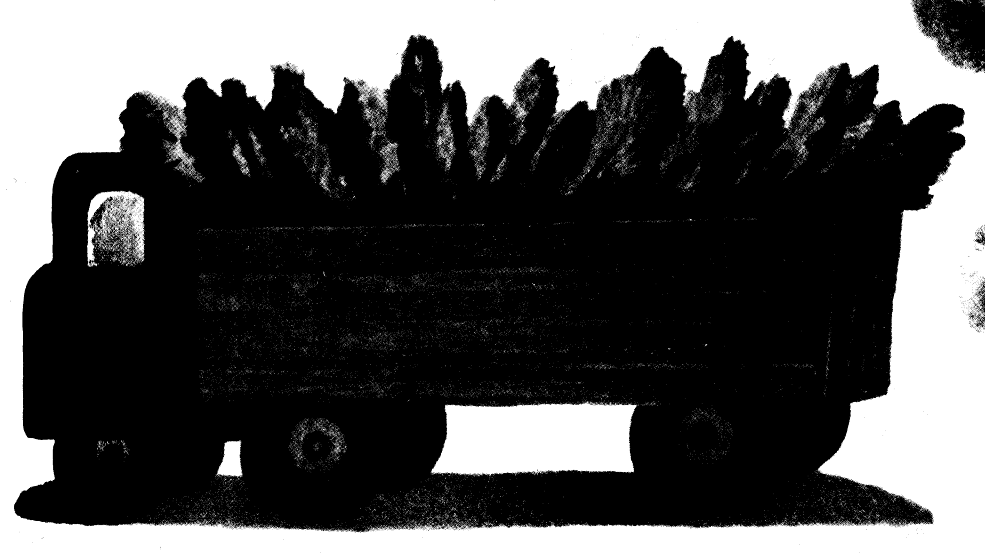
Между тем Лизина мама продолжала наседать на Нагайну, визгливо что-то ей выговаривая и угрожая всеми карами небесными.

— Маааам! — Лиза, привычно всхлипнув, потянула мать за рукав.

— Не бойся, детка, — та на секунду отвлеклась, — мы заберём тебя домой и всех их тут накажем!

— Не надо никого наказывать, — попросила Лиза. — И вообще... я хочу остаться.

Грузовичок оказался битком набит саженцами деревьев и кустов, а ещё лопатами. Деревья предполагалось высаживать в лесу, а кусты — на территории лагеря. Всем желающим выдали перчатки, большие лейки и

прочее необходимое. Миша в душе довольно потирал руки. Выйдя за территорию лагеря с лопатой под мышкой, он нарочно громко рассказывал маме о том, что «новая традиция» была именно его идеей.

Дёмины папа и брат не выказали никакого восторга от идеи заниматься лесопосадками, однако сам Дёма Квасников в числе первых с энтузиазмом схватил лопату, сунул её под мышку и взял в охапку сразу несколько саженцев. Родные, переглянувшись, поплелись за ним.

Просека, оставленная то ли грозой (как считали взрослые), то ли чудовищем (как смутно помнили «Искатели»), располагалась недалеко от лагеря, так что Миша даже изумлялся, как могли они все заблудиться так близко от знакомых мест. Несколько поваленных деревьев уже вывезли, а остальные, вопреки опасениям, лишь накренились и теперь уже стояли вновь, как будто не было никаких чудовищ и гроз.

Многим из родителей, не говоря уже о ребятах, никогда раньше не доводилось сажать деревья, и всё это казалось весёлым приключением. В конце концов Дёмин папа отобрал у сына лопату, крякнул, поплевал на руки и принялся демонстрировать всем, как следует копать. Пожалуй, активнее всех копал именно он да ещё Алмаз Ибрагимович, папа Эли. Мамы и девчонки бегали туда-сюда с лейками и пакетами удобрений. Мальчишки, все как один вымазанные с ног до головы, сгребали и утаптывали землю вокруг саженцев. Словом, неожиданный «день лесонасаждений» оказался весёлым и интересным. Родители с удовольствием общались между собой и давали друг другу советы.

Пожалуй, единственная ссора за всё время вспыхнула тогда, когда Дёма Квасников вдруг обнаружил, что его старший брат увлечённо вырезает что-то перочинным ножиком на стволе ближайшего дерева. «Похоже, это у них семейное», — решил про себя Миша. Что бы

ни думал об этом Дёма, вслух он этого говорить не стал, а просто с размаху заехал брату кулаком по уху.

— Ты чё-ооо?! — взревел брат, явно собираясь ответить тем же, однако рядом с Дёмой уже стоял, опираясь на лопату, их папа. Он довольно потрепал младшего сына по голове и объявил, ни к кому в особенности не обращаясь:

— Мужает мальчик!

Его старший сын недовольно засопел.

— Деревья живые, — наставительно сообщил брату Дёма и, не оглядываясь, отошёл, чтобы вернуться к посадкам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОДИН В ЛЕСУ

Эту вылазку Миша планировал очень тщательно и никому, кроме, конечно, квартирного Теши Закроватного, не говорил о ней. Он знал, что нужно успеть сделать всё быстро и вернуться до очередного обхода: вожатые, наученные горьким опытом, теперь проверяли ребят в их комнатах несколько раз за ночь. Поэтому он постарался не терять времени и даже не стал одеваться, только накинул поверх пижамы олимпийку, памятуя о том, что в лесу ночью может быть довольно промозгло, да надел на ноги сандалии вместо тапочек.

В полной тишине, не говоря ни слова — всё уже было оговорено не один раз, — Миша и Теша, взявшись за руки, подошли к стене комнаты.

— Удачи, — шепнул со своего места Арам Домбаян, и Миша молча кивнул. Конечно, Араму можно было и не рассказывать, куда и зачем он собрался. Наверняка тот сам обо всём догадался, по обыкновению, путём логических умозаключений.

Через территорию лагеря Миша и Теша крались, вздрагивая от каждого шороха. А уж заслышав голос Тромбона, на какое-то время и вовсе затаились в кустах, боясь пошевелиться.

— Раз-два-три, раз-два-три, — шёпотом приговаривала Клавдия Аркадьевна, в одиночестве вальсируя посреди дорожки.

«Кажется, Тромбон сошла с ума», — в ужасе подумал Миша.

— Запомнил? — спросила Тромбон, остановившись и тяжело дыша. Обращалась она к Константину Алексеевичу, который, оказывается, сидел, сгорбившись, тут же на лавочке.

— А толку? — горестно вздохнул он. — Я всё равно не решусь её пригласить.

— А ты не решайся, — неожиданно мягко посоветовала Клавдия Аркадьевна, присаживаясь рядом. — Ты просто...

Но что следовало сделать Константину Алексеевичу, Миша и Теша уже не услышали. Они осторожно крались прочь, стараясь, чтобы под ногами не хрустнула ни единая веточка.

— Просто позови его, — напутствовал Теша Мишу уже за забором лагеря. Миша молча кивнул, отпуская квартирного. Звать Тешу с собой дальше он не стал: знал, что, несмотря ни на что, тому неуютно за пределами «своей» огороженной территории.

— Ну... стукнешь в забор, как назад соберёшься? — Теша будто извинялся за то, что не идёт с мальчиком.

— Конечно!

С собой квартирный выдал Мише фонарик, который извлёк на свет, покопавшись в своём сундуке. Фонарик был большой, на длинной ручке, и свет давал не особенно яркий, но это было всё же лучше, чем ничего.

Сказать по правде, Мише и самому было страшновато. Несмотря на все заверения Теши, он хорошо помнил, как Леший «водил» их отряд по лесу, заставив заблудиться в двух шагах от лагеря, и как появилось из лесной чащи жуткое чудо-юдо с жёлтыми глазами. А ещё не давал покоя рассказ Дёмы Квасникова, который в ту

ночь натерпелся такого ужаса, что долго ещё вздрагивал от каждого шороха. Может, Леший и не страшен для квартирного (что ни говори, а они в чём-то похожи), но людей лесной хозяин, видно, не очень-то жалует.

Эх, страшно — не страшно, а идти было надо. Кто ещё вернёт Тохе её медаль?

И Миша, нажав кнопку фонарика, отважно отправился в лес.

Впрочем, заходить слишком далеко он не стал, опасаясь снова заблудиться, да ещё и в одиночестве. Он прошёл всего несколько метров, так что, если оглянуться, между деревьями были видны огни лагеря.

— Дядя Леший! — шёпотом позвал он и испуганно замолчал, когда ухнула над ним какая-то птица. Подождав несколько секунд, Миша откашлялся и уже в полный голос позвал: — Дядя Леший! Хозяин!

— А зачем тебе сам Хозяин? — неожиданно спросил его девичий голос.

— Кто здесь? — вздрогнул Миша. В какой-то паре метров от него у дерева стояла одетая в длинное светлое платье девушка с распущенными тёмными волосами. Девушка усмехалась.

— А ты кто? — невежливо спросил Миша, подумав, что перед ним одна из вожатых, однако сразу осёкся, поняв, что раньше её не видел. Он чуточку испугался: мало ли кто эта девица, раз она Лешего знает и ночами по лесу бродит.

— Сенява я, — певуче проговорила девушка.

— А я Русява, — тут же подхватила другая красавица, выходя из-за деревьев.

— А я Дубровица...

— Березница...

— Дивница...

— Земляничница...

Миша не успевал оглядываться, чтобы увидеть девушек, которые появлялись будто из ниоткуда, окружая его со всех сторон хороводом. Все они казались с первого взгляда неразличимо похожими и в то же время совсем разными, как одновременно похожи и непохожи деревья в лесу.

В какой-то момент, в очередной раз повернувшись, Миша понял, что больше не видит огней лагеря. Всюду, куда ни кинь взгляд, были только деревья. Да где же он? И с какой стороны пришёл? Вон того холма вроде бы раньше рядом не было. И этого суковатого, криво обломанного пня тоже... Что же делать? Миша, зажмурившись, завопил во весь голос:

— Леееееший!

— Здесь я, — сообщил вдруг пень совсем рядом, и Миша, вздрогнув, выронил фонарик. — Нечего мне тут кричать, зверьё пугать. И мусорить мне тут нечего! Ишь, разбрасывается... А вы цыц, непутёвые!

Лесные девушки, разом засмеявшись, скрылись между деревьями.

— Извините... — Миша, поспешно присев, подхватил фонарик и на всякий случай выключил его. — Я не собирался мусорить!

— Знаю я вас! — ворчливо отозвался Леший. — Ходют тут, ветки ломают, деревья портят, вещички свои бросают...

— А я придумал вам новых деревьев посадить! — поспешно вставил Миша.

— Знаю-знаю, — Леший заметно смягчился. — Молодец! Хвалю. А только кажется мне что-то, что неспроста ты это затеял, а?

Леший хитро прищурился, а Миша слегка смутился.

— Рассказывай давай, чего от меня надобно?

— Моя подруга, — запинаясь, начал Миша, — она потеряла в вашем лесу свою вещь... она не хотела мусорить! — торопливо добавил он.

— Подруга, значит, — грозно проскрипел Леший. — А это не та ли, что совсем свежую, сильную ветку с моего дерева обломала?

На секунду Миша растерялся, пытаясь понять, какую ветку. Однако тут холм неподалёку зашевелился, глухо заворчал и сверкнул жёлтыми глазами. В один миг Миша, обмирая, вспомнил, что за ветку обломала Тоха и для чего. Он сделал маленький шажок назад, стараясь не дышать, однако усилием воли заставил себя остановиться и удержаться от того, чтобы сбежать без оглядки. «Леший здесь, и в прошлый раз чудовище не причинило никому никакого вреда», — уговаривал себя мальчик. А кроме того, если он сейчас сбежит, то Тоха до конца жизни будет считать его трусом. А кем тогда сможет считать себя он сам?

— Она защищалась! — дрожащим голосом сообщил мальчик, а потом, осмелев, уже в полный голос с жаром добавил: — Она всех нас защищала от вашего чудища! А оно, между прочим, не одну ветку, а несколько целых деревьев сломало!

На «холм» Миша старался не смотреть, чтобы не растерять свою решимость, но тот вновь напомнил о себе недовольным ворчанием.

— Спи давай, горе моё! — прикрикнул на него Леший, и чудище, начавшее было приподниматься, опустило голову. — Вон, перед людьми и то за тебя совестно!

— Уыыы! — виновато прогудело чудище. Будто ветер просвистел в верхушках деревьев.

— А ты не ябедничай, — продолжал между тем Леший, обращаясь уже к Мише. — Сам знаю... — Он вздохнул. — Чего уж там, непутёвое оно, Лишенько, так ведь малое ещё совсем...

— Малое? — в ужасе переспросил Миша, представив, каким будет «Лишенько», когда вырастет. — А... кто он... оно?

— Так известное дело — пущевик. Я Лихом кличу, потому как есть оно Лихо моё лесное, горе луковое.

Мальчик смотрел на лесного хозяина с недоумением, и тот недовольно крякнул.

— Совсем люди леса забросили, сказки позабыли. Пущевик — великан лесной. Глупые они зело да, случается, злобные. Вот я его Лихом и прозвал. Ничего, вырастет — к делу приспособим, будет пни корчевать, скалы ровнять.

— Так он ещё больше вырастет?

— Кто ж его знает... — снова вздохнул Леший. — Может, и не вырастет. Они же сначала ввысь растут, а ума долго набираются. По уму-то Лишенько — младенчик совсем. Ну да пущевики и взрослые умом большим не блещут. Хуже всего, что он видит плохо. Днём ещё ничего, а как стемнеет — и вовсе будто слепой котёнок. Раз вон вовсе сослепу к вам в лагерь вломился, так Семён его метлой своей гнал, перепугал дитятю до полусмерти, пришлось мне самому вмешаться.

Миша поневоле хихикнул, представив Семёна с его метлой против эдакого «дитяти». Сам «малыш» при воспоминании об этом обиженно мумукнул.

— Вот я ему и не разрешаю бродить нигде, как стемнеет. Да и спать детям по ночам надо! — продолжал Леший. — Он и спал бы! Если бы вы со своей бандой ночами по лесу не шатались! Разбудили малыша. А он как понял, что чужие по лесу бродят, так и кинулся его защищать... Эх, да что уж теперь!

— Извините, — Миша опустил голову. — Мы... клад хотели найти.

— Клад? — Леший с изумлением посмотрел на него и вдруг расхохотался, пригибаясь и хлопая себя суковатыми руками по коленям. — Клад!

— Значит, нет никакого клада? — спросил Миша, уже догадываясь, каким будет ответ. Однако Леший снова удивил его.

— Отчего же? Есть. — Миша вскинулся, а Леший, хитро щурясь, неторопливо продолжил: — Только не найти его никому днём, да и не во всякую ночь выйдет,

потому как только раз в году может зацвести Жар-Цвет[1], что на сокровище скрытое указывает.

— Сокровище? — как заворожённый повторил Миша, а Леший, снова усмехнувшись, но уже по-доброму, повторил:

— Сокровище. В каждой душе оно скрыто, да не каждому его найти дано.

— Ничего не понял, — честно признался мальчик. — А Про́клятая Настасья? Она-то тут при чём? Или ни при чём вообще?

---

[1] Жар-Цвет, Царь-Цвет, Злат-Цвет — мифический цветок папоротника, который, согласно верованиям многих народов мира, расцветает только в одну ночь в году — на Ивана Купалу, либо в ночь на летнее солнцестояние. В старину люди верили, что тому, кто найдёт сказочный цветок, он может принести счастье и богатство. В числе прочего считалось, что Жар-Цвет указывает клады. А. Домбаян, ссылаясь на данные современной науки, уверяет, что папоротник не цветёт вовсе.

— Настасья... эх, помню-помню. После того-то случая сюда и повадились охотники за кладами шастать...

— Так её отец всё-таки спрятал какие-то богатства?

— Да какие там богатства... — Леший неодобрительно покачал головой, пожевал губами. — Обнищал он — ещё задолго до той... ливарюции. Только усадьба у него и оставалась, и ту заложил. Дочка Настасья подрастает — а ей и в приданое-то дать нечего...

Александр Христофорович Белоцерковский не был ни заядлым игроком, ни гулякой, да и городов не слишком жаловал, предпочитая тихую семейную жизнь в собственной усадьбе с женой и дочерью. Однако после смерти любимой супруги он, бросив всё, отправился в столицу, надеясь найти забвение. Гулял по кабакам и клубам, кутил и играл в карты, пока не проиграл всё, что у него было. Тогда только опомнился, осознал — дома, в родовой усадьбе, предоставленная заботам нянек, осталась дочь, которой он теперь не сможет обеспечить достойного будущего...

По возвращении домой Александр Христофорович твёрдо решил для себя, что отныне главной заботой его жизни станет устройство судьбы Настеньки. Хозяйство в его отсутствие пришло в упадок, платить по счетам было нечем, и Александр Христофорович всё глубже увязал в долгах. Однако верные слуги всё ещё оставались с ним, кое-как удавалось содержать усадьбу, и отец упорно возил дочь на все приёмы к соседям, надеясь найти ей хорошего жениха.

Достойная партия в итоге нашлась — сын и наследник хозяина одного из соседних имений, блистательный юноша, богатый и влюблённый в Настеньку по уши.

Настасья Белоцерковская росла девицей скромной и благовоспитанной, любила музицировать в одиночестве, брала уроки танцев и много гуляла в окрестных лесах. К будущему жениху девушка не питала особенных чувств, однако и противен он ей не был, так что ничего против готовящейся свадьбы она не имела.

Всё изменилось в одну ночь. Однажды вечером Настасья, прогуливаясь в одиночестве неподалёку от отцовской усадьбы, заблудилась. Все окрестности она знала с детства как свои пять пальцев и, плутая от дерева к дереву, всё не понимала, как такое могло случиться. Не понимала, пока не вспомнила рассказы своей старой няньки. «Не иначе, леший водит!» —

с усмешкой подумала она про себя. И то ли в шутку, то ли всерьёз — сама не поняла — попросила вслух:

— Дедушка леший, выведи меня!

И леший вывел. Правда, не к дому, а туда, куда юной Настасье необходимо было попасть в эту ночь — волшебную ночь, купальскую.

Заметив проблеск света между деревьями, девушка кинулась к нему... и замерла от открывшейся ей картины. Удивительной красоты озеро лежало перед ней — озеро, о котором она, выросшая в этих краях, никогда и слыхом не слыхивала. Даже старая нянька не рассказывала ни о чём подобном.

Прямо из мерцающей при лунном свете воды поднимались неслыханной красоты цветы, удивительные растения окружали озеро со всех сторон. Над водой низко нависали тонкие ветви плакучих ив. Ошеломлённая Настасья прикасалась то к одному невероятному цветку, то к другому.

— Одолень-трава — с ней любого врага одолеешь... — зашептал прямо в ухо неизвестно откуда взявшийся голос.

— У меня нет врагов, — растерянно ответила Настасья и оглянулась. Никого вокруг не было.

— Рута[1] красная, ворожейная, червонная, — продолжал голос. — Кто ни взглянет на тебя — тот и полюбит, никто не уйдёт...

---

[1] Рута — душистая трава, которая, по мнению А. Домбаяна и других ученых биологов, цветёт только жёлтыми цветами. Но когда-то люди верили, что можно найти и красную руту, приносящую любовь.

— Зачем это? — удивилась Настасья. — Жених и так меня любит.

— А ты его? — прошелестело рядом.

Девушка пожала плечами и слегка вздохнула.

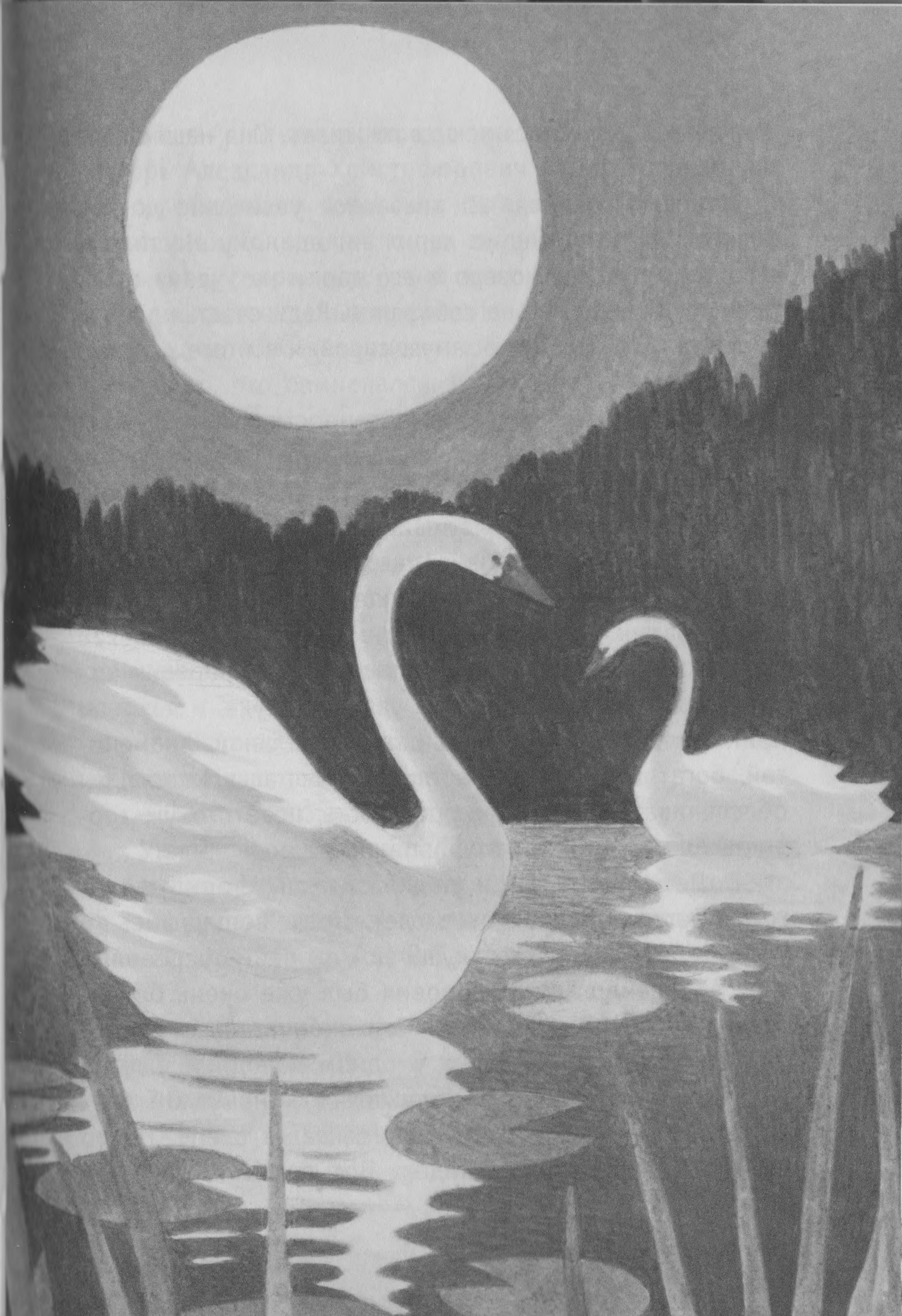
— Что твоё — от тебя не уйдёт, — сказал кто-то. — Что чужое — тебе не надобно.

Раздвинулись вдруг длинные ветви деревьев над озером, расступились кувшинки, и Настасья увидела, откуда шёл загадочный свет. Посередине озера показался крошечный островок, заросший папоротником. И в самой гуще папоротниковых зарослей на длинном стебле сиял нездешним светом дивный цветок, каких никто и никогда не видывал.

— Только в себе своё сокровище отыщешь, — прошептал кто-то за спиной Настасьи. Но она уже не стала оглядываться. Протянула руки — и сияющая чаша цветка отделилась от стебля, поплыла над озёрной гладью и упала прямо в подставленные Настасьины ладони. Жаркий свет цветка не обжигал, а лишь согревал ласковым теплом. Ничему уже не удивляющаяся Настасья, словно во сне, подняла глаза, чтобы снова взглянуть на озеро. И увидела, как стая белых лебедей опустилась на водную гладь и начала будто исполнять чудесный танец...

Настасья смотрела на лебедей, но виделось ей в их танце иное. Она слышала сердцем дивную музыку, водная гладь вдруг превратилась в сцену, по которой порхали лёгкие, как лебединые перья, танцовщицы на белоснежных пуантах.

В эту самую ночь Настасья поняла, что никогда не выйдет замуж за богатого соседа. А ещё она поняла,

чем станет заниматься всю свою жизнь. Она нашла своё сокровище.

Конечно, отец считал внезапное увлечение дочери танцами блажью. Он не верил ни единому Настиному слову про чудесное озеро и его дар, и на учение в Петербург отпускать её не собирался. Ради счастья дочери он готов был выдать её замуж силой, и в итоге девушка сбежала.

Многие годы отец не мог простить её за этот побег. Даже тогда, когда услышал, что Анастасию Белоцерковскую называют великой балериной и приглашают на гастроли в лучшие театры мира... и даже тогда, когда через поверенных Настенька оплатила все отцовские долги. И лишь когда она написала, что вышла замуж и готовится родить ребёнка, отцовское сердце не выдержало. Александр Христофорович отправился в Петербург, чтобы увидеть внука, и наконец примирился с дочерью — давно успешной, знаменитой, богатой и очень счастливой. Настасья хотела бы обеспечивать и отцовскую старость, но этого уж гордость Александра Христофоровича не позволила.

В Петербурге же и подхватил он хворь, от которой страдал несколько лет, уже вернувшись в усадьбу. Когда до его глуши дошли вести о революции, Александр Христофорович был уже очень болен. Старая болезнь и дурные вести окончательно повредили его рассудок. Старик в одном исподнем ушёл в лес, велев слугам не приближаться к нему. Он блуждал всю ночь, а на её исходе вышел к озеру. Никто не знает, что он там увидел. Вот разве что старый

леший — тот-то знает, да не скажет. Одно ясно: теперь Александр Христофорович видел Настино озеро с лебедями и знал, что ни одного слова дочь его не сочинила. Знал, что не выдумала Настасья свой дар, своё сокровище, свой талант, что не преувеличивали их театральные критики и столичные писаки. Он и хотел бы, наверное, попросить у дочки прощения за то, что сомневался, да уже не мог. Всё только повторял про Настино озеро и сокровище...

* * *

— А знаешь что? — Леший задумчиво подёргал себя за мшистую бороду. — А приходи назавтра — завтра ночь верная, ворожейная, купальская, да полнолунная к тому! И друзей своих бери. Авось расцветёт для кого из вас цветок папоротня, Дар-сокровище укажет.

— Всех-всех можно взять? — недоверчиво переспросил Миша, сжимая в руке Тохину медаль.

— Всех бери! — щедро разрешил Леший.

Уже попрощавшись с Лешим и подойдя к забору, ограждавшему лагерь, Миша вдруг вспомнил кое-что.

— Дядя Леший! — окликнул он, обернувшись. — А в пещере-то кто ухает? Там тоже... чудище какое-то живёт?

— В пещере? — удивился Леший. — Кому ж там жить? Вот неучи! И чему вас только в школах ваших учат? Чудищ выдумывают. Дырявая та скала, вся дырявая. А ухает — ветер! — Леший наставительно поднял суковатый палец. — А-кус-ти-ка потому что!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КОРОЛЕВСКАЯ НОЧЬ

Последний вечер в лагере «Солнышко» выдался ясным и тёплым. И, как ни странно, даже самые отъявленные озорники и шалопаи, вроде Грохотовых из шестого отряда, не пытались испортить его какой-нибудь шалостью, что, к слову, заставляло директрису и вожатых особенно подозрительно за ними присматривать.

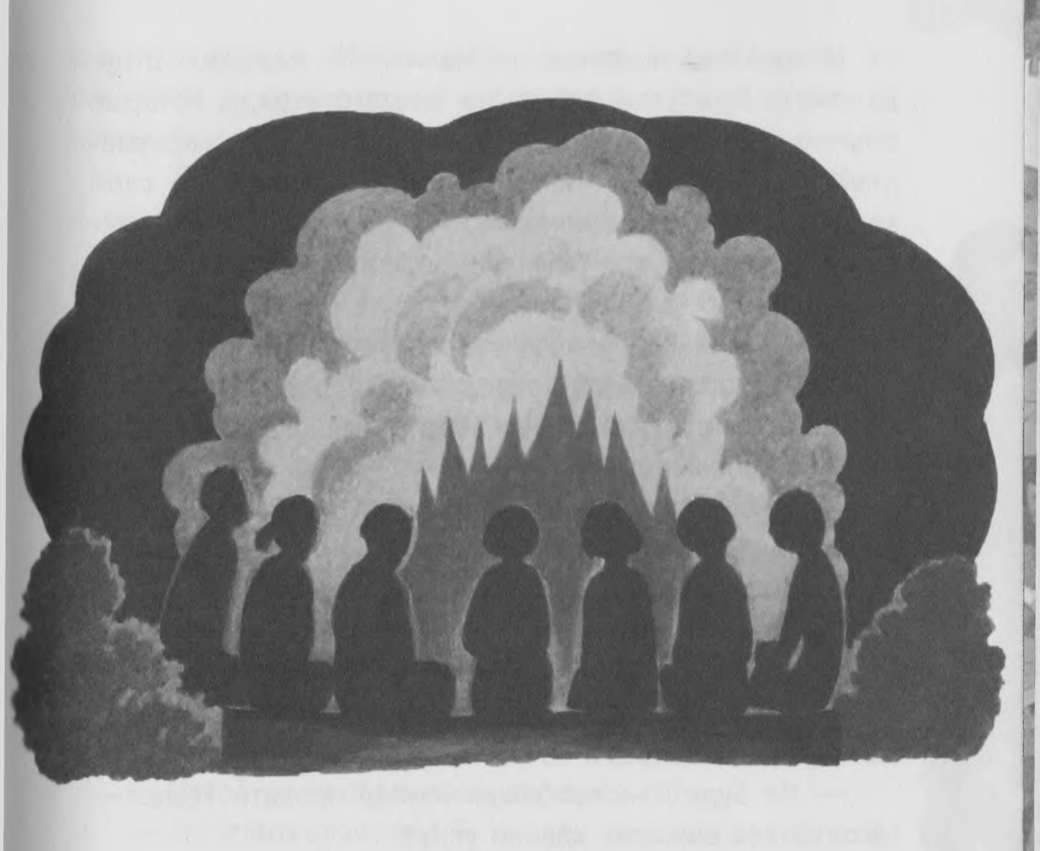
Были танцы на площадке перед главным корпусом, которым особенно радовались девчонки.

Суровая директриса Зоя Валерьевна в этот день надела лёгкое яркое платье, распустила свои вечно собранные в пучок на затылке волосы — и неожиданно стала походить на совсем юную девочку, особенно когда звонко и заливисто смеялась, танцуя с завхозом Михалычем. На эту пару многие смотрели с изумлением: не все знали, что Михалыч приходился строгой Зое Валерьевне мужем.

Вожатый шестого отряда Константин Алексеевич танцевал с Ксюшей, отчаянно краснея и наступая партнёрше на ноги. Ксюша мужественно делала вид, что не замечает этого.

— Дайте мне ваш адрес, я к вам звонить стану, — выдавил наконец из себя Константин Алексеевич, и Ксюша невольно засмеялась. В этот момент музыка закончилась, и Ксюша, продолжая загадочно улыбаться, исчезла где-то в толпе вожатых и старших ребят.

— Вы прекрасно ведёте в вальсе, Константин Лексеич, — шепнула растерянному вожатому, пробираясь мимо, Клавдия-Тромбон.

— Ну что вы, — снова покраснел Константин Алексеевич, — можно Костенька...

После танцев были общие посиделки вокруг большого костра, песни под гитару и бесконечные разговоры. Ребята обменивались телефонами и электронными адресами, чтобы не терять друг друга. Многие обещали приехать на следующий год, кто-то оставался на вторую смену.

И наконец вожатые погнали оба младших отряда спать. При этом ребята из шестого отряда, которые обычно в таких случаях возмущались, что их приравнивают к «малышне» из седьмого, отправились в свой корпус на удивление покорно. Так же безропотно и дисциплинированно все умылись, переоделись, расправили свои постели и улеглись. Перед тем как выключить свет у мальчиков, Ксюша, оторопело наблюдавшая это небывалое зрелище, в последний раз обвела взглядом комнату и, не найдя ничего подозрительного, всё-таки грозно пообещала:

— Даже не надейтесь сегодня ещё что-нибудь устроить! Я вас проверю... через час. Нет, через полчаса. Я вас всю ночь буду проверять! — заключила она и неожиданно широко зевнула. — Только вздремну минуток двадцать... Спокойной ночи!

С этими словами она, щёлкнув выключателем, вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

— Не будет, — пообещал из-под кровати Теша. — Сегодня все вожатые крепко уснут!

Вскоре угомонились и старшие отряды, разбрелись по своим комнатам сотрудники лагеря, и лишь дежурные вожатые время от времени обходили территорию, следя за порядком. Директриса Зоя Валерьевна отлично знала, что в Королевскую ночь, как называли последнюю ночь каждой смены в лагере, пошалить были не прочь даже самые мирные и послушные обычно дети. Что уж говорить о нынешней неспокойной смене!

Увы, все предосторожности были тщетны. Около полуночи весь лагерь, включая дежурных, в одночасье заснул. И только задремавшие было ребята из

шестого отряда «Искателей» да ещё Тоха Гаврина в соседнем корпусе разом проснулись и сели в своих кроватях.

— Пора! — объявил Теша, выбираясь из-под Мишиной кровати. И все принялись торопливо одеваться.

В комнате девочек в эту же минуту стукнул черенком об пол старый лагерный Семён.

— Пора! — провозгласил он.

Леший ждал ребят сразу за оградой лагеря. Он поочерёдно пожал руки Семёну и Теше, а Мише кивнул, как старому знакомому. Ребята притихли, робея перед незнакомым Лешим, который усмехался в моховую бороду.

— Ну что, искатели сокровищ? — прищурился он. — Готовы?

И тут вперёд выступил Арам Домбаян.

— Признавайтесь, что вы сделали с Че?! — обвиняюще воскликнул он, глядя прямо на Лешего и сжимая кулаки.

— Чего? — неподдельно изумился тот.

— Не притворяйтесь! Я провёл расследование, все факты говорят об одном!

«И когда это он успел?» — удивился про себя Миша.

— В ту ночь, когда была гроза, и ваш... воспитанник, этот великан, пробрался в лагерь, вы приходили за ним... и прихватили с собой мою черепаху! Зачем она вам?

— А тебе зачем? — строго спросил Леший, даже не пытаясь отрицать свою вину.

— Че — мой друг! — твёрдо ответил Арам. — Я за него отвечаю.

Лесной дед неожиданно расхохотался, а потом так же резко замолчал и одобрительно хлопнул мальчика по плечу.

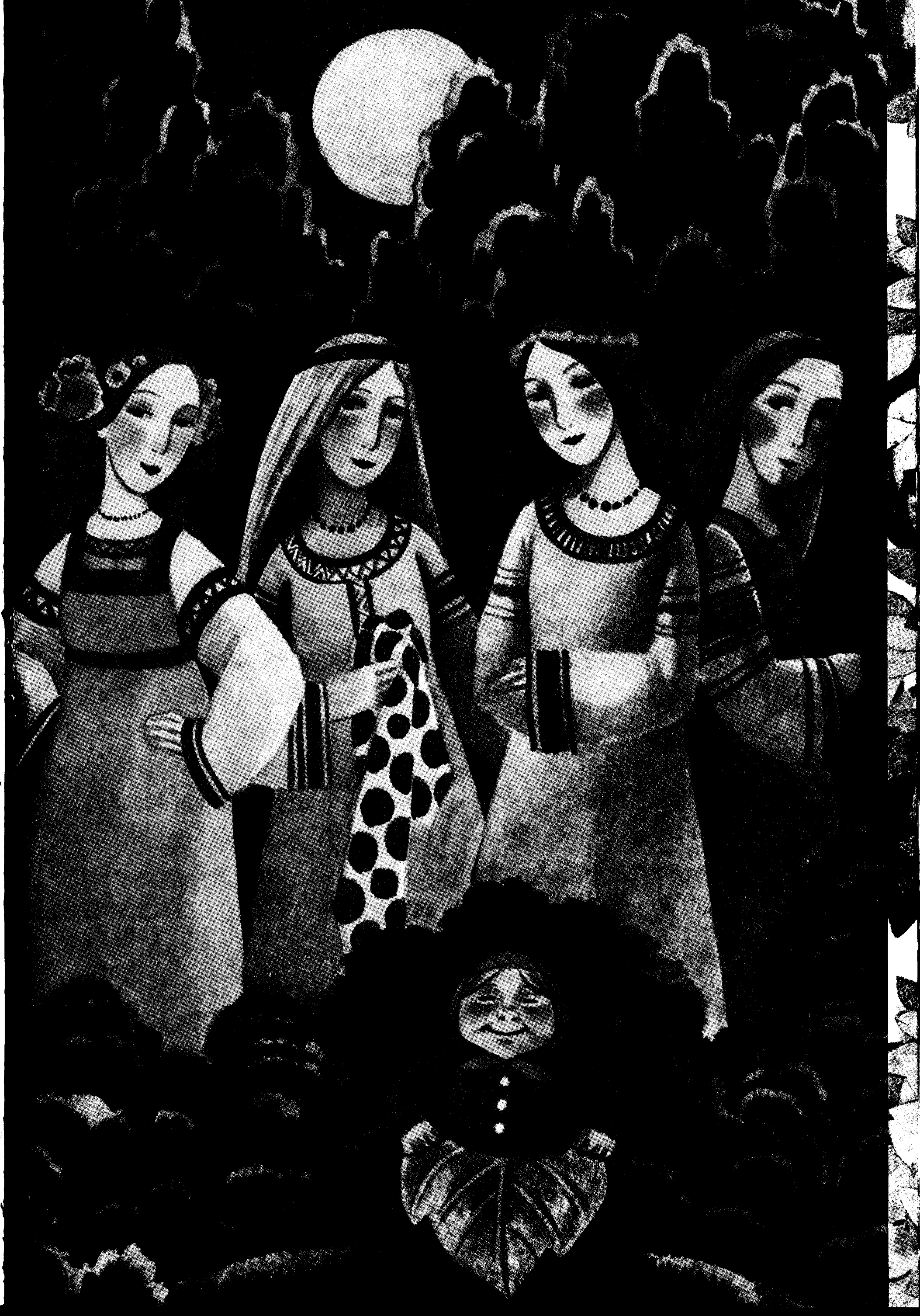
— Молодец! Не ожидал... не боись, ничего с твоим Че не случилось. Зверя в моём лесу никто не обидит. Может, и свидитесь ещё.

Арам продолжал смотреть на Лешего недоверчиво, но кулаки всё же разжал.

Теша и Семён в лес, конечно, не пошли. Ребята брели за Лешим, тихонько переговариваясь между собой и гадая, что тот собирается им показать. Дима Доброхотов и Митя Гроссман возбуждённо обсуждали возможный клад. Они всё-таки не поверили ни единому Мишиному слову о том, что «сокровище» вряд ли можно будет взять в руки и унести с собой. А Арам и вовсе поднял его на смех, когда Миша упомянул про цветок папоротника. Как снисходительно пояснил юный учёный, папоротник не цветёт никогда, поскольку размножается спорами, как грибы.

И только Тоха Гаврина готова была поверить чему угодно и в чём угодно поддержать Мишу. Она даже извинилась за то, что назвала его «трусом». И сообщила, что давным-давно простила за победу в кроссе. На самом деле за возвращённую медаль она готова была простить всё на свете. Теперь она, кажется, вовсе не выпускала свой талисман из рук и даже за обедом поминутно проверяла, на месте ли он.

Сейчас Тоха шла рядом с Мишей. По другую сторону от него шагал Арам. И Миша думал о том, как здорово, что он с ними обоими познакомился. А ещё в какой-то

момент он с изумлением подумал про себя, что до сих пор не услышал ни единой жалобы от Лизы Исаковой.

— Привет! — шепнула Мише появившаяся будто ниоткуда девушка. Тоха от неожиданности отшатнулась.

— Эт-то ещё кто такая?

— Это Сенява, — как ни в чём не бывало сообщил Миша. — А там — Русява, Дубровница, Березница...

Девушки, посмеиваясь, окружили ребят со всех сторон. Поневоле пришлось остановиться. Да ещё и Леший вдруг куда-то исчез! Вот одна из девушек взмахнула рукавом — и взметнулись вокруг палые осенние листья. Закружились, осыпаясь и будто танцуя в воздухе. Вот повела рукой вторая — и взвились в воздух белой метелью лепестки весенних цветов. Притопнула ногой третья — и выглянули из травы алые головки ягод. Казалось, все времена года смешались вокруг. Пахло одновременно цветами, палой листвой, грибами, земляникой и чем-то ещё, чему люди не придумали названия. «Наверное, просто чудом», — подумалось Мише.

— Пожалуйте, гости дорогие, званые!

Перед ребятами появилась крошечная — с две ладошки — старушка в платочке и переднике-листике и низко, в пояс, поклонилась. Рядом с ней возник такой же крошечный старичок в шляпе, похожей на большую шляпку гриба, и также поклонился. Зашевелились вокруг кусты, будто тоже кланяясь, и Миша уже вовсе не удивился, когда одно из деревьев качнуло кроной и нагнулось в поклоне. И даже когда почти под ногами появился вовсе уж крохотный человечек в шапочке-жёлуде.

— Боровик, Кустич, Листич, Орешич[1]... — представляла странных существ старушка. — А меня бабой Листиной кличут, я над лесавками старшая, — она кивнула на девушек в белых платьях. — Много нас в лесу, покуда лес живёт — и мы живём, душа леса...

Унялся, наконец, вихрь листьев и лепестков, и оказалось, что ребята стоят в совершенно незнакомом месте. И прямо перед ними между деревьями виднелся просвет, откуда поблёскивала тёмно-синяя в лунном свете вода.

«Озеро!» — догадался Миша, а деревья между тем уже расступились, позволяя ребятам пройти.

— Ничего себе! Ух ты! — Восхищённо охая, ахая и прицокивая языками, ребята высыпали на берег.

Восхититься было чем. Озеро, залитое лунным светом, будто светилось изнутри, и огромные молочно-белые кувшинки на нём казались почти прозрачными.

— Ой, Купала на Ивана! — взметнулся звонкий голос Русявы, и тут же прочие лесавки подхватили песню:

— Купала на Ивана!

Девушки пели, а вокруг озера, будто подчиняясь их песне, на глазах распускались самые невероятные

---

[1] Боровик, Кустич, Листич, Орешич, Пущевик, лесавки, баба Листина — персонажи славянского фольклора. Когда-то люди верили, что эти существа населяют лес. Боровик заведует всеми грибами в лесу, Кустич следит за кустами и так далее. А леший — лесной хозяин — присматривает за всеми. Считалось, что леший может заморочить человека, заставить его плутать, а может и помочь, если прийти в его лес с добром.

цветы всевозможных расцветок, прямо из-под земли проклёвывались и тут же расцветали травы, появлялись тоненькие зелёные спиральки, мгновенно разворачивавшиеся в крупные листья папоротника. Снова налетела снежная метель весенних лепестков, и в их вихре опустилась на воду стая белоснежных лебедей.

Как заворожённые, боясь пошевелиться, ребята смотрели на озеро. И вот на островке в самой его середине появилась слабо светящаяся точка. Замолкла песня, но в воздухе теперь будто дрожала музыка. Точка поднялась из зарослей папоротника на длинном стебле, и стало видно, что это крупный зелёный бутон. Спустя мгновение бутон будто треснул вдоль — и ясный, тёплый свет хлынул от этой трещины. И наконец цветок распустился.

— Жар-Цвет, — благоговейно прошептала рядом одна из лесавок.

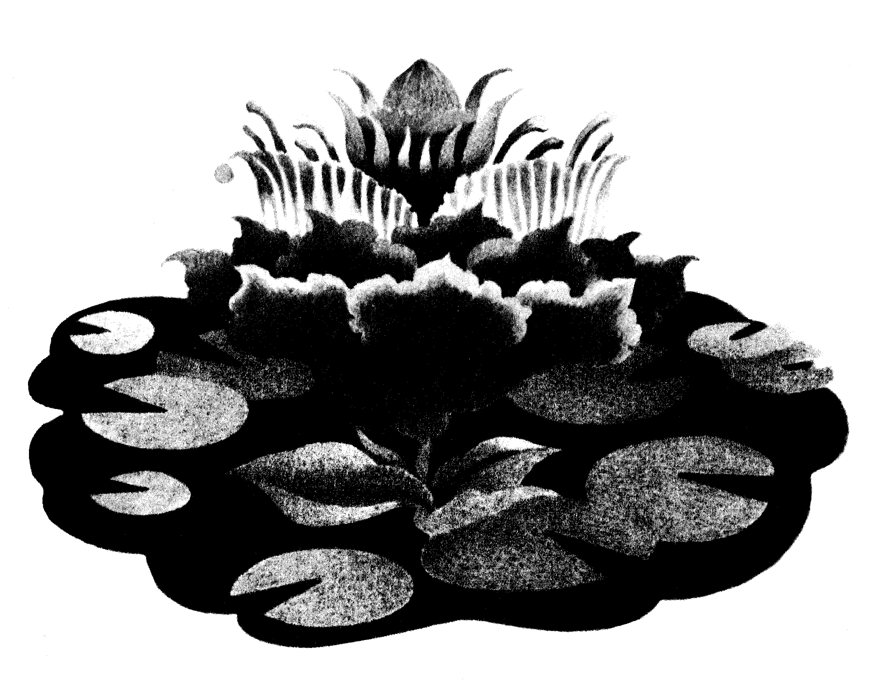
Если бы кто-то попросил Мишу описать, как выглядел легендарный цветок папоротника, он бы, пожалуй, попытался обрисовать руками в воздухе что-то довольно крупное, неопределённых очертаний, и выдавил в итоге просто: «Красивый». Если бы кто-то попросил описать цветок Тоху, она сказала бы, что он похож на розу, а если Катю Величко — она сказала бы, что на орхидею. Если бы кто-то попросил Арама описать цветок, он какое-то время рассказывал бы о расположении бесчисленных широких лепестков и тычинок со сверкающей пыльцой, а потом замолчал бы и махнул рукой, беспомощно пожимая плечами.

Потому что описать этот цветок было невозможно. Он походил разом на все самые красивые цветы на

земле. И в то же время его очертания будто ускользали, расплывались, скрываясь в ярком, нездешнем сиянии.

И каждому, кто смотрел на этот цветок, виделось в его сиянии своё, сокровенное.

Миша думал почему-то о книгах. Его мама и папа не особенно любили читать, так что и книг в доме Славиных было немного, если не считать, конечно, учебников. Неудивительно, что сам Миша так и не пристрастился к чтению, предпочитая компьютерные игры и телевизор. Всё изменилось два года назад, когда Славины переехали в новую квартиру и Миша подружился с соседской девочкой Любой. Она очень любила читать и с таким увлечением рассказывала о своих любимых сказках, что Миша как-то и сам не заметил, как начал брать у неё книги и читать всё больше. Оказалось,

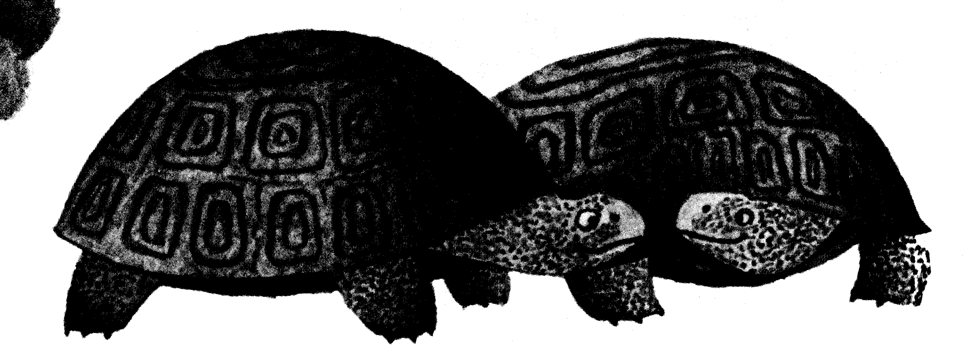

что, когда ты читаешь, можно не просто смотреть со стороны на чужие приключения, как в кино, — а как будто участвовать в них, оказываясь на месте героя. Более того — читая книгу, ты как будто пишешь историю вместе с её автором, ведь каждого героя приходится создавать в своём воображении, и наверняка два разных читателя представляют его совершенно по-разному. Иногда Миша так увлекался, что начинал выдумывать, что могло случиться с героями дальше, после того, как закрыта последняя страница книги. А ещё он думал о том, как могла бы выглядеть, например, сказка о нём самом, о Теше Закроватном или о соседке Любе и квартирной Нюсе из-за Шкафа.

И сейчас в хлопанье крыльев белых лебедей ему чудился шелест страниц ещё не написанных книг и шёпот ещё никем не рассказанных историй.

— Только в своей душе найдёшь своё сокровище, — тихонько сказал Леший, вновь объявившийся за плечом.

— Н-не понимаю... — Арам потряс головой. — А как же моя Нобелевка? Хотя... — Он задумчиво покусал нижнюю губу. — Всё же карьера частного детектива — тоже интересная идея...

— Восемь! — в ужасе прошептала между тем Катя Величко. — Восемь детей! Куда мне столько?! Я же актрисой хочу быть, я точно буду...

— А папа ещё говорил, что девчонку туда не примут! — торжествующе сообщила Эля Мухтиярова.

— Эй! — с обидой воскликнула Тоха. — Вы чего все?

— Ты что, ничего не видела? — удивился Миша.

— Цветок видела, — недоумённо ответила Тоха. — Вон он. И лебеди.

— А как же... — Миша обернулся к Лешему.

— Тому, чья дорога ясна и верна, не нужно знаков, — ответил тот.

— Думаю, я понял, в чём дело, — вмешался Арам. — Ты ведь знаешь, кем собираешься стать, когда вырастешь?

— Ещё бы! — без всяких сомнений ответила Тоха. — Я буду плавать, как мама, и тоже стану чемпионкой мира.

Миша улыбнулся. Почему-то он нисколько не сомневался, что у Тохи с её характером это точно получится.

— Че! — завопил неожиданно Арам и попытался прыгнуть в озеро, но его подхватили и удержали сразу несколько рук. — Да пустите! Это же Че!

Он указывал на озеро, и, присмотревшись, Миша действительно заметил неторопливо плывущую между кувшинками черепаху. А спустя пару секунд рядом с ней появилась ещё одна, точно такая же. И только тогда Арам перестал вырываться из рук друзей и обмяк.

— Наверное, ему так будет лучше... — со вздохом пробормотал он.

Леший усмехался в мшистую бороду.

— А я тоже ничего не видел! — сообщил Дима Доброхотов. — Это значит, что я... буду футболистом?

Закончил он как-то неуверенно.

— Твой путь может быть ещё вовсе не определён, — Леший посмотрел ему в глаза. — Придётся самому искать ответы и делать выбор.

Дима разочарованно вздохнул.

— А что такое движение Зелёных[1]? — шёпотом спросил Дёма, наклоняясь к Араму, и неожиданно покраснел. Арам объяснил, и лицо Дёмы осветилось улыбкой. — Подходит! — заключил он.

— А можно, — Катя Величко тронула Лешего за плечо и тут же смутилась, — можно этот цветок както... сорвать? Я бы его засушила и сохранила... на память.

Миша ужаснулся этой идее — и, похоже, не он один.

— Может, с ним и клады ещё поискать можно? — шёпотом предположил Дима Доброхотов, но Митя Гроссман тут же покачал головой. Похоже, он своё «сокровище», в отличие от друга, увидел.

Что до Лешего, он на секунду нахмурился, однако тотчас усмехнулся.

— Сорвать нельзя. Кого надо — того Жар-Цвет сам найдёт, — ответил он туманно. Поскольку все так и

[1] Движения Зелёных (например, «Гринпис») — это общественные организации, созданные для защиты природы, животных и растений.

смотрели на него, Леший неохотно продолжил: — Стар я стал, давно пора ученика брать... или ученицу. Дар для того нужен особый, тайный... вот и распустился нынче чародейный цвет, чтобы та, кому до́лжно, выбор сделала.

Возвращались ребята в лагерь притихшие и задумчивые. Как ни странно, обсуждать увиденное никто не стремился: для каждого то, что показал волшебный цветок, было чем-то личным, о чём хотелось поразмышлять в одиночестве. Даже Грохотовы не перешёптывались между собой.

Выйдя из-под сени деревьев, ребята на несколько секунд замерли, моргая и не решаясь сделать следующий шаг. Казалось, будто они медленно просыпались после долгого волшебного сна.

— А ты, красавица, подумай! — донёсся им в спины голос Лешего. Катя Величко оглянулась. — Коли пойдёшь в учение ко мне, от многого придётся отказаться, но и приобретёшь многое. Много добра людям сможешь сделать, да и не одним людям. Тебе выбирать.

Катя недоумённо пожала плечами.

Только пройдя вместе с сонным Тешей сквозь стену в коридор своего корпуса, ребята будто стряхнули с себя наваждение и начали шёпотом переговариваться.

— А вы знаете, — тихонько завела Вика Незнамова, — что сегодня Королевская ночь? Ну, так последнюю ночь в лагере называют. В Королевскую ночь полагается дождаться, когда все заснут, пробраться в чужую комнату и нарисовать всем усы зубной пастой.

— Кто же будет засыпать, если все будут ждать, когда другие заснут? — удивился Миша.

— Кто заснёт, тому не повезло, — пояснила Вика и широко зевнула.

Дверь корпуса резко распахнулась, будто от порыва ветра.

— Не заперта! — вслух изумился кто-то.

В проём под ноги ребятам швырнуло пригоршню листьев, что-то стукнуло об пол, и со следующим порывом дверь снова захлопнулась.

— Что это? — удивилась Эля и присела на корточки. Катя поворошила листья ногой, а Алёна даже наклонилась к ним.

— Просто мусор, — Катя зевнула. — Утром уберём...

Уже под утро, когда даже неугомонный шестой отряд давным-давно видел десятые сны, две бесшумные тени появились в комнате мальчиков. Одна из теней отличалась большими ушами и длинным хвостом. Вторая

больше всего смахивала на привидение в своём белом одеянии и с растрёпанной головой. Из образа выбивалась разве что метла в руках тени.

Подкравшись к кровати Дёмы Квасникова, тени слаженно захихикали:

— Гусарские давай! Такие... кручёные.

— Ага... а бороду будем?

— Можно и бороду...

Чёрное дело было сделано всего за пару минут. Полюбовавшись на своё творение, один из злодеев неуверенно спросил:

— Может, всё же надо было зубной пастой?

— Та шо там, — пожал плечами второй. — Авось и так сойдёт!

Тени пожали друг другу руки и растворились в стене.

Что-то негромко ударилось об пол и покатилось, замерев в широком квадрате, освещённом светом фонаря за окном. На полу лежал толстый фломастер с чёрным колпачком, и в фонарном свете стала отчётливо видна крупная надпись на его боку: «Маркер перманентный», и чуть ниже, буквами помельче: «Несмываемый».

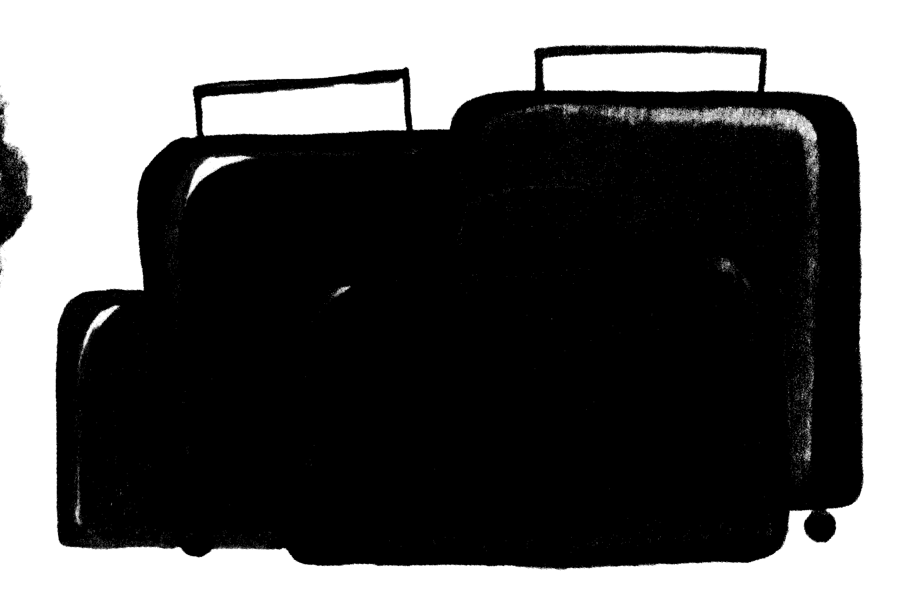
ЭПИЛОГ

На вокзал отправились даже те, кто не собирался уезжать: уж очень не хотелось всем расставаться, слишком сдружились ребята за эти удивительные и по-настоящему волшебные дни в лагере «Солнышко».

Вика Незнамова и Митя Гроссман оставались в «Солнышке» на вторую смену. Эля Мухтиярова жила в Солнцеморске, так что ехать ей никуда было не надо. Алёна Гасанова оставалась до конца лета в соседнем селе Богатырёво погостить у своих бабушки с дедушкой.

Половина отряда уже уехала на поезде, отправившемся полчаса назад.

Остальные, погрузив чемоданы в поезд, торопливо прощались и обещали писать и звонить. Девчонки обнимались, мальчишки пожимали друг другу руки. По случаю прохладного утра все кутались в ветровки и олимпийки.

Мишин чемодан тоже стоял уже в ящике под нижней полкой в его купе. А в чемодане, свернувшись клубочком, мирно спал квартирный Теша Закроватный. Теша попрощался со всеми ещё в комнате.

— Передай Теше — это для Нюси из-за Шкафа! — Катя Величко подскочила к Мише и сунула ему в руку бусы из ракушек, выкрашенных в персиково-розовый цвет. Миша кивнул, а Катя неожиданно чмокнула его в щёку. Мальчик покраснел.

— По коням! Сейчас поезд без вас уйдёт! — Константин Алексеевич едва не потащил Мишу и стоявшего рядом с ним Арама. — Живей, живей!

Сам Константин Алексеевич, как и большинство вожатых, оставался в лагере до конца лета, так что сейчас вместе с ребятами в поезд садилась только Ксюша, которой предстояло сдавать вступительные экзамены в педагогический университет. Но Котенька приехал на вокзал, чтобы всех проводить и помочь погрузить чемоданы.

— Ну, счастливо! — Ксюша, не скрывавшая слёз, торопливо расцеловала Вику, Элю, Алёну и Митю и убежала к вагону.

Эля Мухтиярова с тоской смотрела на поезд. Она никогда ещё не уезжала из Солнцеморска дальше ближайшего детского лагеря и очень хотела бы посмотреть на другие города. Ничего! Она улыбнулась про себя. Теперь-то она точно знала, что её мечтам суждено сбыться, и она обязательно поедет учиться туда, куда прежде бы не рискнула, нужно только закончить школу...

— Смотрите, там наши! — Алёна протянула руку, и на секунду из-под рукава её ветровки мелькнул

деревянный браслет, украшенный тонко вырезанным из какого-то полупрозрачного камня цветком, сверкнувшим на солнце. Эле показалось, что она где-то уже видела его раньше, но она тут же выбросила из головы мысли о браслете, поскольку увидела, куда показывает Алёна. К окнам двух соседних купе прилипли физиономии Миши, Дёмы, Арама, Тохи и теперь уже бывшей вожатой Ксюши. Все они изо всех сил махали руками.

Поезд медленно тронулся и поехал. Ребята, как это делают все провожающие, пошли за ним вслед, ускоряя шаг, чтобы до последней минуты видеть тех, кто уезжает.

— И Теша там! — заметила Эля. В самом деле, под локтем Миши примостилась светло-сиреневая пушистая мордочка, влипшая носом в стекло. Теша махал не только лапами, но и хвостом.

— Пока! Пока! До свидания!

Провожающие наконец перестали бежать и остановились, продолжая яростно махать высоко поднятыми руками. И тогда взгляд стоявшего у окна Теши вдруг замер на Алёне Гасановой, а его глаза широко распахнулись и округлились. Было видно, что квартирный открыл рот, пытаясь что-то сказать, но никто с перрона его, конечно, услышать уже не мог. Алёна и Эля проследили его взгляд одновременно, и первая тут же одёрнула задравшийся рукав. Но в эту секунду с её запястья упал тонкий лепесток, и Эля успела понять, где она видела этот цветок раньше.

На запястье Алёны в оправе из дубовой коры жарким светом купальских чудес сиял цветок папоротника.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Говорят, в глубине леса, что раскинулся прямо за забором летнего лагеря «Солнышко», спрятан самый настоящий клад, а охраняет его жуткое чудовище! Правда, ребят из шестого отряда уже не напугаешь чудовищами и не удивишь знакомством с лешими и русалками — ведь они дружат с Тешей Закроватным — самым настоящим квартирным! А старый леший, похоже, в самом деле прячет от людей сокровище...

www.astrel-spb.ru
www.ast.ru | www.book24.ru
vk.com/izdatelstvoast
instagram.com/izdatelstvoast
facebook.com/izdatelstvoast
ok.ru/izdatelstvoast

6+